

Федорович М. Ю.
M. Yu. Fedorovich

**РОЛЬ СОВЕТНИКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ
ИМПЕРАТОРОВ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ XVI ВЕКА**

**THE ROLE OF ADVISERS IN THE PROCESS OF SHAPING POLITICAL VIEWS
AND LEGAL OPINIONS OF THE HOLY ROMAN EMPIRE RULERS (XVI C.)**

Федорович Максим Юрьевич – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва); 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1; 8-985-721-76-23. E-mail: maxfed2612@rambler.ru

Mr. Maxim Yu. Fedorovich – PhD student, Department of Ancient and Medieval History, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow); 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991; +7 (985) 7217623. E-mail: maxfed2612@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность политических советников императоров династии Габсбургов, их политико-правовые концепции и влияние на взгляды самих императоров, а также на характер их правления. Эти деятели внесли решающий вклад в политическое развитие империи в эпоху активного межконфессионального противостояния в Западной Европе в XVI веке. Концепции универсальной монархии и религиозно-политической толерантности, выдвинутые советниками императоров, оказали влияние на политику как самой империи, так и других государств.

Summary. The paper examines the activities of political advisers to Habsburg emperors, their political views and legal opinions, and their impact both on the views of emperors and on the way they ruled the country. These political figures made a decisive contribution to the political development of the Empire in an age of religious conflicts in Western Europe (XVI c.). Such concepts as that of a universal monarchy or of religious/political tolerance were put forward by these advisers and influenced the policies of the Holy Roman Empire and of other states.

Ключевые слова: империя, советники, Габсбурги, Швенди, Круа, Гаттинара, универсальная монархия, религиозная толерантность.

Key words: Empire, advisor, Habsburgs, Schwendi, Croy, Gattinara, universal monarchy, religious tolerance

УДК 94 (4) «04/14»

Священная Римская империя германской нации в XVI в. представляла собой конгломерат владений светских и духовных князей, свободных и имперских городов. Во главе этой сложной геополитической конструкции стояли императоры из династии Габсбургов, избравшиеся коллегией курфюрстов. Сильная власть князей, опиравшаяся на поддержку рыцарства и городов, играла децентрализаторскую роль, ослабляя власть императора. Еще одним важнейшим фактором, способствовавшим децентрализации империи, стало появление лютеранства и других течений протестантизма, зародившихся в Германии в начале XVI столетия. Габсбурги в своей внутренней и внешней политике опирались на идеологическую поддержку ряда талантливых советников. Так, императора Карла V окружали в основном выходцы из Бургундии, Италии и Испании. Фердинанд I и Максимилиан II пользовались услугами немецких юристов, таких как Ульрих Цазий и Лазарь фон Швенди. Исходя из своих политических предпочтений, они определяли направление внешней политики монархов, создавая и разрушая политические альянсы как в Европе, так и внутри империи. По-разному они видели и разрешение конфессиональных противоречий. Если Гийом де Круа требовал решительной

борьбы со сторонниками Лютера, то Лазарь фон Швенди советовал в своих записках императору Максимилиану II проявлять толерантное отношение к протестантам.

Влияние, оказываемое советниками на формирование политико-правовых взглядов Габсбургов, на политику и законодательство империи, прослеживается по их переписке с императорами, по многочисленным сохранившимся запискам, содержащим основные положения их политических концепций, которые затем воплощались в реальных действиях монархов. В отечественной историографии деятельность имперских советников и их влияние на взгляды Габсбургов практически не изучены.

Императорские советники принимали весьма активное участие в процессе воспитания и образования потенциальных наследников трона. Ярким примером такого советника-воспитателя стал Гийом де Круа, сеньор де Кьевр (1458-1521), наставник юного Карла V. Он был выходцем из старинного бургундского дворянского рода, находившегося в течение нескольких столетий на службе у бургундских герцогов. Семья в целом была лояльна имперской политике Габсбургов.

В 1491 г. эрцгерцог Максимилиан, наследник императора Фридриха III, после гибели своей первой супруги Марии, последней герцогини Бургундской, взял управление этими важными владениями Габсбургов в свои руки. Он привлек к себе на службу многих представителей крупного бургундского дворянства. В их число попал и Гийом де Круа. В 1486 г. он был возведен в рыцари и получил титул сеньора де Кьевра, в 1491 г. стал рыцарем ордена Золотого Руна, а вскоре сделался имперским советником и камергером двора [12, 21]. Он остался в Бургундии и после того как Максимилиан стал императором, уже при новом наместнике – сыне императора Филиппе Красивом. На этом посту де Кьевра стремился связать Нидерланды и Испанию через заключение брака между Филиппом и Хуаной Безумной, дочерью «католических королей» Фердинанда и Изабеллы [4, 241]. Подобный альянс создал бы в дальнейшем мощнейшую империю, включающую Германию, Нидерланды, Испанию и колониальные владения последней. При этом сам Кьевр рассчитывал на то, что выходцы из Бургундии и в первую очередь он сам будут играть ключевую роль в политике империи. В 1504 г. Кьевр был назначен «главным управителем финансов» [13, 63]. Внезапная смерть Филиппа Красивого в 1506 г. и назначение его сестры Маргариты наместницей Нидерландов, казалось бы, прервала его политическую карьеру.

Император Максимилиан, несмотря на расхождение в политических взглядах с камергером, назначил его губернатором нидерландских земель и поставил во главе созданного регентского совета, который должен был управлять Нидерландами вплоть до совершеннолетия Карла. Гийому де Круа удалось довольно быстро подчинить своей воле остальных членов совета. Успехи, достигнутые Кьевром в управлении этой провинцией, позволили императору назначить его 27 апреля 1509 г. великим камергером эрцгерцога Карла, поручив тому дело воспитания и образования внука и наследника. Фигура де Круа, лидера бургундской партии при дворе, придавала должности камергера политический вес. Как отмечал биограф Карла V К. Бранди, «до этого времени должность камердинера в руках князя Шиме была чисто придворной» [6, 42]. Юный Карл находился практически под круглосуточным присмотром со стороны камергера, что в свою очередь практически полностью исключало какое-либо влияние на него со стороны его тетки Маргариты и деда-императора. Программа обучения наследника, составленная лично Кьевром, включала в себя помимо традиционных наук тривиума и квадривиума также чтение французских хроник на французском языке. Де Круа лично занимался с эрцгерцогом историей и литературой. Сам камергер скептически относился к обучению исключительно на латыни, так как сам плохо владел этим языком. «Он давал Карлу читать несокращенные хроники в подлиннике, причем беспрерывно на занятиях по истории связывал практические и дидактические соображения» [11, 29]. Тем самым великий камергер пытался сформировать профранцузский курс будущей имперской политики. Также Кьевр старался привить Карлу мысль о том, что Нидерланды только временно вошли в состав империи Габсбургов. «Он смотрел на Нидерланды как на государство, полностью неза-

висимое от Германской империи» [7, 35]. Но главной своей задачей как воспитателя Кьевр видел социализацию будущего монарха. Он знакомил своего воспитанника с церемониалом двора, повседневными делами императора, кругом его будущих обязанностей [11, 29].

Вокруг чрезмерной опеки бургундца Кьевра над Карлом постоянно возникали трения между профранцузски настроенным камергером и ориентировавшейся на Англию Маргаритой. При этом нередко Кьевр находил поддержку у императора Максимилиана, который также скептически относился к союзу империи с Англией [12, 107]. По требованию Маргариты в октябре 1513 г. в Лилле состоялось совещание, в котором участвовали император Максимилиан, Генрих VIII и король Арагона Фердинанд V. Решено было назначить комиссию наблюдателей из трех человек по одному от каждого государства. Они должны были контролировать процесс воспитания Карла и свести к минимуму влияние камергера. В состав комиссии вошли кардинал Мота, епископ Бадахоса Алонсо Манрике и Мишель Павье [6, 43]. Используя противоречия между наблюдателями, де Круа удалось фактически прекратить деятельность этой комиссии спустя несколько месяцев.

Влияние великого камергера на эрцгерцога Карла впервые публично было продемонстрировано в эпизоде с попыткой ареста испанского авантюриста дона Мануэля. Этот кастильский рыцарь, служивший в начале XVI в. при дворе Филиппа Красивого, настраивал последнего против его тестя короля Фердинанда. Он стремился таким способом возвести Филиппа на арагонский престол [13, 87]. Но все его интриги остались безрезультатными. В 1514 г. Маргарита с согласия своего отца приказала арестовать Мануэля, обвинив его в заговоре как против короля Фердинанда, так и против императора. Тем самым проявился политический союз Испании и империи. Маргарита планировала выдать арестованного Фердинанду. Между тем дон Мануэль являлся рыцарем бургундского ордена Золотого Руна. Сюзереном этого ордена был Карл. Этим и воспользовался лидер бургундской партии. Согласно статуту ордена Золотого Руна рыцарь ордена, совершивший преступление, «не мог быть выдан никакому государству, но должен был судим капитулом данного ордена» [12, 79]. Юный эрцгерцог решительно потребовал от Маргариты освобождения дона Мануэля. Изумляясь подобному проявлению характера, император Максимилиан приказал отпустить задержанного [12, 121].

Великий камергер неприязненно относился к Испании и испанцам. Он полагал, что усиление Испании повлечет за собой подрыв французского влияния в Европе, а следовательно, отрицательно скажется и на положении Нидерландов и бургундской партии. Поэтому он возражал против избрания Карла на испанский престол, но, ввиду душевной болезни его матери инфанты Хуаны, другого выхода не осталось. Прибыв в Испанию в 1518 г., Кьевр попытался приобрести владения в Испании и получить для себя и своих родственников ряд должностей. Такое поведение своего советника вызвало недовольство короля Карла и между бывшим воспитателем и его воспитанником наступило охлаждение. Вступив в 1519 г. на императорский престол, Карл начал привлекать ко двору испанцев, членов ордена Золотого Руна. «На капитуле Золотого Руна в Барселоне, где 8 кастильцев из первых семей, арагонец и неаполитанец были приняты в рыцари, Карл был настроен, по данным протоколов ордена, враждебно по отношению к мнениям и желаниям Кьевра» [2, 76]. Карл V отстранил де Круа от реального ведения дел, но сохранил за ним должность камергера вплоть до его смерти в 1521 г. Его место занял новый главный советник императора Меркурино да Гаттинара.

В отличие от политических взглядов Гийома де Круа, о которых можно судить только по косвенным свидетельствам современников, Меркурино да Гаттинара (1465 – 1530) оставил после себя довольно четко выстроенную политико-правовую концепцию «универсальной католической монархии», основные положения которой были изложены им в целом ряде записок, адресованных императору Карлу V.

Талантливый итальянский юрист, выходец из Пьемонта, начал свою карьеру при дворе герцогини Маргариты Савойской в 1501 г. Он был высокообразованным человеком, со знанием дела оперировал историческими фактами, знал основные европейские языки. Это

привлекало к нему многих гуманистов, с которыми он состоял в переписке. В своих письмах Эразм Роттердамский называл его «блистательным мужем» за его образованность [3, 204]. Занимая пост секретаря герцогини, Гаттинара оказывал большое влияние на политическое развитие Северной Италии в первое десятилетие XVI в. После переезда Маргариты в Бургундию в 1508 г. он получил должность президента парламента Франш-Конте, встав тем самым во главе бургундского судопроизводства. В 1518 г. на него обратил внимание император Максимилиан I, назначив его главным советником наследника престола. По замыслу императора это назначение должно было усилить команду советников будущего правителя империи, а также сократить влияние де Круа на Карла. Заняв в 1521 г. пост великого канцлера империи, Гаттинара начинает переориентацию политики габсбургской монархии. Отныне его целью, как и целью Карла V, стало возвращение Священной Римской империи характера «универсальной христианской империи», каковой она являлась во времена Карла Великого. В записке императору по случаю его коронации Гаттинара пишет: «Как до Карла Великого империя разделилась, а при нем была восстановлена, так и при вашем правлении она обречена на восстановление своего могущества» [5, 125]. В своих записках Гаттинара ненавязчиво и аргументировано доказывал юному императору выгоды универсалистской политики. При этом у Карла складывалось представление о том, что именно он принимает важнейшие для империи решения. Доказательством тому служит записка самого императора, составленная им зимой 1524 г., в которой отразились взгляды Габсбурга на положение империи и обострившийся конфликт с Францией. В ней Карл V соглашается со своим советником и называет притязания Франции основным препятствием для осуществления планов по созданию католической империи [6, 190].

Представления Гаттинары о монархической форме правления и роли императора в Европе берут свое начало от положений римского права, в которых император являлся «господином и богом», непререкаемым авторитетом в деле государственного управления. Австрийский историк А. Колер полагал, что концепция Гаттинары следует в русле «гибеллинской традиции и опыта неустойчивого политического мира Италии» [8, 21]. Монархия как политический институт, по мысли великого канцлера, освящена божественным Провидением. Всемирно-историческая миссия универсальной монархии заключается в охране христианского мира от враждебных ему мусульман и еретиков. Первым помощником в этой миссии для императора является папа римский как глава церкви. Католическая церковь придает власти императора законный и в то же время сакральный характер, проявляющийся в акте коронации в Риме – столице западного христианства. Империя в силу своей универсальности и единства веры объединяла различные нации под короной Габсбургов. Гаттинара считал, что центром универсальной империи должна стать Италия, а отдельные итальянские княжества и города сохранили бы свою автономию. При этом «предотвращался страх перед завоеванием, узурпацией и тиранией со стороны других народов» [8, 99].

Франция рассматривалась советником в качестве главного геополитического соперника империи на континенте. Французские короли сами стремились к распространению своего влияния, таким образом препятствуя созданию универсальной монархии Габсбургов. Гаттинара в своих записках выдвигал три направления внешней политики империи: борьба с Францией, заключение союза с папой и итальянскими государствами, мобилизация католического мира на борьбу с лютеранами и Османской империей [8, 176]. Ключевым союзником в противостоянии с Францией для империи должны были стать Англия и папа.

В представлении Гаттинары фигура Карла V занимала ключевое место в деле консолидации и интеграции европейских государств и создании всемирной монархии [5, 116]. Он видел Карла прежде всего не человеком, но символом, императором, «монархом мира». В записке императору 1522 г. он называет его «величайшим князем христианства», нуждающимся в защите юношей, которого он, Гаттинара, призван сделать великим. «Я мечтаю увидеть Вас на Вашем троне с короной, чтобы потом мог сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Господи», – высказывал свое желание советник [12, 210]. Сам император полностью вос-

принял универсалистские взгляды своего советника и придерживался их как во внешней, так и во внутренней политике вплоть до своего отречения. Расхождения между ними проявлялось прежде всего в методах осуществления этой политики. Так, после пленения Франциска I при Павии, Гаттинара настаивал на том, чтобы удерживать пленника в Италии, требуя от Франции передачи империи бургундских земель, Неаполя и Милана, а также вступления последней в антиосманскую коалицию. Однако подобный план действий встретил активное сопротивление со стороны Карла V. Император посчитал необходимым отпустить Франциска, проявить к противнику христианскую добродетель, выступив тем самым в роли доброго пастыря католического мира. Сам Карл сформулировал это так: «Чтобы простить проявленную несправедливость, я считаю более ненужным мстить; кроме того мечь это дело Бога» [10, 35].

Хотя Гаттинара и получил в 1527 г. титул кардинала в качестве признания своих заслуг перед империей, он постепенно все больше отдалялся от Карла V, который уже более не нуждался в помощи канцлера и все реже обращался к нему за советом. Гаттинара несколько раз просил императора об отставке, но так и не получил ее вплоть до своей кончины в 1530 г.

Аугсбургский мир 1555 г. привел к кардинальным переменам в политике империи, в законодательстве империи. Появились и новые течения в политико-правовой мысли. При Фердинанде I и его сыне Максимилиане II шел процесс поиска межконфессионального компромисса во всех сферах жизни немецкого общества. Немалую роль в этом сыграл Лазарь фон Швенди (1522 - 1584) – активный сторонник политики религиозной толерантности.

В 1548 г. Швенди руководил работой нижнесаксонского ландтага, на котором решался вопрос о заключении мира. В своем донесении Карлу V Швенди описывал атмосферу, в которой проходили заседания: «Каждый думает только о собственном преимуществе и мало заботится об общем благе, даже находит очень часто большую радость в том, чтобы видеть своего соседа уничтоженным. Также обычно каждый поддерживает врага своего соседа, а разнузданность дворянства и военных так велика, что мало отличаются те, кто выступает «за» или «против» вашего величества. В этих землях царит величайший беспорядок и каждый делает, что хочет» [1, 58]. Миссия Швенди закончилась безрезультатно. Император Максимилиан II, активно проводивший курс политического диалога с лютеранами, нуждался в опытного советнике, который смог бы способствовать политическому сближению двух конфессий на почве единства нации. При этом император рассчитывал на усиление своей власти и влияния, как в католической, так и в лютеранской частях империи [9, 295]. Таким советником и стал Лазарь фон Швенди, отозванный из Нидерландов в 1564 г.

К открытию Шпайерского рейхстага 1570 г. Швенди представил императору проект достижения политического взаимопонимания между конфессиями, получивший название «Мемуар». Швенди, по крайней мере, еще дважды дорабатывал его в своих письмах Максимилиану II. Окончательный вариант появился в 1576 г. незадолго до смерти императора. Хотя данный проект так и не был реализован, он важен для понимания политико-правовых взглядов немецкого дворянства эпохи конфессионализации.

Швенди начинал записку с экскурса в германскую историю. На конкретных примерах он показывает стремление немцев к свободе, проявлявшееся как в борьбе германских племен с Римом, так и позднее в борьбе императоров с папством [1, 59]. Причиной начала Реформации, по мнению Швенди, в первую очередь стала политика католической церкви, направленная на эксплуатацию экономического потенциала Германии. Император Карл V не оправдал надежд протестантов, пойдя на соглашение с папой. Книгопечатание стало важным инструментом широкого распространения идей Лютера среди дворян и горожан [1, 60].

Швенди полагал, что межконфессиональное противостояние и нежелание католических князей пойти на соглашение с протестантами угрожают внешней безопасности империи. «Папа, потеряв ключевые позиции в Германии, – писал он, – стремится восстановить их посредством расширения деятельности ордена иезуитов» [1, 69]. Советник активно критиковал испанского короля Филиппа II и его политику как не соответствующую интересам импе-

рии и подрывающую хрупкий мир в Европе [1, 68]. По мнению Швенди, император должен стать третейским судьей в межрелигиозном споре, объединяя немецкую нацию. Он предложил реформировать рейхстаг, сделав его постоянно действующим органом и передав в его ведение вопросы формирования имперской армии и монетное дело, а также создать независимый от папы общенациональный собор, в который вошли бы как католики, так и лютеране.

Толерантность и ее воплощение в немецком обществе являлась главной идеей «Памятной записки». По мысли Швенди, только толерантное отношение к католикам и лютеранам со стороны императора и имперских сословий может укрепить империю и исключить возможность внешнего вторжения. Автор «Мемуара» выступал за сильную императорскую власть, которая способна предотвратить хаос, связанный с религиозными войнами. Швенди ратовал за политическое и правовое равенство представителей христианских конфессий и изменение отношения к лютеранам. Он считал, что толерантность в немецком обществе будет способствовать росту популярности католицизма и в дальнейшем приведет к отступлению людей от лютеранства и его исчезновению. На наш взгляд, Швенди был противником как абсолютизма на уровне империи, так и на уровне княжеств. Его идеалом являлась условно-представительная монархия с влиятельным рейхстагом под председательством императора.

Подводя итоги, следует отметить, что политические советники Габсбургов в XVI в. являлись одними из наиболее образованных политических деятелей Европы. Многие их политические и правовые идеи и концепции были воплощены в текущей политике и законодательстве империи. Именно под влиянием советников, выступавших порой в роли воспитателей будущих монархов, в значительной степени сформировались политические и правовые взгляды самих императоров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aus der Denkschrift des kaiserlichen Rats Lazarus von Schwendi (1574) // Deutsche Geschichte und Darstellung. – Stuttgart, 1996. - Bd. 4. Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648. – S.58-72.
2. Brandi K. Kaiser Karl V. Werden und Schicksal einer Persönlichkeit und eines Weltreiches. Quellen und Erörterungen. – München, 1941.
3. Opus Epistolarum Des. Erasmi Roterdami. – Bd.5. 1522-1524. – Oxford, 1924.
4. Bergenroth G.A. Kaiser Karl V. Und seine Mutter Johanna // Historische Zeitschrift. – Bd. 20. – 1868. – S.231-270.
5. Bosbach F. Die politische Bedeutung Karls des Großen für Karl V. // Archiv für Kulturgeschichte. – Bd. 84. – 2002. – S. 113-131.
6. Brandi K. Kaiser Karl V. Werden und Schicksal einer Persönlichkeit und eines Weltreiches. – München, 1937.
7. Delfosse L.R. Die Jugend Karls V. (Diss.) – Göttingen, 1923.
8. Kohler A. Karl V. 1500-1558. Eine Biographie. – München, 1999.
9. Lanzinner M. Friedensversicherung und politische Einheit des Reiches unter Kaiser Maximilian II. (1564-1576). – Göttingen, 1993.
10. Schorn-Schütte L. Karl V. Kaiser zwischen Mittelalter und Neuzeit. – München, 2000.
11. Strakosch-Grassmann G. Erziehung und Unterricht im Hause Habsburg. – Wien, 1903.
12. Walther A. Die Anfänge Karls V. – Leipzig, 1911.
13. Walther A. Die burgundischen Zentralbehörden unter Maximilian I. und Karl V. – Leipzig, 1909.

Азаренков А. А.
A. A. Azarenkov

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЛАСТЬ: ПСИХОМЕНТАЛЬНЫЕ ПАРАДОКСЫ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

FAR-EASTERNERS AND THE BOLSHEVIST POWER: PSYCHO-MENTAL ANTI-NOMIES OF THE POST-REVOLUTIONARY REALITY

Азаренков Александр Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема (Россия, Биробиджан); 679015, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, д. 70а; (42622) 4-01-46, (42622) 4-63-69. E-mail: ron-rey63@mail.ru.

Mr. Alexander A. Azarenkov – PhD in History, Associate Professor, Lecturer, Department of History and Archival Studies, Sholem Aleichem Amur Region State University (Russia, Birobidzhan); 70a, Shyrokaya Str., 679015, Birobidzhan, Jewish Autonomous Region; +7 (42622) 40146, +7 (42622) 46369. E-mail: ron-rey63@mail.ru

Аннотация. В статье на материале Дальневосточного региона анализируются перемены в массовых настроениях на этапе преодоления системного кризиса традиционной империи. Выявлена специфика окраины России, где востребованность порядка на уровне патерналистских ожиданий бессознательно проявлялась сильнее, чем в центре страны. В то же время она не исключала отстраненного и недоверчивого отношения массы к большевикам.

Summary. The paper analyses changes which occurred in the Far-Eastern public opinion at the time when the systemic crisis of the essentially traditional Russian empire was being gradually overcome. The author reveals the specific nature of Russia's remote provinces where the demand for law and order on the level of paternalistic expectations unconsciously manifested itself much stronger than in the central parts of the country. At the same time, this all didn't rule out a reserved and distrustful attitude of large masses of people towards the Bolsheviks.

Ключевые слова: смута, власть, масса, Дальний Восток, стабильность, политика, большевики, регион, порядок.

Key words: revolt, power, masses, the Far East, stability, politics, Bolsheviks, region, law and order.

УДК 94(571.6)

На противоречивость отношения населения дальневосточной окраины к новой для региона большевистской власти и соответствующие поведенческие реакции традиционалистской массы оказали влияние одновременно несколько взаимоисключающих факторов.

Региональная специфика – географическая оторванность, и прежде означавшая «дистанцию» от центральной власти, которая «далеко» и уже потому ограничена в своих возможностях. Хотя не обладая в то же время достаточным коммуникативным и силовым ресурсом, власть и «не мешает». Следует заметить, что в силу противоречивости исторически сложившегося массового сознания любая власть в России, тем более на окраине, воспринималась как сила, в принципе противостоящая и даже враждебная индивиду и массе в целом (см. прим. 1).

Однако более глубокий и продолжительный хаос в регионе на фоне масштабного вмешательства извне, безвластие (а точнее, многовластие) на человеческом уровне ощущались и воспринимались патерналистско ориентированной массой остро и болезненно. Потому востребованность порядка дальневосточниками проявлялась тоже сильнее.

В то же время извлечённый из источников фактический материал о массовых настроениях свидетельствует, что единство (весьма относительное) традиционалистской массы и коммунистов практически ограничилось борьбой с японцами и отчасти с «белыми». С устранением общих противников вчерашние попутчики неизбежно оказывались лицом к лицу, с трудом уживаясь, не предпринимая даже попыток вступить в диалог (пустые пропагандистские усилия властей всерьёз воспринимать вряд ли стоит). Неудивительно, что бесконфликтного сожительства большевиков и массы получиться не могло.

Можно говорить об автономности массовых настроений от лозунгов, нюансов и корректив курса коммунистической власти, даже если «наполнение» этого курса отчасти затрагивало интересы населения. «Заповедник» традиции – дальневосточная деревня начала 1920-х гг., пережив потрясения лихолетья, вернулась к обычному мирному труду, далёкому от политических перипетий. Как и до смуты, она продолжала жить собственной жизнью, не имея определённой перспективы в отношении нового режима. В сущности, изначально склонные к хозяйственной и налоговой «вольнице», дальневосточные крестьяне всегда стремились держаться подальше от власти, своим вмешательством пытающейся сковать их индивидуальную (хозяйственную и бытовую) свободу, сохранить локальную групповую (внутрисельскую и семейную) автономию от чиновника. В повседневности деревня привыкла надеяться лишь на себя. Ценностью для неё была отстраненность от всего внешнего, а прежде всего – от власти.

Как точнее определить такого рода позицию «дистанцирования»? Разумно предположить, что это, скорее, вынужденное сосуществование, когда масса привычно воспринимала власть как «чужую», далёкую от массового идеала.

Большевицкий режим у дальневосточников ассоциировался с имперским центром. Любая власть, утвердившаяся в центре страны, автоматически выступала победителем и в окраинном регионе. Новая центральная власть, пусть теперь и «красная», вышла из ностальгического прошлого «порядка», из истории державной России и являлась носительницей привычных ценностей и внешних атрибутов, даже безотносительно к её оценке, хороша она или плоха и что конкретно с собой несёт. Она становилась символом порядка, опиравшегося на силу Красной армии. В представлениях традиции настоящая власть должна обладать монополией на насилие, действовать жёстко, даже грубо, обозначая своё присутствие. Иными словами, власть с её патерналистско-коммунальной иерархичностью оказалась ценна сама по себе как антипод хаосу.

В смуту дальневосточники пережили не только безвластие, но и многократную (даже с «перебором») смену власти. В принципе, безвластие и многовластие – явления почти идентичные. Опыт показал, что все без исключения региональные режимы (от «розового» ВПАС до «покрасневшей» ДВР или «белое» Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых, не говоря уже об откровенно террористическо-криминальных режимах: казачьих властях вроде Семёнова в Забайкалье, Калмыкова в Приамурье или бесчинствовавших бандитских партизанских шаек Тряпицына, Шевчука и Бойко-Павлова) оказывались слабыми и неэффективными, не способными к тому, чего от власти ждёт масса, т.е. к «порядку». Локальность, «местечковость», присутствие «чужих» (японцев) – всё это препятствия, делавшие любой «местный» режим квазивластью по определению. Иначе, единовластие (в масштабах России) легитимировало эту власть в регионе, многовластие (в масштабах региона), напротив, дезавуировало любую «местную» власть, лишало её авторитета и доверия населения.

Представляется несостоятельным утверждение, что принятие дальневосточниками большевистского режима было связано с одобрением проводимой коммунистами политики, особенно после «сравнения» её с предшественниками большевиков. Отношение формировалось вне зависимости от опыта конкретной большевистской практики в центре России или в Сибири, даже вопреки доходившим свидетельствам о поволжском голоде, массовых крестьянских бунтах или остаточных слухах об ужасах «военного коммунизма». Так же и о большевистском нэпе жители региона в начале 1920-х гг. имели смутное, непрактическое

представление. Отношение к коммунистам как к центральной, «имперской» власти поддерживалось массой, скорее, осторожно-недоверчиво, не безусловно: это было ожиданием «варягов», которые, как внешняя, но «своя», привычная сила, наконец наведут долгожданный «порядок» в погрязшем в хаосе бандитизма регионе, избавят от «чужаков» – интервентов.

Это внешне пассивное, инертное, но не вовсе безразличное отношение. Формировалось оно, скорее, подспудно, на подсознательном, но никак не на логически осмысленном уровне, вне зависимости от конкретного идейного «наполнения», а потому оставалось неопределённым. Традиционная властно-авторитарная ориентация активизировалась на фоне затянувшейся внутренней смуты и иноземного засилья, отсюда и этатистские стремления массы. Грядущий сталинизм вряд ли был бы возможен без пережитого опыта смуты.

Противоречивость поведенческих реакций «низов» объяснялась также тем, что эйфория революционных ожиданий иссякала. Утопия традиционалистского идеала всеобщего равенства оказалась недостижимой, а энтузиазм, характерный для периода партизанской борьбы, уже к лету 1922 г. везде на Дальнем Востоке (кроме, разве что, Приморья) уступил место массовому разочарованию.

Поэтому коммунисты неожиданно столкнулись с политической инертностью населения даже в тех случаях, когда требовалось хотя бы формально проявить верноподданнические настроения. Пассивные настроения массы проявлялись в ходе официальных выборных кампаний, будь то выборы в представительные органы Дальневосточной республики или, впоследствии, в советы, и выражались в абсентеизме – бойкоте выборов. Характерно, что при этом мужик не симпатизировал никому, и белоповстанцам тоже, даже несмотря на новую тактику последних – в целом лояльное отношение к деревне (см. прим. 2).

Устойчивость традиционных патерналистских установок и консерватизм массовых взглядов на власть парадоксальным образом уживались с подвижностью поведенческих реакций в отношении власти. Наступившая после советизации региона нэповская «стабильность» оказалась обманчивой, поскольку благополучие населения оставалось шатким. Смена настроений соотносилась с периодами экономической стабилизации или, наоборот, нестабильности в регионе. Такое противоречие можно объяснить отсутствием стержневых основ политического поведения традиционалистских слоёв. В то же время на отношение массы к власти и её (психо)ментальные реакции оказывали воздействие и специфические обстоятельства – так сказать, факторы местного значения.

В только что «покрасневшем» Приморье, пережившем пятилетний период многовластия с чередой «опереточных» режимов, каждый из которых был слабее предыдущего, а под занавес смуты (в сентябре – октябре 1922 г.) – настоящую анархию, эйфория от советизации как в деревне, так и городе иногда приводила к весьма неожиданным проявлениям «симпатии» населения к коммунистам.

Менее чем через три недели после триумфального вступления «красных» в «дальневосточный Петроград» (как иногда называли Владивосток советские историки) своеобразную проверку новой власти на прочность ей устроили самые «строптивые» пролетарии Владивостока – привыкшие своевольничать портовые грузчики, организованные в артель – своеобразную квазиобщину. Почему-то решив, что «своя» власть просто обязана без промедления выполнять любые их «шкурные» требования и встретив неожиданную для себя, но вполне объяснимую «затяжку» в вопросе о повышении ставок за перевалку, грузчики предъявили местному ревкому ультиматум. Они заявили, что если ставки не будут повышены немедленно, они не выйдут на работу. Надежда большевиков, что пролетарии не посмеют выступить против «рабочей» власти, не оправдалась. Угроза оказалась не пустой, и вечером 13 ноября 1922 г. грузчики объявили забастовку, причём утром следующего дня на работу не вышел ни один человек.

Однако, в отличие от предшественников, у ревкома разговор с забастовщиками оказался коротким. В категорической форме «красная» власть пообещала применить «военно-революционные меры». В подкрепление весомости угрозы к помещению артели был отправлен

вооружённый отряд. Упоминание о силе и вид красноармейцев произвели впечатление: не дожидаясь обозначенного времени, грузчики в полном составе приступили к работе (см. прим. 3).

Новая власть продемонстрировала всем сомневающимся свою дееспособность. Только такой язык силы понимала (и принимала) масса.

Если недовольство пролетариев носило всё же частный характер и вряд ли может быть спроецировано в явление, типичное по сути и повторяющееся (вполне вероятно также, что преподнесённый властью урок был воспринят рабочими), то «укротить» крестьян оказалось сложнее. Главным раздражающим фактором во взаимоотношениях новой власти и деревни являлся непомерный продналог, воспринимавшийся его плательщиками как «большевицкая дань».

В отличие от властей, крестьяне понимали неразумность опустошающей их хозяйства «дани». В традиционном контексте взаимоотношений «земли» и власти подразумевалась заинтересованность последней в поддержании тягловой способности населения. Поборы, которые подрывали воспроизводственный потенциал хозяйств, переживались крестьянами психологически болезненно.

Острые конфликтные ситуации по поводу величины продналога и почти неизбежных при его уплате недоимок начали возникать ещё в «буферный» период. Но их число возросло после советизации региона, когда традиционалистская масса осталась «один на один» с большевиками. Так, в информационной сводке ГПУ за 1 февраля 1923 г., направленной руководству партии и страны, отмечались даже факты вооружённого сопротивления при сборе продналога в недавнем партизанском очаге – Приморье (см. прим. 4), где как раз по этой причине крестьянская эйфория от советизации улетучилась почти мгновенно.

Впрочем, хотя случаи недовольства большевицкой властью в деревне были частыми, но в бунты они перерастали редко. К примеру, в Черниговской волости Спасского уезда Приморья за противодействие при попытке собрать продналог были арестованы 23 крестьянина. В своё оправдание местные власти «списывали» факты недовольства считавшейся «умеренной» нэповской политикой обирания крестьян на провокационные слухи, распространявшиеся белоказаками, проникавшими из Маньчжурии и рассеивавшимися по деревням с целью поднять крестьян на бунты (см. прим. 5). Последний довод подхватили советские историки, называвшие едва ли не любые проявления традиционалистского протеста «белобандитизмом» при активном «пособничестве местного кулачья» (см. прим. 6).

На деле практически весомый, «шкурный» для массы продналоговый вопрос склонял чашу весов массовых настроений и действий от равнодушия к власти и приспособления к ней до локального бунта против неё. В отличие от местных властей, примечательна та недвусмысленность, которой объяснялись причины возникновения брожения в массе в сводках ГПУ–ОГПУ. Её подтверждают и выводы более поздних сводок «политической полиции» СССР (1923 – 1925 гг.) о том, что политическое положение в ДВК всецело связано с продовольственным вопросом (см. прим. 7).

Безусловно, близость Маньчжурии как одной из баз русской эмиграции представляла собой известную опасность для режима. Но эту опасность, особенно в контексте отторжения традиционалистской массой любого, особенно закордонного «чужака», всё же не следует преувеличивать. В любом случае, представляется неверным искать причину конфликтности власти и массы во вмешательстве какой-то «внешней силы». Тем более остатков «белых», вчистую проигравших в только что закончившейся междоусобице как раз потому, что они не смогли (даже временно) найти понимания у собственного народа, представляя отторгнутые революционной смутой имперские элиты старой России.

Данные местных структур ГПУ в 1923 г. предрекали на ближнюю перспективу полосу крестьянских волнений в Дальневосточной области. Причина уже не обычного недовольства деревни, а открытого протеста заключалась в повышении суммы сельхозналога в 1923 г. (6 млн 750 тыс. р.) в сравнении со сборами относительно благополучного 1922 г. (5 млн

250 тыс. р.) при много худшем урожае 1923 г. В среднем продналог на деревню был небольшим – 13,5 % от объема произведённой продукции. Однако неумное рвение местного налогового аппарата в иных случаях повышало налог до 28 % (Свободненский, Нерчинско-Заводской) и 32 % (Никольск-Уссурийский район) (см. прим. 8).

Необходимо учитывать, что даже сравнительно небольшое налоговое бремя было тяжело для дальневосточного крестьянина в сравнении с фискальной политикой царского времени (тем более в сравнении со временем почти необъятной «вольницы» затянувшейся в регионе смуты). Местный крестьянин долгое время фактически никаких постоянных налогов не нёс вообще. Более того, прежде деревня пользовалась существенными льготами в рамках колонизационной политики царского режима. На этом фоне неудивительно, что «большевистская дань» воспринималась болезненно, а часто и преувеличенно болезненно.

Однако в целом адаптация дальневосточников к новой власти происходила незаметно, даже буднично. Власти легко справлялись с открытым политическим сопротивлением. Разумеется, случаи такого рода были, но оставались локальными и непродолжительными. Самый массовый антибольшевистский крестьянско-казацкий бунт – Зазейское восстание в Амурской губернии (14 января – начало февраля 1924 г.), численность участников которого, включая мобилизованных насильно, составила всего чуть более 1 тыс. чел. (см. прим. 9).

Правда, географически повстанцы сумели поднять весь Зазейский район: бунт охватил семь волостей. Они создавали вооружённые отряды, обезоруживали милицию, свергали сельские и волостные власти. Восстание было подавлено силой. Часть уцелевших повстанцев сумела перейти границу с Маньчжурией (см. прим. 10).

Повстанческая власть провозгласила себя «Временным Амурским правительством». В воззваниях к крестьянам «Амурское правительство» высказывалось против всякой диктатуры, за созыв демократически избранного Народного собрания. Но упор повстанцы делали всё же не на политику, а на справедливую налоговую политику, которая «должна быть приспособлена к платежеспособности населения». Протест против «зверского налога» являлся лейтмотивом всех их обращений. «Амурское правительство» резонно заявляло, что «налоги не должны мешать мощности хозяйства» (см. прим. 11). В противовес несправедливой в глазах массы коммунистической «классовой» политике декларировались важные для среднесостоятельного в большинстве крестьянства обязательства обеспечения порядка и защиты собственности (см. прим. 12). Хотя это не помешало советским историкам с их непременным классовым подходом приклеить Зазейскому восстанию ярлык «кулацкого мятежа» (см. прим. 13).

Почти одновременно с Зазейским восстанием в начале января 1924 г. в Забайкалье власти ликвидировали крестьянское выступление меньших масштабов (всего было арестовано около 150 повстанцев) (см. прим. 14).

В докладной записке в Политбюро ЦК РКП(б) (июнь 1924 г.), обобщая факты антибольшевистского движения в регионе, председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский называл и причину всплеск традиционалистского протеста – общее недовольство крестьянства ДВО налоговой политикой. В то же время, отстаивая ведомственные интересы своей организации, её шеф ратовал за рост ассигнований на укрепление дальневосточной границы, настаивая, что организованные в Маньчжурии белые отряды – база для недовольных местных крестьян (см. прим. 15).

Несмотря на случившееся время от времени пертурбации первых послесмутных лет, о масштабном, тем более политически мотивированном протесте в Дальневосточном регионе речь не шла. Настрой основной массы населения ассоциировал смуту с пережитыми бедствиями. Поэтому дальневосточники, по крайней мере внешне, терпели новый большевистский режим и старались приспособиться к нему. Фрустрация послесмутного времени объяснима тем, что люди определённо желали автократии, пусть и только кажущейся «своей». Именно усталость от стихии следует считать завершением революционной смуты как системного кризиса. В эту поведенческую парадигму традиционалистской массы вовсе не случайно вписалось воссоздание привычной имперской государственности под новым названием «Советский Союз».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробный анализ психоментальных поведенческих рефлексов, основанных на фантомных ценностях и мифологемах, а также причин их доминирования в сознании российского «человека традиционного» представлен в другой публикации автора настоящей статьи: Азаренков, А. А. Власть и масса: методологические замечания к анализу политической ментальности послереволюционного российского социума / А. А. Азаренков // Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций. Материалы междунар. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 22 – 24 сентября 2008 г. – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – С. 588-592.
2. Ципкин, Ю. Н. Террор гражданской войны: в поисках виновников / Ю. Н. Ципкин // Съезд сведущих людей Дальнего Востока : материалы науч.-практ. историко-краеведческой конф., посвящённой 100-летию Хабаровского краеведческого музея, 17-18 мая 1994 г. – Хабаровск, 1994. – С. 172.
3. Русский голос (Харбин). – 1922. – 16 ноября.
4. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Ин-т рос. истории РАН. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 74.
5. Там же.
6. См., например: Шагин, Э. М. Дальневосточная партийная организация в борьбе за развёртывание шефства города над деревней в 1923 – 1925 гг. / Э. М. Шагин // Из истории советского Дальнего Востока : материалы межвуз. науч. конф. – Хабаровск, 1963. – С. 79.
7. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Ин-т рос. истории РАН. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 76-390.
8. Там же. С. 203.
9. Там же. С. 1054-1055.
10. Там же. С. 204.
11. Там же.
12. Там же.
13. Флёров, В. С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Т. 1 / В. С. Флёров. – Томск : изд-во Томского ун-та, 1973. – С. 395-424.
14. Там же.
15. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939: Документы и материалы. В 4 т. Т. 2 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Ин-т рос. истории РАН. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 203-204.

Наследов В. Г.
V. G. Nasledov

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

THE EDUCATION SYSTEM IN RUSSIAN AMERICA

Наследов Вадим Георгиевич – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 8 909 889 45 00. E-mail: vadim_91_@mail.ru.

Mr. Vadim G. Nasledov – PhD student, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); +7 (909) 8894500. E-mail: vadim_91_@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрывается происхождение и развитие системы образования в российских колониях на Алеутских островах. Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения первой школы в Русской Америке до продажи Аляски США (1784 – 1867 гг.). При работе над статьей были использованы источники из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге.

Summary. The paper deals with the origin and development of the education system in Russian colonies on the Aleutian Islands. The chronological scope of the study covers a period from the occurrence of a first school in Russian America till the sale of Alaska to the United States (1784 – 1867). For the study I drew on sources and materials from the Russian State Historical Archive in St. Petersburg.

Ключевые слова: Русская Америка; Российско-американская компания; коренные народы Севера; образование.

Key words: Russian America, Russian-American Company, indigenous peoples of the North, education.

УДК 94(798)

Первая школа в Русской Америке была открыта на острове Кадьяк ещё в 1784 – 1786 гг. Г.И. Шелиховым «для малолетних детей алеут и американцев». Первыми учителями стали промышленники, мореходы и миссионеры. Английский мореплаватель Дж. Ванкувер сообщает нам о существовании школы также и в поселении, основанном компанией П.С. Лебедева-Ласточкина на Кенайском полуострове. Однако сведения о существовании этой школы после 1794 г. отсутствуют.

Школа на Кадьяке пережила несколько периодов упадка и возрождения. К моменту прибытия на Кадьяк монашеской миссии школа фактически перестала функционировать. Архимандрит Иоасаф возобновил занятия в доме миссии, где обучалось 15 детей. Преподавал в ней иеродиакон Нектарий. В 1802 г. администрация компании взяла школу под свою опеку, и учителем в ней стал русский промышленник Юдин. Однако «успехи были ничтожны, ибо они [дети] нисколько не начав говорить по-русски, а учителя их ... не разумея по-островитянски, не могли сообщать взаимных понятий» [2, л. 42].

Новый расцвет связан с деятельностью в Русской Америке иеромонаха Гедеона, который открыл на острове Кадьяк в марте 1805 г. двухклассное училище. Сначала в нем обучалось около 50 человек, впоследствии – более 100. За два года дети знакомились со следующими дисциплинами: чтением, письмом, кратким катехизисом, арифметикой, географией, церковной и светской историей. К моменту отъезда Гедеона из колоний в 1807 г. лучшие из его учеников заняли преподавательские должности. Они же продолжили составление словаря и краткой грамматики кадьякского языка, начатое под руководством иеромонаха. Обучение проходили преимущественно креолы, чьими отцами были русские промышленники, ввиду того, что «сии креолы ... обращавшиеся при отцах своих и от них навыкавшие уже русскому языку, учились с большим успехом российской словесности, закону божию, ариф-

метике и навигации» [2, л. 42]. Поскольку это училище с момента создания было скорее частной инициативой, чем одним из направлений деятельности администрации РАК, то после отъезда Гедеона оно мало-помалу стало приходить в упадок. Тем не менее усилия просветителя не остались совершенно бесследными. Училище продолжало существовать на острове Кадьяк до 1825 г., когда оно было переведено в Ново-Архангельск. О результатах обучения на Кадьяке в те годы Ф.П. Врангель писал в 1831 г.: «И теперь в колониях из служащих-креолов некоторые бухгалтеры и содержатели магазинов – ученики того времени» [3, с. 37].

Впоследствии центром просвещения в Русской Америке стал Ново-Архангельск, где было создано трехклассное училище, чья программа в общих чертах копировала подобные учреждения в Сибири. Однако особые условия колоний формировали потребность изучения такой дополнительной специальности, как морское дело, и некоторых других дисциплин. Капитан-лейтенант Головин сообщает: «В это училище положено принимать детей лиц, занимающих в колониях различные должности, как бы в награду за усердную службу родителей и приносимую ими компании пользу, а также и вольноприходящих для слушания лекций... число вольноприходящих для слушания лекций неограниченно, платы за это никакой не требуется, но приём их всегда зависит от усмотрения главного правителя» [1, с. 65]. Одних учеников готовили для морской службы, других – в конторщики, третьих – в духовное звание. Поскольку затраты на обучение покрывались средствами компании, то выпускники обязывались отслужить в колониях не менее 10 лет. Каждый из них после шести лет службы в колониях получал звание личного почётного гражданина. Таким образом, администрация гарантировала закрепление за компанией всех креолов, получивших образование. Это позволяло ей уменьшить число русских промышленников, нанимаемых на материке. Их доставка в Русскую Америку и возвращение обратно по истечении срока контракта составляли значительные издержки для РАК. Обучение нужным специальностям креолов позволяло компании относительно дешево наращивать число служащих, без которых невозможно было по настоящему закрепить свое присутствие в регионе.

Воспитанников, у которых был отмечен высокий потенциал, отправляли для продолжения образования в Россию – в Кронштадтское штурманское и судостроительное училища или другие учебные заведения, в том числе и в других городах России. Впервые это произошло ещё в XVIII в.: «в 1787 г. вывезено было таковых креолов 12 мальчиков в Иркутск, где Шелихов особенно старался чрез тамошних народных школ учителей доставить им большие познания, нежели какие они могли приобрести на острове, и учились с успехом не только словесности и математике, но и музыке». С 1805 г. такие поездки приобрели относительно регулярную основу, и в дальнейшем в России на обучении ежегодно находилось от 5 до 12 человек (в том числе девочки) [2, л. 43об]. С 1816 г. было принято решение обучать креолов также и в Петербургской медико-хирургической академии, в связи с острой нуждой колоний в медицинских кадрах. К 1817 г. в колониях проживало 280 креолов обоёго пола, прошедших или получающих образование за счет компании (русских промышленников в колониях одновременно находилось в среднем 500 человек). К сожалению, креолы в России были подвержены высокой смертности в связи с резким изменением климата, питания и отсутствием иммунитета ко многим заболеваниям. Поэтому через некоторое время отправку креолов на материк пришлось прервать в связи с отсутствием желающих.

Кроме того, в Ново-Архангельске существовала также школа, в которую принимали детей служащих в нижних званиях, а также сирот. Это школа готовила писарей и мастеровых, «а более способные, по достижении 17-ти летнего возраста, переводятся в специальный класс общеколонииального училища для приготовления в штурмана». В 1842 г. в школе проходили обучение 50 воспитанников, в 1860 г. их было 27. В 1839 г. в Ново-Архангельске была учреждена школа для девушек (по штату 1842 г. на 40 вакансий) [1, с. 67]. Креолок обучали грамоте, арифметике, закону божьему, ведению домашнего хозяйства и рукоделию [2, л. 44].

В 1841 г. в Ново-Архангельске было организовано духовное училище, где дополнительно к обычному курсу обучали туземным языкам, а также врачебному искусству в таком

объёме, чтобы выпускники могли «заменять посредственных лекарей» [3, с. 21]. Преподавание медицины вели доктора Ново-Архангельской больницы.

Большой интерес представляет опыт обучения алеутов. Если в получении образования креолами в условиях острой потребности в обученных служащих в первую очередь была заинтересована сама компания, то обучение алеутов не диктовалось непосредственными экономическими причинами. Поэтому организацией учебного процесса среди них, как правило, занимались священнослужители и энтузиасты из русских промышленников. Алеуты со своей стороны, как отмечал Иоанн Вениаминов и «в зрелом возрасте имеют большую охоту учиться грамоте». Сильным стимулом для обучения стала разработка Вениаминовым грамматики алеутского языка, переработанная священником Яковом Нецветовым и для атхинского (западного) диалекта алеутского языка. Главный правитель колоний П.Н. Головин сообщал, что в 1846 г. на островах Прибылова «почти все новое поколение [алеутов] умеет писать» благодаря обучению в школе, организованной там стараниями управляющего артелями креола Шаяшникова. На острове Уналашка того же результата удалось добиться благодаря деятельности основанного в 1825 г. училища. В 1860 г. обучение в нем проходили 50 мальчиков и 43 девочки (в основном алеуты). На острове Амля (Атхинский отдел) школа действовала под руководством священнослужителей и в 1860 г. насчитывала до 30 учащихся. С 1843 г. началось обучение детей аглегмютов (эскимосы, населяющие низовья бассейна реки Нушагак) при Нушагакской и Квихпакской миссиях на материке. В школе на острове Беринга преподавались грамота и арифметика [4, с. 222].

Кроме того, в «Обзоре деятельности РАК» от 1818 г. сообщается об устройении компанией музея «для удобнейшего ознакомления учащихся креолов с предметами, возвышающими и украшающими ум и сердце», а также больниц в Кадьяке и Ново-Архангельске. Покупкой в России, а также актами дарения от высших лиц компании (например, Н.П. Резанова) музей снабжался «отборными книгами историческими, географическими, путешественными и нравственными, так же как картинами, бюстами, эстампами, ландкартами и инструментами и главными произведениями всех царств природы» [2, л. 45]. Что касается больниц, то врачей в тот период при них не было, поскольку «никто из них не соглашается ехать в такую отдаленность» из России. Компания стремилась привлечь тех врачей, которые сопровождали кругосветные экспедиции, к работе своих больниц и обучению нескольких местных молодых людей «тому, что может делать лекарский ученик» [2, л. 47].

Таким образом, мы видим, что обратной стороной эксплуатации Российско-американской компанией коренного населения Русской Америки является её политика в отношении просвещения. Первые школы на Алеутских островах появились ещё в XVIII в., однако своего расцвета система образования в колониях достигла лишь в 1840 – 1850-х гг. Главным достижением в этой области в отношении алеутов является грамотность большинства населения на многих островах Алеутского архипелага. Несмотря на это, просветительская деятельность в колониях была направлена, главным образом, на русских и креолов как действительных или будущих служащих компании. Обучение в общеколонииальном училище, дающем учащимся общее образование, по губернским меркам Российской империи, безусловно, носило прикладной характер. Учеников обучали тем отраслям знаний и профессиям, которые были востребованы в колониях: мореплаватели, священнослужители, писари, ремесленники. Учеников обучали тем отраслям знаний и профессиям, которые были востребованы в колониях: мореплаватели, священнослужители, писари, ремесленники и, с определённого момента, медики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, В. М. Обзор русских колоний в Северной Америке / В. М. Головин. – СПб.: Типография Морского Министерства, 1862. – 178 с.
2. РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 830.
3. Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев / под ред. А. Д. Дридзе, Р. В. Кинжалова. – М.: Мысль, 1994. – 373 с.
4. Федорова, С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII в. – 1867 г.) / С. Г. Федорова. – М.: Наука, 1971. – 295 с.

Петрунина Ж. В.
Zh. V. Petrunina

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ КИТАЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ: КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ON CHINA'S FOREIGN POLICY IN SOUTHERN ASIA: CHINA-PAKISTAN RELATIONS TODAY

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru

Ms. Zhanna V. Petrunina – Dr.habil. of History, Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Av.; + 7 (4217) 241158. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены внешнеэкономические задачи администрации Си Цзиньпина в отношении Пакистана. Определены цели и методы реализации поставленных задач КНР.

Summary. The paper considers the foreign trade goals and tasks of Xi Jinping's administration with regard to Pakistan. The objectives and methods of implementation of China's foreign policy are identified and characterized.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, китайско-пакистанский экономический коридор, энергетическое сотрудничество.

Key words: China, Pakistan, Sino-Pakistani economic corridor, energy cooperation.

УДК 94

С приходом к власти «пятого поколения» китайских политиков активизировалась внешнеэкономическая деятельность КНР в отношении государств Азии. Китай заинтересован в создании благоприятного инвестиционного климата и расширении торгово-экономического сотрудничества со странами Азии, стремясь к созданию многосторонней торговой системы. Подобная политика позволит Китаю наращивать свое влияние в регионе, регулировать возможные противоречия и координировать экономические интересы сторон.

Наряду с расширением взаимодействия со странами Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в рамках развития региональной экономической кооперации администрация Си Цзиньпина обращает пристальное внимание и на Южную Азию. Длительное время Южная Азия была «слабым звеном» китайской дипломатии, однако с приходом к власти Си Цзиньпина политика Пекина в этом направлении претерпела существенные изменения.

Китай считает перспективными развитие своих отношений с Пакистаном, которые были установлены еще в 1951 г. и выдержали испытание временем.

В мае 2013 г. состоялся визит премьер-министра КНР Ли Кэцзяна в Исламабад. Глава правительства КНР стал первым иностранным лидером, который посетил Пакистан после всеобщих выборов, прошедших в этой стране в мае 2013 г. Это еще раз подчеркивает заинтересованность обеих стран друг в друге.

Во время визита в Исламабад в мае 2013 г. премьер-министр КНР Ли Кэцян подтвердил намерение китайского руководства содействовать развитию двустороннего стратегического

сотрудничества в торгово-экономической и других сферах, работать над созданием китайско-пакистанского экономического коридора, который активизирует двустороннее сотрудничество [1]. В целом в ходе встречи было подписано свыше 20 соглашений. Стороны ожидают, что в ближайшие 2 – 3 года объем двусторонней торговли превысит \$ 15 млрд., чему будет способствовать подписанное еще в 2006 г. китайско-пакистанское «Соглашение о свободной торговле» [2].

Китайско-пакистанский экономический коридор (China-Pak Economic Corridor (СПЕС)) посредством автомобильных и железнодорожных дорог, нефтегазопроводов и оптоволоконных линий должен соединить китайский Кашгар (запад Китая, провинция Синьцзян), располагающийся на границе с Пакистаном, и пакистанский порт Гвадар (провинция Белуджистан, юг Пакистана), расположенный на побережье Аравийского моря. Начиная с 1964 г. Пакистан пытался осуществить планы по строительству порта Гвадар. Однако из-за нехватки финансирования и пакистано-индийского конфликта 1965 г. приступить к реализации намеченного длительного время не удавалось. Строительство порта Гвадар началось только в мае 2001 г., когда во время визита в Пекин Президента Пакистана Первеза Мушаррафа были оговорены возможности участия Китая в этом проекте. Китайские инвестиции в строительство порта Гвадар, постройка которого была завершена в 2007 г., составили \$ 248 млн. В феврале 2013 г. контроль над портом Гвадар перешел к китайской государственной компании «Overseas Ports Holding».

Расположенный на пересечении главных линий морских коммуникаций недалеко от Ормузского пролива порт Гвадар рассматривается руководством КНР как мировой перевалочный пункт углеводородов. Экономические выгоды для Поднебесной очевидны, поскольку китайско-пакистанский коридор позволит сократить доставку нефти с Персидского залива и Северной Африки в Китай на 12 тыс. км. Допуская Китай к нефтяным рынкам Ближнего Востока, страны ОПЕК в обмен рассчитывают в перспективе закрепиться в АТР, таким образом, затрагивая интересы России в АТР.

В феврале 2014 г. Президент Пакистана Мамнун Хуссейн совершил визит в Китай, в ходе которого подтвердил готовность ускорить строительство экономического коридора. Заинтересованность Пакистана в активной эксплуатации порта Гвадар связана с необходимостью обеспечить занятость населения в провинции Белуджистан и тем самым снизить социальную напряженность среди местного населения. Кроме того, с помощью проекта Пакистан рассчитывает балансировать между Индией и Китаем и сохранять влияние на ситуацию в регионе.

С целью развития китайско-пакистанского экономического коридора в ноябре 2014 г. руководство КНР объявило о своем намерении до 2020 г. вложить \$ 45,6 млрд. в энергетические и инфраструктурные проекты на территории Пакистана. В соответствии с планом, из выделенной суммы \$ 33,8 млрд. должны пойти на энергопроекты, а \$ 11,8 млрд. – на инфраструктуру. Кроме того, к 2017 г. на железнодорожное строительство китайские инвесторы потратят \$ 3,7 млрд., а на автомобильные дороги – \$ 5,9 млрд. При этом железные дороги Кашгар – Хавелиан (протяженность 1100 км) и Хотан – Голмуд (протяженность 1600 км) предполагается провести по сложным горным участкам. Развитие инфраструктуры позволит связать порт Гвадар с железнодорожной веткой Иран – Пакистан, что отвечает интересам Китая, который получит возможность получить выход к Ирану через Пакистан. Между Китаем и Пакистаном также проложат оптиковолоконный кабель стоимостью \$ 44 млн. На модернизацию порта Гвадар китайская сторона затратит \$ 622 млн. Основными кредиторами выступают Промышленно-коммерческий банк (ICBC) и Банк развития Китая [3].

Другой областью взаимодействия между Китаем и Пакистаном является энергетика. В настоящее время суммарная выработка пакистанских АЭС составляет 11 тыс. МВт при потребности в 15 тыс. МВт. Нехватка электроэнергии значительно замедляет темпы развития Пакистана. Китайское руководство неоднократно предлагало свое участие в проектах по сооружению энерговырабатывающих предприятий (гидро- и теплоэлектростанций, АЭС, сол-

нечных электростанций). В ходе встречи в Пекине в ноябре 2014 г. Председателя КНР Си Цзиньпина с премьер-министром Исламской Республики Пакистан Навазом Шарифом стороны подписали 19 соглашений, охватывающих энергетический сектор. Объем китайских инвестиций в энергетические проекты должен составить около \$ 42 млрд. Наиболее перспективным из них является строительство в районе г. Карачи крупнейшей в стране АЭС, общей стоимостью \$ 9,59 млрд., из которых объем китайских инвестиций составит \$ 6,5 млрд. Ввод в эксплуатацию новой АЭС планируется в 2019 г. Пакистанские власти надеются, что ядерная энергетика станет дешевым решением проблемы нехватки и бесперебойных поставок электроэнергии [3].

Сближаясь с Пакистаном, Китай преследует как экономические выгоды, так и стратегические задачи. Обе страны заинтересованы в гарантии безопасности и минимизации влияния США в регионе. Демонстрируя свою военную мощь и стремление сотрудничать в сфере обороны, в сентябре 2014 г. военные силы Китая и Пакистана вышли из порта Бендер-Аббас и провели совместные учения в Персидском заливе. Пришвартовав свои эсминцы напротив проамериканских Бахрейна и ОАЭ, КНР фактически заявила о своей независимой политике от США и стран Европы по вопросам введения или отмены санкций в отношении Исламской Республики Иран в связи с его ядерной программой.

Разыгрывая «пакистанскую карту», Пекин стремится ограничить влияние Индии, которая так же, как и Китай, имеет геополитические амбиции как в Южной Азии, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Итак, китайско-пакистанское сотрудничество отвечает интересам обеих сторон и способствует сближению субрегионов Азии. Китай рассчитывает создать вокруг своих границ безопасную зону, что позволит сосредоточить внимание на реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» как новой формы регионального сотрудничества Китая со странами Азии. Следовательно, Пекин будет стремиться поддерживать в Пакистане стабильность и экономическое развитие. Использование Китаем глубоководного порта Гвадар круглый год активизирует экономическую жизнь в этой части Азии и создаст условия для включения северо-западных провинций Китая в международное взаимодействие, приведет к увеличению объемов торговли и приумножению экономического потенциала указанных китайских территорий.

Пакистан заинтересован в приобретении союзника, претендующего на ведущую роль в регионе, и намерен поддерживать Китай по вопросам, отвечающим стратегическим интересам Поднебесной.

Большое значение в развитии китайско-пакистанского сотрудничества играет и внешний фактор, связанный с непростой ситуацией в Афганистане, требующей участия как Пекина, так и Исламабада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ли Кэцян заявил о необходимости создать новую стратегическую обстановку для китайско-пакистанского сотрудничества //«Жэньминь жибао» онлайн. 24.05.2013 //http://russian.people.com.cn/31520/8256344.html (дата обращения 23.11.2014).
2. Посол Пакистана назвал визит премьера Госсовета КНР "важной вехой" в развитии межгосударственных отношений //«Жэньминь жибао» онлайн. 22.05.2013 //http://russian.people.com.cn/31521/8253415.html (дата обращения 23.11.2014).
3. Mehreen Zahra-Malik. China commits \$45.6 billion for economic corridor with Pakistan // http://www.reuters.com/article/2014/11/21/us-pakistan-china-idUSKCN0J51C120141121 (дата обращения 12.11.2014);
4. Царутян С. Китай усиливается в Персидском заливе через Пакистан //http://cont.ws/post/68855 (дата обращения 12.12.2014).

Махова И. Ю.
I. Yu. Makhova

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВУЗА: ПРОБЛЕМА СМЕНЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

COMMUNICATIVE ENVIRONMENT AT A MODERN RUSSIAN UNIVERSITY: THE PROBLEM OF A PARADIGM SHIFT IN EDUCATION

Махова Ирина Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: miu60@mail.ru.

Ms. Irina Yu. Makhova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Education Psychology, The Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: miu60@mail.ru.

Аннотация. Результаты эмпирического исследования коммуникативных установок и имплицитных представлений о коммуникации и коммуникативном образовании преподавателей высшей школы рассматриваются в контексте парадигмальной оценки существующей системы высшего образования в России.

Summary. In this paper I consider the results of an empirical study on communicative attitudes and implicit concepts of communication along with communicative qualifications of higher school teachers in the context of a paradigm-focused evaluation of the existing system of higher education in Russia.

Ключевые слова: имплицитные представления о коммуникации, коммуникативные установки, стратегии взаимодействия, смена парадигм.

Key words: implicit concepts of communication, communicative attitudes, strategies of interaction, paradigm shift.

УДК 159.9

Целенаправленные преобразования российской высшей школы, которые продолжают без малого четверть века, определены как «гуманизация» образования. Вместе с тем во всех сферах общественной жизни России, и в особенности в образовании, наблюдается парадигмальная устойчивость мировоззренческих установок, связанная с имплицитным ценностным взглядом, который Т. Кун сравнивает с гештальтом [4]. Имплицитное знание (Л.А. Микешина, В.М. Аллахвердов и др.), неосознаваемое при смене научных подходов, определяет системные противоречия и иррелевантность высшего образования России декларируемому гуманизму. Признаки имплицитного знания в интерпретации основной категории гуманистической психологии («самоактуализация») выявлены нами ранее [7] с помощью контент-анализа естественных категорий.

На существующие трудности дифференциации образовательных подходов, именуемых в психолого-педагогической литературе как личностно-ориентированные, указывает И.С. Якиманская. Она подчеркивает, что ориентация образовательного процесса на развитие личности определялась в отечественной педагогической психологии начиная с 60-х гг. Сравнительный анализ нормативной и гуманистической моделей личностно-ориентированного образования, предпринятый в работах И.С. Якиманской, демонстрирует их принципиальные различия [12]. В частности, гуманистической парадигме, исходящей из примата субъектно-

сти, не свойственно формирование целей образования вне диалога с личностью, без учета «наличия внутреннего дискурса обучаемого» [1, 126].

Проблема смены установок в развитии личности – это проблема разрушения гештальта отечественной нормативной личностно-ориентированной парадигмы. Гуманистическая парадигма ориентирована на внутренние критерии развития личности, представляющие собой формы аутентичности (конгруэнтности, самоактуализации и т.п.) личности.

Значение диалога как средства реализации гуманистически-ориентированного образования не вызывает сомнения и подчеркивается в большинстве психолого-педагогических работ. Не случайно проблемы коммуникативной компетентности преподавателя высшей школы являются актуальными и обсуждаемыми [9; 10]. Т.Е. Наливайко и М.В. Шинкорук на основе анализа психолого-педагогических работ определяют уровни коммуникативной компетентности педагога высшей школы. Вместе с тем определение содержания и состава компонентов коммуникативной компетентности не может быть завершено и однозначно, по мнению коммуникологов, т.к. коммуникативная компетентность обладает контекстностью и ситуативностью, связана со способностью осознавать свои намерения и добиваться целей во взаимодействии (Spitzberg, 2003) [5, 118-125]. Ключевыми коммуникативными умениями О. И. Матяш считает ориентацию на другого при способности координировать свои действия с действиями партнеров. Таким образом, в контексте оценки коммуникативной компетентности преподавателя вуза важна оценка его намерений, ценностных установок, целей, определяющих образовательную парадигму, в рамках которой он осуществляет взаимодействие.

Структура и компоненты коммуникативной компетентности в рамках гуманистической образовательной парадигмы определены коммуникативным идеалом, суть которого, по мнению философов, психологов, педагогов и коммуникологов, сводится к диалогической общности. «Диалогическая общность – коммуникативный идеал, к которому стремится практический диалог, как встреча разнообразных позиций, аргументаций и точек зрения; это уникальное событие – встреча индивидуальных истин, равно признаваемых всеми участниками» [1, 123].

Работы М.М. Бахтина, Г.П. Щедровицкого, М.В. Раца, П. Фрейре позволяют определить признаки диалогической общности как коммуникативного идеала [1; 2; 11]. Различая диалог-1 как *кооперативную* форму организации общения, предполагающую обмен готовыми продуктами интеллектуальной работы, и диалог-2 как «*коммуникативную*, ориентированную на возбуждение мышления “здесь и теперь” по поводу высказываемых тезисов», М.В. Раци подчеркивает, что только в диалоге-2 «рождаются и умирают смыслы, а, в случае особого везения, иногда рождается мысль» [11]. Кроме того, только иницируя собственные темы, определяя контексты и реализуя свои цели во взаимодействии с преподавателем, студент не только может стать свидетелем собственной истории, но и стать ее агентом и конструктором [1].

Именно различие подлинного и композиционного диалогов, по мнению М.В. Раца, позволяет понять актуальность и смысл коммуникации в современном полипарадигмальном мире, дифференцировать управление и властвование, знания и информацию, задачную (ориентированную на поставленные вопросы и заранее определенные ответы) и проблемную (непредсказуемую в постановке и поиске решения) формы организации мышления [11].

Коммуникативная реальность современного отечественного вуза, несомненно, отражает парадигмальную ситуацию в образовании, воспроизводится во взаимодействии преподавателей со студентами и их имплицитных представлениях о коммуникации, что определяет актуальность ее исследования.

В 2013-2014 гг. был осуществлен контент-анализ ответов преподавателей вузов России на некоторые вопросы «Анкеты по изучению коммуникации и коммуникативного образования-2013», разработанной О.И. Матяш, основателем Российской коммуникативной ассоциации и первым ее президентом. Контент-анализ естественных категорий Б.А. Еремее-

ва позволяет максимально устранить субъективность исследователя при выделении категорий анализа, т.к. в основе процесса категоризации лежит процедура статистической обработки (корреляционный анализ частоты совместной встречаемости (не встречаемости) слов в текстах) [3].

В исследовании приняли участие 45 преподавателей вузов из различных российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Новокузнецк, Томск, Уссурийск, Шадринск). Контент-анализ ответов на вопросы анкеты («Какие слова приходят Вам на ум при слове «коммуникация?» и «Изучение коммуникации необходимо для того, чтобы...») в полном объеме представлен нами ранее [7].

Исследование представлений о коммуникации преподавателей высшей школы России показало, что «значение коммуникации как достижения общего смысла, разделяемого всеми участниками общения, обладающими разными точками зрения, для согласования целей не актуально для преподавателей вузов. В коммуникации они акцентируют внимание на позиции инициатора сообщения, игнорируя позицию реципиента, не придавая значения средствам коммуникации и не определяя круг проблем, решаемых средствами коммуникации» [7].

Достоверность выводов, сделанных на основе интерпретации результатов контент-анализа естественных категорий, была подвергнута нами проверке в ходе исследования коммуникативных установок преподавателей российских вузов в отношении наиболее эффективных, с их точки зрения, стратегий взаимодействия со студентами.

В данной статье мы представляем результаты исследования, которое проводилось в 2014-2015 гг. Выборку составили 30 преподавателей вузов из 13 городов России (Москва, Владимир, Владивосток, Калининград, Комсомольск-на-Амуре, Курск, Оренбург, Рязань, Ханты-Мансийск и др.). Часть выборки (20 человек) составили участники съезда Федерации психологов образования России (апрель 2014 г.) – участвующие в работе съезда преподаватели психологических дисциплин могут быть определены как «экспертная аудитория» (так назвал респондентов один из участников данного исследования).

В опросе, организованном с помощью разработанной нами методики парных сравнений, преподавателям высшей школы предлагалось оценить с точки зрения эффективности их стратегии взаимодействия со студентами в образовательном процессе вуза. Стратегии, представленные в парном сравнении, определялись особенностями постановки целей, на которые ориентируются респонденты в образовательном процессе:

1. Ставлю учебные цели и последовательно реализую их в ходе взаимодействия.
2. Занимаю пассивную позицию и жду вопросов и проявления инициативы от студентов.
3. В ситуации взаимодействия на занятии для меня важнее услышать о целях студентов.
4. В ситуации взаимодействия на занятии важнее реализовать поставленную мною цель.
5. Результат взаимодействия мне никогда не известен, т.к. я ориентируюсь на интересы студентов.
6. При взаимодействии со студентами ориентируюсь на формулу, что «клиент всегда прав» и важно его понять.

Таким образом, стратегии взаимодействия определялись ориентировкой преподавателей на собственные цели (стратегии 1, 4); ориентировкой на взаимодействие со студентами и корректировку целей (стратегии 5, 6), а также ориентировкой на цели студентов (стратегии 2, 3).

Анализ результатов исследования позволяет сделать выводы о предпочитаемых преподавателями российских вузов стратегиях взаимодействия со студентами. Средние значения предпочтений преподавателей (экспертов и не имеющих экспертного статуса) при парном сравнении основных стратегий представлены на рис. 1.

Выявлены достоверные различия в предпочтении преподавателями, имеющими экспертное мнение и не имеющими такового, стратегии 2 ($U = 55$, $p = 0,0262$). Данная коммуникативная стратегия, на наш взгляд, акцентирует внимание респондентов на приемах и способах делегирования ответственности студентам за происходящее на занятии и обеспечивает условия проявления ими инициативы.

Преподаватели обеих сравниваемых групп в большинстве случаев игнорировали данную стратегию взаимодействия со студентами. При этом «эксперты» выбирали пассивную позицию и ожидание инициативы от студентов в сопоставлении со стратегиями 5 и 6.

Непредсказуемость результатов взаимодействия (стратегия 5), обусловленная закономерностями так называемого диалога-2, или подлинного диалога, мыследеятельности (М.В. Рац, М.М. Бахтин, Г.П. Щедровицкий), в котором неизбежны изменения в обоих участниках диалога, отвергается чаще всего и «экспертами», и представителями не экспертной группы», причем различия между сравниваемыми значениями недостоверны ($U = 70$, $p = 0,10769$). Отметим, однако, что обращение к этой стратегии встречается у «экспертов» реже (см. рис. 1).

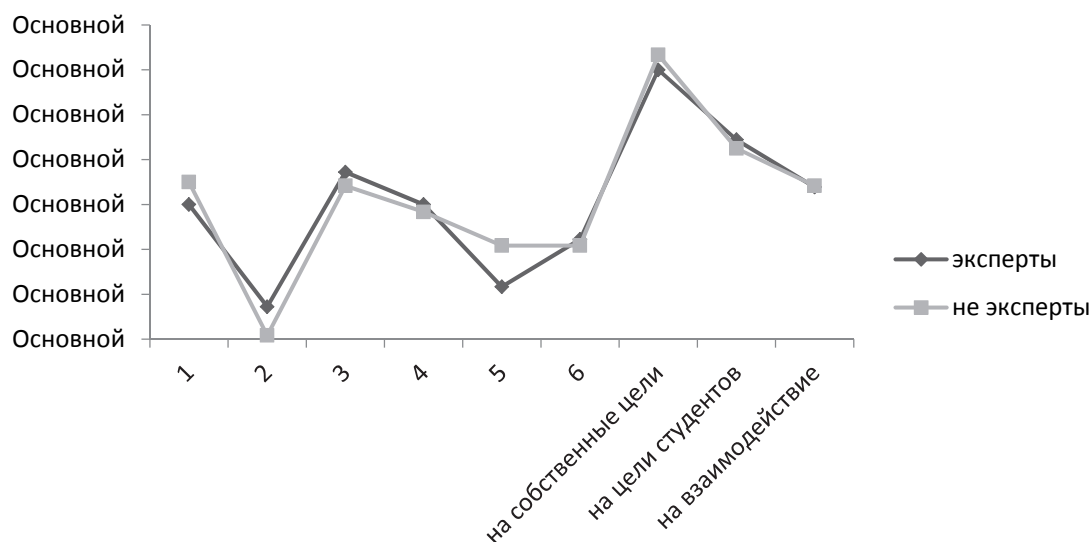

Рис. 1. Средние значения предпочтений в оценке стратегий взаимодействия со студентами преподавателей российских вузов

Таким образом, преподаватели российских вузов в своих оценках стратегий взаимодействия со студентами подчеркивают либо банальность и предсказуемость результатов такого общения, либо, реализуя собственные цели, пренебрегают интересами партнеров и не придают значения мыследеятельности или подлинному диалогу.

Ориентация всех участников исследования на реализацию собственных целей во взаимодействии со студентами встречается достоверно чаще, чем ориентация на взаимодействии (по критерию U Манна-Уитни для независимых выборок выявлены различия на уровне $p = 0,014019$). Ориентация на цели студентов занимает промежуточное положение, и различия в степени предпочтения данных стратегий в сопоставлении с другими недостоверны. Однако очевидно (см. рис. 1), что цели студентов менее значимы для преподавателей в сравнении с их собственными целями.

На рис. 2 представлено распределение респондентов по их предпочтению во взаимодействии со студентами стратегий различной направленности. Как видно, преподаватели, не включенные в группу «экспертов», считают незначимыми стратегии ориентации на согласование и коррекцию целей в процессе взаимодействия в образовательном процессе (0%), чаще «экспертов» предпочитают ориентироваться на цели студентов, однако данные различия не значимы статистически ($\varphi_{ЭМП} = 0,986$, $p \geq 0,05$). Тенденция предпочтительного выбора стратегии реализации собственных целей свойственна обеим группам респондентов.

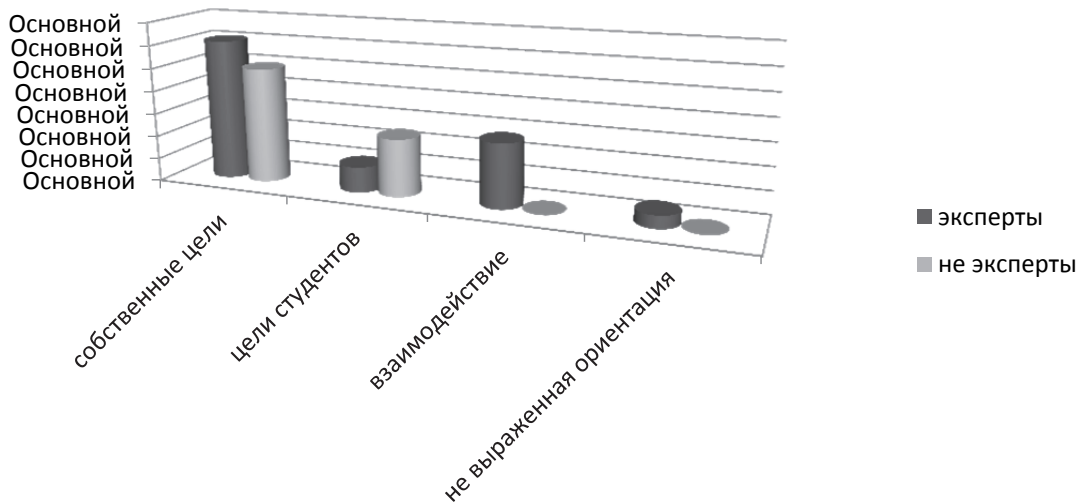

Рис. 2. Распределение респондентов («экспертов» и «не экспертов») по соотношению их коммуникативных стратегий (в процентах)

В ходе корреляционного анализа данных исследования коммуникативных установок преподавателей были выявлены достоверные связи (см. рис. 3). Обнаружена обратная зависимость в предпочтении преподавателями высшей школы стратегии 1 («Ставлю учебные цели и последовательно реализую их в ходе взаимодействия») от их должностного статуса и стажа работы в вузе. Чем выше должность и стаж работы респондентов, тем реже они применяют данную стратегию во взаимодействии со студентами. Стратегии первая и четвертая, ориентированные на собственные цели преподавателей, обратно коррелируют со стратегиями, направленными на согласование целей, которые, в свою очередь, напрямую связаны с ориентацией на цели студентов. Выявлена взаимосвязь экспертного статуса респондентов и количества предпочтений второй стратегии («Занимаю пассивную позицию и жду вопросов и проявления инициативы от студентов»).

Рис. 3. Корреляционная плеяда значений частоты предпочтений преподавателей в отношении коммуникативных стратегий и других данных, учтенных в исследовании

Таким образом, предпочтения в отношении коммуникативных стратегий преподавателей вузов, обнаруженные в ходе данного исследования, согласуются с результатами изучения представлений о коммуникации и коммуникативном образовании преподавателей отечественных вузов, представленными нами ранее [7].

Исследование показало, что коммуникативная реальность отечественного вуза далека от «коммуникативного идеала», определяющего диалогический подход во взаимодействии субъектов образовательного процесса. ИмPLICITные представления о коммуникации преподавателей российских вузов отражают акцентирование на позиции инициатора сообщения, вытеснение позиции реципиента. Совокупный респондент не придает значения средствам коммуникации и не определяет круг проблем, решаемых средствами коммуникации. В предпочтениях стратегий преподавателями отечественных вузов обнаруживается преимущественно авторитарная потребность в транслировании готового содержания, воспроизводстве асимметричных отношений неравенства обучающегося и обучающего, отказе студентам в проявлении инициативы, конструировании собственных смыслов и собственной истории. Данные признаки коммуникативной реальности отечественного вуза могут быть свидетельством нормативной образовательной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарева, Л. Диалогическая педагогика Паоло Фрейре / Л. Бухарева // Высшее образование в России. – 2001. – № 3. – С. 122-127.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского / М. М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.
3. Еремеев, Б. А. О «естественных категориях» анализа содержания и некоторых процедурах их выявления / Б. А. Еремеев // Методологические и методические проблемы контент-анализа. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, ин-т социологич. исследований, 1973. – Вып. 1. – С. 109-112.
4. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1975. – 220 с.
5. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова [и др.]; под науч. ред. О. И. Матяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
6. Матяш, О. И. Плюрализм в современной науке о коммуникации: диалог подходов и традиций / О. И. Матяш // Коммуникология. – 2014. – Т. 5. – № 3. – С. 63-78.
7. Махова, И. Ю. ИмPLICITное знание как признак нормативно-технократической парадигмы модернизации российской системы высшего образования / И. Ю. Махова, С. А. Демичева // Известия Сочинского государственного университета. – 2012. – № 4(22). – С. 197-202.
8. Махова, И. Ю. Коммуникация и коммуникативное образование в отражении преподавателей российских вузов // Международный научно-образовательный форум Хэйлунцзян-Приамурье: сб. материалов I Междунар. науч. конф., Биробиджан, 30 окт. 2013 г.: в 2 ч. – Биробиджан: Изд-во ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2013. – Ч. 2. – С. 79-82.
9. Наливайко, Т. Е. К вопросу о коммуникативной компетентности преподавателя современного вуза / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – № 1-2(9). – С. 24-29.
10. Наливайко, Т. Е. Сущность и структура социальной и коммуникативной компетентностей личности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № 1-2(2). – С. 50-54.
11. Рац, М. В. Диалог в современном мире / М. В. Рац // Вопросы философии. – 2004. – № 10. – С. 20-32.
12. Якиманская, И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. – М.: Сентябрь, 2000. – 112 с.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT NECESSARY FOR ENSURING THE EMOTIONAL WELL-BEING OF STUDENTS

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Dr.habil. of Educational Studies, Professor, Head of the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave. Komsomolsk-on-Amur, 681013; + 7 (4217) 539825. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; +7 (4217) 272805. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка обобщения некоторых взглядов на понимание природы и возможностей поддержки эмоционального благополучия личности средствами образовательного процесса. Анализ выполненных в рамках данной проблематики исследований позволяет охарактеризовать психолого-педагогическую поддержку эмоционального благополучия личности в образовательном процессе как систему мер, направленных на стабилизацию эмоционального состояния личности, а также поддержания позитивного эмоционального фона.

Summary. The paper attempts to sum up and generalize certain views of the ‘emotional welfare’ concept along with approaches to the problem of ensuring it by the means and mechanisms used in the process of training. The review and analysis of other researches done in this area give us some grounds to characterize the psychological pedagogical support for an individual’s emotional welfare within the training process as system of measures aimed at stabilizing one’s emotional state at the background of positive feelings.

Ключевые слова: личность, эмоциональное благополучие, психолого-педагогическая поддержка, психологическая служба, психологическая диагностика, психологическая профилактика, психологическое просвещение, психологическая коррекция.

Key words: person, emotional welfare, psychological pedagogical support, psychological service, psychological diagnostics, psychological prevention, psychological education, psychological correction.

УДК 159.9:378

Современное состояние проблемы поддержания эмоционального благополучия обучающихся в зарубежных и отечественных психологических источниках рассматривается с различных научных позиций. Так, профессор Оксфордского университета М. Аргайл [1] свя-

зывает эмоциональное благополучие с социально-психологическими факторами – потерей устойчивого положения в обществе, снижением самооценки, ростом психологической напряженности в семье и в учебном коллективе и т. д. Подобную точку зрения поддерживают и отечественные ученые, такие как Н.В. Дмитриева [8], Л.В. Тарабакина [18], Н.Н. Данилова [7] и др., подчеркивая взаимозависимость социальных и психоэмоциональных проблем.

Психофизиологические представления об эмоциональном благополучии, раскрываемые в работах В.М. Бехтерева [2], К.Э. Изард [11], П.В. Симонова [15] и др., свидетельствуют о том, что психическое здоровье и физическое здоровье человека тесно взаимосвязаны. В этом случае первопричиной болезни являются стрессы и негативные эмоциональные переживания.

Психоаналитическая теория в лице М. Кляйн [12], Д. Пайнз и др. вскрывает причинно-следственную связь между эмоциональным благополучием, особенностями протекания раннего периода развития личности и соматическими патологиями. В своей работе "Ранние кожные заболевания" Д. Пайнз подчеркивает роль тактильных контактов в формировании эмоциональной стабильности личности.

Специалисты, изучающие взаимосвязь положительных переживаний с видами деятельности, утверждают, что эмоции сопровождают всякую деятельность человека, в том числе и учебную, проникают в каждый психический процесс, влияют на поведение, познание и мотивацию. Такие ученые, как И.А. Васильев, Ю.Е. Виноградов и др., доказали, что эмоциональное воспитание, которое в современном обществе часто недооценивается, неотделимо от общего процесса обучения. Рассматривая данный вопрос подробно, эти авторы делают вывод, что положительные эмоции являются конкретным механизмом, который осуществляет мыслительную и интеллектуальную деятельность.

Длительная дискуссия по вопросам целевой организации психологической службы в школе, в которой приняли участие А.М. Прихожан, Е.Д. Божович [3], И.В. Дубровина [9], Н.В. Тверская [19], А.В. Воронина [4] и др., привела к пониманию того, что на первый план должна быть выдвинута задача сохранения психологического здоровья школьников и психологической поддержки эмоционального благополучия личности учащегося как условие их самореализации и полноценного развития.

На сегодняшний день проблема поддержки эмоционального благополучия учащихся в образовательном процессе освещена в психолого-педагогической науке достаточно широко. Так, Л.В. Тарабакина [18] разрабатывает системный подход к анализу эмоциональной сферы человека, предлагает программы, ориентированные на освоение подростками навыков эмоциональной регуляции в условиях образовательного процесса. Т.И. Солодкова [17] предлагает программу развития эмоционального интеллекта, оказывающую положительное коррекционное воздействие на уровень выраженности эмоционального выгорания. И.Ю. Захарова, Е.В. Иоржина [10] создали методику обследования, основанную на собственной активности ребенка, позволяющую увидеть возможности и интересы ребенка, сформулировать ближайшие задачи развития и составить индивидуальный образовательный маршрут для детей с нарушениями эмоционально-волевой сферы. В работе Д.В. Ушакова и И.Н. Андреевой [21] представлены современные достижения в исследовании механизмов и создании методик измерения и формирования эмоционального интеллекта. Ю.Н. Улыбина [20] дает практические рекомендации по взаимодействию с проблемными детьми, имеющими характерные признаки неблагополучия психики в эмоциональном плане.

Несмотря на активность исследовательского поиска в представленной проблематике, по-прежнему существует дефицит прикладных исследований, направленных на профилактику и коррекцию нарушений психологического здоровья и поддержание эмоционального благополучия обучающихся. В частности, нет единого подхода к диагностике эмоционального благополучия личности учащихся; не систематизированы психологические пути и средства, направленные на достижение положительного эмоционального фона; не в полной мере описаны возрастные и индивидуальные особенности коррекции эмоциональной сферы лично-

сти; отсутствует комплексность в представлении путей и средств, направленных на психолого-педагогическую поддержку эмоционального благополучия личности учащегося в образовательном процессе.

Представленные положения демонстрируют наличие объективного противоречия между необходимостью целенаправленной деятельности по сохранению и укреплению различных аспектов психологического здоровья школьника и недостаточной разработанностью путей и средств психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия личности учащегося в образовательном процессе.

В настоящее время в систему образования вводятся новые федеральные образовательные стандарты. Они ставят приоритетной целью повышение качества получаемого образования, и оно не сводится только к владению определенными знаниями и навыками. В данных стандартах понятие образования связывается с понятиями воспитание, здоровье, социальное благополучие личности, самореализация человека, и, следовательно, расширяется круг задач психолого-педагогического сопровождения обучения. Теперь это не только предотвращение затруднений в освоении учебного материала, но и помощь в социализации учащихся, меры, направленные на сохранение и укрепление здоровья личности, как физического, так и психологического, а также защита прав и свобод ребенка.

Несомненно, огромную роль в этом играет сохранение и поддержка эмоционального благополучия, потому что неповторимость эмоционального мира каждого из участников педагогического процесса позволяет сделать образовательный процесс многогранным, насыщенным и неповторимым. Эмоции придают индивидуально-субъективную окраску всем событиям, происходящим в нашей жизни [5].

Но, к сожалению, в настоящее время педагоги и родители недостаточно компетентны в эмоциональном плане, что негативно сказывается на эмоциональном благополучии ребенка. Эмоции ими представляются как бесполезное и нежелательное явление, мешающее интеллектуальному развитию ребенка. Поэтому осмысление и свободное выражение своих эмоциональных состояний и анализ эмоциональных проявлений других людей не учитывается и недооценивается, а иногда считается абсолютно нежелательным. Детям прививается идея о том, что необходимо скрывать свои эмоции и чувства, что приводит к внутриличностным и межличностным проблемам детей, к их невротизации [6].

В данный момент почти в каждом программном документе большое внимание уделяется проблеме сохранения, поддержания и укрепления здоровья учащихся. А уровень эмоционального благополучия личности является основой психологического здоровья личности школьника. В данном контексте эмоциональное благополучие определяется как устойчивое эмоционально-позитивное самочувствие ребенка в условиях школы, которое является базой его возрастных социальных потребностей [15].

Следовательно, одной из основных целей работы педагога является создание социально-психологических условий для успешного развития личности в рамках образовательного процесса. Важную роль в достижении данной цели играет деятельность педагогического коллектива образовательного учреждения, направленная на достижение эмоционального комфорта для всех участников образовательного процесса.

В рамках данного направления выделяют следующие задачи:

- создание психолого-педагогических условий для формирования таких компетентностей обучающегося, как эмоциональная, социальная, коммуникативная, а также условий, способствующих всестороннему творческому развитию личности каждого участника педагогического процесса;
- диагностика и развитие индивидуально-типологических особенностей, возможностей и способностей обучающихся, прогноз их дальнейшего развития и совершенствования;
- организация профилактических мероприятий по возникновению социальной дезадаптации на всех этапах развития обучающихся, профилактика возникновения проблем в эмоционально-аффективной сфере;

- профилактика эмоционального выгорания педагогов;
- оказание психологической помощи учащимся и остальным участникам педагогического процесса в решении личностных проблем;
- создание в образовательном учреждении благоприятного психологического климата, благоприятных условий для взаимодействия детей и педагогического коллектива;
- воспитание у учащихся, педагогов и родителей психологической культуры и формирование социально-педагогической компетентности;
- консультирование педагогического коллектива и родителей по вопросам поддержки и укрепления эмоционального благополучия учащихся [15].

Решение названных задач осуществляется в формате психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия обучающихся в образовательном процессе. Анализ выполненных в рамках данной проблематики исследований позволяет охарактеризовать психолого-педагогическую поддержку эмоционального благополучия личности в образовательном процессе как систему мер, направленных на стабилизацию эмоционального состояния личности, а также поддержания позитивного эмоционального фона. В систему таких мер входит:

- психологическая диагностика, направленная на выявление уровня эмоционального благополучия учащихся и педагогов, в соответствии с адекватными критериями и показателями;
- психологическое просвещение, целевым ориентиром которого выступает информационное насыщение образовательной среды, обеспечивающее формирование представлений о психологическом здоровье, мерах поддержания эмоционального благополучия, способах эмоциональной саморегуляции и релаксации;
- психологическая профилактика, осуществляемая как система превентивных мер, способствующих формированию позитивного эмоционального фона в учебной группе, выравниванию самооценки обучающихся, созданию ситуации успеха, создающих предпосылки для стабилизации эмоционального благополучия обучающихся;
- коррекционно-развивающая деятельность, содержанием которой выступают мероприятия обучающего, стимулирующего, выравнивающего характера, направленные на исправление и выравнивание угнетающего эмоционального фона, негативных переживаний, ограничивающих убеждений, фрустрирующих ощущений и т.п.

Психологическая диагностика предполагает различные варианты самодиагностики благополучия педагогического коллектива, оценку уровня и характера проявления тревожности обучающихся, диагностику адаптации к новым условиям обучения. Важное значение имеет также выявление уровня благоприятности межличностных взаимоотношений в учебной группе, изучение характера и степени агрессивности обучающихся, исследование эмоционального отношения учащихся к отдельным дисциплинам и к учебному заведению в целом, оценка эмоционального отношения ученика к различным видам деятельности.

Психологическое просвещение, в рамках поддержания эмоционального благополучия, предполагает работу как с учащимися, так и с их родителями, и педагогами. Для педагогов проводятся обучающие семинары по выявлению учащихся с проблемами в эмоционально-аффективной сфере, организационно-деятельностные игры, направленные на обучение методам и способам поддержания эмоционального благополучия личности обучающихся. С родителями проводятся тематические встречи, родительские собрания и индивидуальные консультации, целью которых является предоставление информации о нормальном и аномаль-

ном эмоциональном состоянии ребенка, характерном для данного возраста, о способах взаимодействия с детьми в сложных эмоциональных ситуациях.

Для обучающихся проводятся различные просвещающие курсы психологической направленности, информирующие об отдельных сторонах эмоциональной сферы человека, о способах преодоления возникающих трудностей; элективные курсы для учащихся старшего возраста, а также тематические встречи и мероприятия.

Коррекция и развитие эмоциональной сферы обучающихся осуществляются в формате индивидуальных консультаций и групповых занятий, направленных на развитие навыков самопознания, изучение способов адекватного эмоционального реагирования; включают игры на социально-приемлемое вымещение агрессии, аутотренинги, тренинги на повышение самооценки и развитие лидерских качеств, обучение способам релаксации, формирование навыков уверенного поведения, самопрезентации.

В качестве психопрофилактики для предотвращения возможности проблем и отклонений в эмоциональном состоянии личности обучающихся в потенциально стрессогенных жизненных ситуациях возможны организация занятия «учимся сдавать экзамены», оказание психолого-педагогического сопровождения в период итоговой аттестации и подготовки к ней, проведение занятий по оптимизации взаимодействия учащихся в группе [22].

В организации и осуществлении психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия обучающихся приоритетной целью всех участников образовательного процесса становится понимание важности формирования у учащихся эмоциональной компетентности и интеграция общих усилий в достижении данной цели. Без данного компонента невозможно формирование мобильной, гибкой, способной к социальной адаптации и нацеленной на самореализацию личности.

При этом дидактический аспект поддержки эмоционального благополучия учащихся, воплощаемый, как правило, педагогами и преподавателями, заключен в реализации активных форм обучения. Творческие, проективные задания, игровые ситуации, деловые игры, кейсовые методики позволяют их участникам эмоционально раскрепоститься, дают чувство сопричастности общему делу, возможность обмена своими мыслями, чувствами, идеями и переживаниями.

Общая цель поддержки эмоционального благополучия личности учащихся необходимо предполагает организацию специальной работы с педагогическим коллективом, предоставляющей возможность групповой деятельности, которая позволит дать выход эмоциям самих педагогов и научит их технологиям работы с обучающимися, способствующим их эмоциональному раскрытию, освоению способов развития эмоциональной сферы. Это создает базовые позиции в принятии партнера по деятельности и участию в его эмоциональном развитии.

Условия жизни в современном, постоянно меняющемся мире предполагают, что для успешной самореализации человек должен владеть эмоциональной компетентностью. Под эмоциональной компетентностью понимается способность человека понимать и выражать свои эмоциональные состояния и переживания так, чтобы их могли понять и распознать другие люди, и в то же время он должен уметь распознавать эмоциональные состояния другого человека. Эмоциональная компетентность – это способность управлять своими эмоциями и общая стрессоустойчивость человека [17].

Овладение данными навыками обуславливает профессиональный и личностный рост педагога, а воспитание таких качеств в учениках становится необходимым компонентом обучающей и воспитательной функции педагогической деятельности. И учить этому необхо-

димо потому, что личности на протяжении всей жизни приходится сталкиваться со сложностями и проблемами, решать разнообразные ситуации, делать выбор. И правильно реагировать на неудачи и сложности – это залог внутренней гармонии. Ведь еще Я. Корчак в своих трудах писал, что детство – это не подготовка к взрослой жизни, а сама жизнь.

Таким образом, обобщение исследований рассматриваемой проблемы, а также наш профессиональный опыт позволяет выделить основные направления в содержании психолого-педагогической поддержки эмоционального благополучия личности обучающегося:

1) актуализация положительного эмоционального состояния обучающегося: создание ситуации успеха в учебном процессе, развитие чувства удовлетворения от совершения интеллектуальной или другой деятельности, формирование познавательных потребностей и интереса, удовлетворение мотивации достижения, открытия чего-то нового, неизведанного, создание опыта радости успеха, поддержание бодрого настроения в процессе обучения;

2) создание необходимых условий и предпосылок для развития позитивного эмоционального состояния учащихся:

- акцентирование внимания участников образовательного процесса на их личном эмоциональном опыте; педагог должен уметь управлять своими эмоциональными состояниями и создавать эмоционально комфортную для обучающихся среду в учебной группе, обеспечивать эмоциональную основу учебного процесса через применение приемов аттракции и фасилитации;

- формирование у обучающихся представления о природе возникновения и протекании эмоциональных процессов, сопровождающих обучение и о путях и способах преодоления эмоциональных проблем и затруднений;

- выделение в содержании учебной дисциплины моментов, формирующих у учащихся позитивное эмоциональное отношение к обучению;

- применение педагогических средств, позволяющих испытать положительные эмоции в учебной деятельности, таких как подбадривание, поощрение, похвала, юмор, создание ситуаций успеха и др.;

3) реализация мер по нейтрализации и профилактике возникновения негативных эмоциональных состояний: неуверенность в себе, повышенная личностная и эмоциональная тревожность, негодование, зависть, страх, неприятие группой сверстников и значимыми людьми;

4) развитие и совершенствование всех компонентов эмоциональной сферы учащихся: развитие всех чувств и эмоций, формирование адекватной самооценки, развитие умения воспринимать и анализировать собственные эмоциональные состояния и причины их возникновения, принимать меры по преодолению нервно-эмоциональной напряженности и повышенной тревожности;

5) развитие у обучающихся саногенного мышления, способствующего уменьшению внутреннего конфликта, нервно-психической напряженности. Оно также помогает контролировать свое эмоциональное состояние, свои личностные потребности и желания. Саногенное мышление предполагает осознание собственного психического состояния, его рефлексии и внутреннюю борьбу с негативными эмоциональными переживаниями, сосредоточенность внимания на своих эмоциях и самоконтроле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 271 с.
2. Бехтерев, В. М. Объективная психология / В. М. Бехтерев. – М.: Наука, 1991. – 480 с.

3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 254 с.
4. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.04 / Воронина Анна Владимировна. – Томск, 2002. – 220 с.
5. Гатто Дж. Фабрика марионеток. Исповедь школьного учителя / Дж. Гатто. – М.: КАРО, 2014. – 127 с.
6. Григорьева, М. В. Субъективное благополучие личности как результат школьной адаптации в разных условиях обучения / М. В. Григорьева // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 2. – С. 41-45.
7. Данилова, Н. Н. Физиология высшей нервной деятельности / Н. Н. Данилова, А. Л. Крылова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2005. – 478 с.
8. Дмитриева, Н. В. Личностные и диссоциативные расстройства: расширение границ диагностики и терапии / Н. В. Дмитриева, Ц. П. Короленко. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. – 448 с.
9. Дубровина, И. В. Возрастная и педагогическая психология / И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В. В. Зацепин. – М.: Академия, 2000. – 329 с.
10. Захарова, И. Ю. Лечебно-педагогическая диагностика детей с нарушениями эмоционально-волевой сферы / И. Ю. Захарова, Е. Йоржина. – М.: Теревинф, 2012. – 80 с.
11. Изард, К. Э. Эмоции человека / К. Э. Изард. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 954 с.
12. Кляйн, М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников / М. Кляйн. – СПб.: Изд-во Б.С.К., 1997. – 96 с.
13. Миронова, Л. В. Эмоции как энергия жизни / Л. В. Миронова. – М.: Образ, 2014. – 171 с.
14. Пайнз, Д. Язык тела / Д. Пайнз; пер. с англ. Е. И. Замфир; под ред. М. М. Решетникова. – СПб: Изд-во Б.С.К., 1997. – 190 с.
15. Работа психолога в школе [Электронный ресурс] / Ваш психолог. – Режим доступа: <http://www.vashpsixolog.ru/lectures-on-the-psychology/134-other-psychology/792-reflection-teacher-reflection>. – Загл. с экрана.
16. Симонов, П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности / П. В. Симонов. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 98 с.
17. Солодкова, Т. И. Эмоциональный интеллект как личностный ресурс. Роль эмоционального интеллекта в преодолении синдрома выгорания у педагога / Т. И. Солодкова. – Германия: LapHamberAcademicPublishing, 2012. – 140 с.
18. Тарабакина, Л. В. Эмоциональное развитие подростков / Л. В. Тарабакина. – М.: Прометей МПГУ, 2011. – 208 с.
19. Тверская, Н. В. Здоровьесберегающий подход в развитии успешности ученика / Н. В. Тверская // Образование в современной школе. – 2005. – № 2. – С. 40-44.
20. Улыбина, Ю. Н. Как контролировать свои эмоции / Ю. Н. Улыбина. – Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2010. – 160 с.
21. Ушаков, Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект от процессов к измерениям / Д. В. Ушаков, И. Н. Андреева, В. А. Барабанчиков; под ред. Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков. – М.: Когнито-центр Институт психологии РАН, 2013. – 351 с.
22. Федоренко, Л. Г. Позитивная (проектирующая) психология в школе / Л. Г. Федоренко. – СПб.: КАРО, 2014. – 160 с.

Миронова Д. М.
D. M. Mironova

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТКРЫТЫХ СИСТЕМ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

THE FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF OPEN SYSTEMS IN THE MIRROR OF COGNITIVE LINGUISTICS

Миронова Диана Михайловна – преподаватель русского и испанского языков Института непрерывного образования Башкирского государственного университета (Россия, Уфа); 450092, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Батырская, д. 10, кв. 26, тел.: 8-919-613-43-52. E-mail: mir-lina@yandex.ru.

Ms. Diana M. Mironova – Lecturer in Spanish and Russian, the Institute of Continuing Education, the Bashkir State University (Russia, Ufa.); 10 Batyrskaya Str., apt. 26, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450092; +7 (919) 6134352. E-mail: mir-lina@yandex.ru.

Аннотация. Настоящая статья посвящена осмыслению теоретико-методологических основ когнитивной лингвистики с позиций системологии. На материале некоторых аспектов когнитивно ориентированных исследований языка показано внутреннее соответствие, связывающее установки лингвокогнитологии с важнейшими принципами онтологии открытых систем. Специальное внимание уделяется возможным причинам такого соответствия, обусловленным, с одной стороны, антропоцентрическим характером господствующей парадигмы языкознания и, с другой, использованием в ней достижений структурной парадигмы.

Summary. This paper deals with the issue of theoretical and methodological understanding of cognitive linguistics from the systemology perspective. A case study of some aspects of the cognitive language research demonstrates an internal correlation connecting the underlying principles of cognitive linguistics to the essential principles of the open systems' ontology. Particular attention is paid to the possible causes of such correlation, which seems to be determined, on the one hand, by the anthropocentric nature of the dominant paradigm in linguistics and, on the other hand, by drawing on the results achieved within the structural paradigm.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, когнитивная лингвистика, концептуальная система, концептуально-языковое взаимодействие, метасистема, открытая система, принципы существования открытых систем, языковая репрезентация.

Key words: anthropocentric paradigm, cognitive linguistics, conceptual system, conceptual language interaction, meta-system, open system, open systems principles, language representation.

УДК 81:1

Господствующая научная парадигма является тем фундаментальным ориентиром, соответственно с которым выстраивается единая «относительная хронология» той или иной области знания. На линии поступательного развития отечественного языкознания наиболее характерной чертой современной ступени лингвистических исследований, безусловно, стало утверждение в них антропоцентрического подхода. На сегодняшний день исследование языка с обращением к самым разным аспектам жизнедеятельности субъекта-человека – интегрирующая характеристика, отличающая современные труды по лингвистике и получившая широкое признание. По мнению многих учёных, названный подход обладает наивысшим объяснительным потенциалом, поскольку позволяет в полной мере учитывать роль человеческого фактора в языке, который «антропоцентричен по своей сути» (см. прим. 1), «создан по

мерке человека» [18, 15]. Соглашаясь в целом с данным мнением, хотелось бы специально подчеркнуть другое достоинство антропоцентризма, связанное с первым и также определяющее его теоретико-методологическую и практическую значимость. На наш взгляд, высокая объяснительная сила антропоцентрических исследований в лингвистике во многом обеспечивается тем, что принятый в них специфический ракурс открывает возможности для дальнейшего продвижения научной мысли к описанию феномена языка как сущности системной, а значит, к наиболее адекватному и полнокровному его описанию. В этой связи следует отметить, что само возникновение указанной парадигмы вполне согласуется с общей логикой развития научного знания, следующей от элементарного подхода к объекту, с его вниманием к отдельным элементам, через структурный, выделяющий межэлементные связи, в направлении к системному в его собственном смысле. Во 2-й половине XX века величайший вклад в разработку представлений о системности языка, несомненно, внесла структурная лингвистика, помещая во главу угла наиболее яркое свойство системы, отличающее её от простых суммативных образований – её внутреннюю структуру. В период активного развития структурной парадигмы в науке о языке были выявлены разнообразные взаимосвязи языковых единиц и подсистем в их статике и динамике. Вместе с тем концентрируясь вокруг структуры, приверженцы данного подхода преуменьшали иные фундаментальные аспекты, присущие языку как системе открытого типа. Так, вне поля рассмотрения оказывались принципы функционирования языковой системы в условиях самого широкого применения, вызванные к жизни процессами её тесного взаимодействия с «многомерной средой» [19, 17]. В конечном счёте осознанная исследователями необходимость в полномасштабном и сбалансированном учёте свойств, соответствующих онтологии языка, ознаменовалась выдвиганием антропоцентризма в качестве основополагающей установки языкознания. Это создало благоприятную почву для изучения как совершенно новых языковых явлений, так и тех, которые получили детальную разработку в лингвистике прошлых лет. Обзор существующей литературы конца XX – начала XXI вв. даёт основание заключить, что среди направлений, получивших активное развитие в русле антропоцентрической парадигмы, наибольшей широтой и многоплановостью характеризуются когнитивно ориентированные исследования языка. Объяснения подобному положению дел лингвисты-когнитологи усматривают в аргументированной постановке целого ряда актуальных научных вопросов, относящихся к сфере взаимодействия концептуальной и языковой систем [3, 17]. С нашей точки зрения, представляется не менее примечательным, что сама методология работ лингвокогнитивной тематики в большой мере помогает приблизиться к описанию того или иного языкового явления/фрагмента в диалектическом единстве системно значимых свойств целого [14, 32]. К числу таких свойств, безусловно, принадлежит соответствие структурно-функциональных характеристик языка универсальным конститутивным принципам, лежащим в основе онтологии каждой открытой динамической системы (см. прим. 2; прим. 3). Существование многих из них предопределяется способностью открытой системы участвовать в обменных процессах в ходе её адаптивного взаимодействия с окружающей средой. Поэтому сама установка на понимание языка в контексте процессов и результатов человеческой когниции (концептуальной среды-метасистемы) является закономерной и весьма плодотворной для методологической ориентации на заявленные принципы. С точки зрения учёных-системологов, центральное положение в ряду указанных принципов занимает постулат целеполагания, который заключается в том, что «цель, определяющая поведение системы, всегда задается надсистемой», или метасистемой (см. прим. 4). Согласно данному принципу, поведение системы с помощью выработанной программы направлено на достижение состояния, благоприятного для реализации системой своего предназначения (см. прим. 5). При этом для сложных систем, какой является естественный язык, наиболее вероятно самостоятельная выработка оптимального поведения на пути к цели, тогда как роль метасистемы ограничивается лишь постановкой цели такой системе (см. прим. 4). С позиций лингвокогнитологии в качестве метасистемы, преопределившей выполнение языком его ведущих функций, коммуникативной и

когнитивной, рассматривается мир человеческой когниции. В этом отношении язык выступает в роли присущего человеку уникального средства структурирования, кодирования и репрезентации информации о мире. «Хотя язык, несомненно, имеет свою собственную структуру, – подчёркивает Ж. Фоконье, – он существенным образом связан с другими когнитивно обусловленными структурами, и именно эти связи определяют основные свойства его организации» [цит. по: 18, 167]. Ранее сходные идеи были высказаны в трудах выдающегося советского психолога Л. С. Выготского. Пытаясь проникнуть в закономерности развития речемыслительной деятельности, в качестве исходного учёным был выдвинут тезис о том, что «общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мысли и переживаний, непременно требует известной системы средств» [5, 50-51]. В рамках когнитивных исследований сложность организации мыслительных структур, а также их формирование под влиянием разноликих фрагментов человеческого опыта получили необходимое методологическое выражение в конвергенции теоретических и практических данных из логики, философии, социологии, психологии, нейрофизиологии, привлекаемых при объяснении языковых и речевых явлений [15, 242]. Представление о языке и его единицах как о важнейшем семиотическом инструменте репрезентации концептуального содержания в процессе общения впоследствии легло в основу методологического положения о целесообразности обращения к принципам и механизмам соотношения когнитивных и языковых структур [3, 17]. Для изучения специфики этого соотношения на конкретном фактическом материале в настоящее время разработаны и продолжают развиваться специальные методы и приёмы когнитивных исследований языка, такие как концептуально-репрезентативный анализ, концептуально-таксономический, концептуально-матричный анализы, метод концептуального моделирования и некоторые другие. Предполагается, что организационное устройство и семантическая сторона языка закономерным образом отвечают выделенной выше главенствующей задаче и, следовательно, содержат в себе аккумулированные результаты познания окружающего мира. Соответственно, «усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей» [10, 33]. Эта мысль позволяет уточнить традиционное понимание не только семиологической, но и коммуникативной функции языковых единиц, имея в виду, что выражение мыслей посредством языка, или дискурсивная деятельность, представляет собой интерактивный, двусторонний процесс, затрагивающий концептуальные системы участников коммуникации. С одной стороны, происходит языковая объективация когнитивного опыта самого говорящего, с другой стороны, через язык в сознании собеседника активизируются соответствующие этому опыту структуры знания и направления оперирования с ними. Поэтому, как справедливо полагают исследователи, приоритетная роль в изучении существа дискурсивной деятельности должна принадлежать когнитивному направлению в лингвистике, а адекватное описание языковых явлений возможно лишь «на перекрёстке когниции и коммуникации», т.е. в когнитивно-дискурсивном аспекте [9, 16; 11, 227]. Таким образом, вопреки другому известному мнению, вышесказанное свидетельствует о том, что когнитивно-дискурсивный подход, хотя и сформировался в преодолении границ структурного языкознания, но в своих установках он не противоречит структурному подходу, а предполагает «и в некоторой степени использует» его, находится с ним в содружестве [12, 12]. Данному утверждению созвучны и слова Н. Н. Болдырев о структурно-функциональной целостности как одной из методологических особенностей когнитивной лингвистики [15, 242]. Названная особенность находит выражение уже на первом – инструментальном – методологическом уровне, определяющем движение исследовательской мысли от постановки проблемы до конечного результата, и, как следствие, реализуется затем на конструктивном, практическом уровне в ходе получения нового лингвистического знания. В свете учения о системах проводимая когнитивной лингвистикой идея структурно-функциональной обусловленности находится в естественном соответствии с принципом функциональности. Данный принцип акцентирует зависимость имманентной организации открытой системы от выполняемых ею

функций. В рамках традиционной лингвистической науки идея, едва ли не наиболее отчетливо предвосхищающая такой подход, была высказана в трудах Э. Косериу, который утверждал, что «язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» (выделено нами. – Д.М.) [8, 156]. Следовательно, совместное предназначение значимых единиц обеспечивать обмен знаниями о мире можно считать ведущим системообразующим параметром. Однако успешное выполнение этой и других задач, как и сама внутриязыковая самоорганизация были бы недостижимы без присущей языку сложности внутреннего устройства. По этой причине в основе формирования и трансляции языковых значений когнитивная лингвистика усматривает не только свойства самих концептов, находящихся за пределами языка, но и системно-структурный статус знаков в конкретном языке (см. прим. 6). Подобного рода амбивалентная зависимость от внутренних и внешних факторов, удивительная игра тех и других, не позволяющая с точностью предсказать поведение открытых систем, неоднократно прослеживалась в разных областях действительности. Это свойство поведения систем окружило их неким ореолом таинственности и легло в основу метафорического сравнения открытых систем с не доступным полному наблюдению чёрным ящиком, что нашло выражение и в названии соответствующего принципа – принципа чёрного ящика.

Признание за языком важнейшей когнитивной способности человека стало отправной точкой для более глубокого изучения системы языка с точки зрения реализуемых ею обратных связей. Согласно общей теории систем, возникновение таких связей направлено на поддержание внутреннего равновесия и устойчивости динамической системы – оптимальных состояний, необходимых для её успешного функционирования. Соответственно, принцип обратной связи утверждает потребность системы в таком поведении, при котором минимизируются любые неблагоприятные с этой точки зрения воздействия (отрицательная обратная связь) и, напротив, усиливаются благоприятные (положительный тип обратной связи). Имея в виду, что функциональный вектор языковой системы ориентирован на репрезентацию концептуального содержания, логично предположить доминирование её положительного «отклика» в ответ на когнитивные процессы. Думается, что именно активизация связи этого типа лежит в основе установления единства речемыслительной деятельности, или диалектической корреляции между присущими человеку формами осмысления мира и языковыми категориями. Так, «с одной стороны, сознание определяет набор тех отличительных признаков предмета, которые подлежат обозначению в слове, обуславливает их определённую конфигурацию, а с другой стороны, язык влияет на сознание» и обеспечивает мыслительные операции (см. прим. 7) [20, 80]. Как следствие, по мере развития концептуальной системы естественный язык даёт возможность человеку, «оперируя вербальными символами, манипулировать...» уже существующими «элементами концептуальной системы и... создавать на основе этого новые концепты и концептуальные структуры, обусловленные уже самой этой системой, а не только познаваемой действительностью», – замечает Н. Н. Болдырев, развивая мысль Р. И. Павелёниса (см. прим. 8). На сегодняшний день лингвокогнитология располагает множеством интересных фактов, в каждом из которых своеобразно «кристаллизуются» результаты упомянутой положительной обратной связи. Частные иллюстрации этого обнаруживаются на различных «участках» системы языка. Так, собственными закономерностями обладает языковая манифестация знаний, имеющих разные источники формирования разнообразно с той или иной степенью познания объекта (конкретно-чувственный опыт, предметно-практическая, а также научно-теоретическая и языковая деятельность, невербальное общение) [4, 26]. К примеру, образ, схема, картинка или зрительный прототип как форматы-носители эмпирической информации на уровне семантики имеют обыкновение фиксироваться перцептивно-образными (денотативными) семами. Неотъемлемую часть понятия составляет сигнификативный компонент значения, содержащий коллективные сведения о существенных признаках объекта в его связях с другими. Статический или динамический характер стереотипных знаний, заключённых во фрейм, дало закономерные основания для об-

ращения к ситуативной либо признаковой теориям значений в исследовательской практике [16, 29]. Не менее показательно в рассматриваемом отношении существование разных систем языковой концептуализации и категоризации мира, которые, по мысли Н. Н. Болдырева, «характеризуются собственной структурной и содержательной спецификой» [2, 56, 69]. В частности, с информационной точки зрения лексические категории – языковой аналог первичной категоризации реальных объектов, организованный по инвариантно-вариантному принципу, тогда как интерпретирующие категории языка (оценка, отрицание, эвиденциальность и некоторые другие) становятся возможны в результате вторичного осмысления имеющегося знания «сквозь призму» индивидуального опыта говорящего [2, 77; 1, 6]. Интерпретационный потенциал человеческого мышления влечёт за собой появление феномена множественной языковой репрезентации фрагментов опыта, или конструирования, которое вызывает к жизни целый спектр неравнозначных «средств..., используемых как “специализирующих на чём-либо” в определённых условиях» (см. прим. 9) [13, 389; 7, 94]. В действие приходит модусная, наиболее антропоцентричная, составляющая концептуально-языкового взаимодействия, понимаемая как способ восприятия и освоения действительности, свойственный лингвокультурному сообществу и отдельным его представителям (см. прим. 10). Репрезентация этой составляющей в языке расширяет рамки его возможностей при выполнении ведущих задач, заданных метасистемой. Кроме того, за счёт организованного разнообразия элементов, как известно, возрастает устойчивость языковой системы, что подтверждается принципом многообразия открытых систем. По всем этим причинам особое внимание к интерпретационному компоненту в языке, осознание необходимости его всестороннего изучения, характерные для когнитивной лингвистики, представляются плодотворными и обоснованными.

В область действия положительной обратной связи со стороны языка вовлекаются также структурные различия категориальных концептов, связанные со степенью абстракции и их ролевым статусом в познавательных и коммуникативных процессах. В общем плане языковое воплощение первого из этих различий сводится к наличию в языке лексических и синтаксических средств (к примеру, ЛСГ, ТГ, синонимических рядов, дескрипций, сравнений), служащих репрезентации базового, субординатного и суперординатного уровней категоризации объектов. В исследованиях когнитивного порядка классификация единиц по данному основанию производится с опорой на результаты традиционных и концептуальных методов анализа их семантики. Другое существенное различие категорий, получившее выражение в языке, обусловлено разной психологической значимостью их членов, доминированием центрального элемента-прототипа, вбирающего в себя наибольшее количество характерных категориальных признаков, общих с другими, в том числе периферийными, членами категории. В этом смысле прототипический элемент выступает как наиболее яркий представитель множества объектов в человеческом сознании и, как следствие, порождает самые разнообразные прототипические эффекты в языке и речи (см. прим. 11). В русле современной когнитивной психологии, вслед за Д. Герартсом, прототипическая организация категорий естественных объектов, объединяющая члены с неравноправным набором категориальных признаков, признаётся наиболее благоприятной для эффективного протекания мыслительных операций. Как полагают психологи, благодаря сочетанию структурной стабильности и гибкости именно такое устройство категорий позволяет человеку быстро аккумулировать новые данные, оптимально «вписывать» их в соответствующую категорию, не вызывая при этом кардинальных изменений во всей категориальной системе [2, 38]. С позиций системологии эффективность структурной организации, основанной на прототипе, представляется если не предсказуемой, то вполне логичной. Сочетая в себе два вышеназванных свойства, прототипическая структура демонстрирует наибольшую степень соответствия принципу толерантности, согласно которому происходящие в определённых пределах изменения параметров элементов системы либо окружающей среды не должны приводить систему к уничтожению либо значительному отклонению от цели (см. прим. 4). Очевидно, что прототипические эффек-

ты в категориях, «унаследованные» языком от когниции, также подчиняются данному принципу.

Представленный выше анализ позволяет ещё раз подчеркнуть внутреннюю согласованность, присущую теоретико-методологическим установкам когнитивного подхода в их соотношении с фундаментальными системными принципами. Таким образом, возможное в перспективе сведение отдельных достижений лингвокогнитологии в интегративную картину концептуально-языкового взаимодействия априори обладает общелингвистической ценностью, поскольку формирует целостное представление о языке в единстве его системно-значимых свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н. Н. Болдырев, Л. А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 2. – С. 5-12.
2. Болдырев, Н. Н. Категориальная система языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Вып. X: Категоризация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2012. – С. 17-120.
3. Болдырев, Н. Н. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: результаты и перспективы исследования / Н. Н. Болдырев // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 17-22.
4. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2009. – С. 25-77.
5. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М.: АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
6. Гольдберг, В. Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира / В. Б. Гольдберг // Когнитивные исследования языка. – Вып. X: Категоризация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2012. – С. 151-173.
7. Ирисханова, О. К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи / О. К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2013. – С. 92-98.
8. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – Вып. III. – М.: Прогресс, 1963. – С. 143-343.
9. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.
10. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – №1 (7). – С. 28-34.
11. Кудрина, Н. А. О лингвокогнитивном подходе к изучению педагогического дискурса / Н. А. Кудрина, Е. Ю. Студнев // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 227-231.
12. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
13. Маслова, Ж. Н. Концептуализация в поэтическом тексте // Когнитивные исследования языка. – Вып. IV. Концептуализация мира в языке / Ж. Н. Маслова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2009. – С. 370-397.
14. Миронова, Д. М. Когнитивная лингвистика как новая ступень становления системного подхода к языку / Д. М. Миронова // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2013. – № 2. – С. 32.

15. Расторгуева, Г. В. Анализ текста: от когнитивной к конвергентной парадигме / Г. В. Расторгуева. // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 240-244.
16. Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Сергеева Лариса Александровна. – Уфа, 2004. – 316 с.
17. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т. Г. Скребцова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
18. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований / Ю. С. Степанов // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С.13-17.
19. Теория систем и системный анализ: методические указания / сост. В. Н. Чернышов, А. В. Чернышов. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 32 с.
20. Шарандин, А. Л. Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека / А. Л. Шарандин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 75-81.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение. Электронный ресурс. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/marina_vladimirovna_pimenova/konceptualnie_issledovaniya_vvedenie/read_1/
2. Понятие о принципе, как известно, было разработано в недрах философской онтологии и теории познания и подразумевает под собой «то, что лежит в основе некоторой совокупности фактов или знаний».
3. Принцип // Философская Энциклопедия. В 5 т. Электронный ресурс. – М.: Советская энциклопедия. 1960 - 1970. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084/ПРИНЦИП.
4. Ермак В.Д. Системы. Системные принципы. Системный подход. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://socioicasys.ru/biblioteka/statji/sistemnij-podhod>.
5. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm>.
6. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории. Электронный ресурс. Режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/451/1/Alefirenko%20N.F_Cognitiv.pdf. – С. 75–78.
7. Так, например, богатство аффиксальных средств в конкретном языке значительно подкрепляет процессы расширения категорий мысли и одновременно создаёт необходимую основу для языковой репрезентации её новых членов (см. прим. 10).
8. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://boldyrev.ralk.info/dir/material/217_vestnik_2011_role.pdf.
9. По мнению исследователей, в числе важнейших механизмов когнитивного конструирования, обеспечивающих наличие альтернативных способов описания, находятся выбор и смена точки обзора, субъективация, объективация, фокусирование и дефокусирование, укрупнение, отдаление и некоторые другие. [7, 95].
10. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Электронный ресурс. – Уфа, 2005. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/329535/>.
11. Анализ некоторых прототипических эффектов на конкретном фактическом материале можно найти в работах [16, 82, 106; 4, 55; 17, 93-94, 97-100; 2, 59; 6, 155].

Бузуев О. А.
O. A. Buzuyev

ПУШКИНСКАЯ ТЕМА В ПЕРИОДИКЕ РУССКОГО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

PUSHKIN'S THEME IN THE PERIODICALS OF RUSSIAN FAR EASTERN EMIGRATION COMMUNITY

Бузуев Олег Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы ФГБОУ ВПО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru.

Mr. Oleg A. Buzuyev – Dr.habil. of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, the Amur Region State Humanitarian Teaching University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: kaf-rus-amgpgu@mail.ru

Аннотация. В статье актуализируется проблема восприятия личности А. С. Пушкина в творческом наследии русской эмиграции «первой волны». Основное внимание автор уделяет интерпретации образа русского Гения на страницах периодических изданий дальневосточного зарубежья, а также в публикациях известных представителей научной и творческой интеллигенции «русского Китая».

Summary. The paper focuses on the problem of the perception of Alexander Pushkin's personality in writings by "the first wave" post-revolutionary Russian emigration. The author dwells on the interpretation of the image of the "Russian Genius" both in the periodicals of other Far Eastern countries and in the publications by well-known representatives of the scientific and creative intelligentsia in the "Russian China."

Ключевые слова: А.С. Пушкин, эмиграция, литература и культура, русское зарубежье, периодическая печать зарубежья Дальнего Востока, «День русской культуры».

Key words: Alexander Pushkin, emigration, literature and culture, Russian emigration community, Far Eastern foreign periodicals, the Day of Russian culture.

УДК 882(075.8)

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. стали закономерным итогом поисков системных подходов в освоении творческого наследия русского зарубежья в целом и его дальневосточной ветви в частности. По мере накопления и научного осмысления литературно-художественного и критического материала на фоне обзорно-аналитических трудов и энциклопедических изданий все более заметное место занимают исследования локальной направленности. В этом смысле пушкинская тема, равно как и тема русской классики в эмигрантской критике, была и остается в центре внимания современного литературоведения. Эта проблема обусловлена не только вычлениением из общего корпуса критических работ эмигрантских авторов его «классической» составляющей, но и привлечением и введением в научный оборот архивного материала, закономерной актуализацией вопроса о роли классической русской литературы в культурном и эстетическом самоопределении эмиграции «первой волны».

Пожалуй, даже самый общий обзор эмигрантской «пушкинианы», приведенный в энциклопедической статье М.Д. Филина, обозначает значимость личности и творчества А.С. Пушкина в этом сложном и неоднозначном процессе. «Представители «первой волны», проживавшие в главных эмигрантских центрах, создали около 100 книг о поэте и примерно 1500 произведений малой формы, опубликованных в периодических изданиях (без учета ежедневных газет). Пушкиниана – детище всей ойкумены, всех социальных, профессиональных

групп; наиболее же весомый вклад внесли лидеры культуры зарубежья: Г.В. Адамович, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, М.Л. Гофман, И.А. и В.Н. Ильины, С.М. Лифарь, В.В. Набоков, А.В. Тыркова-Вильямс, С.Л. Франк, В.Ф. Ходасевич. Виднейшим «функционером» этой пушкинистики стал П.Б. Струве, который не только «писал работы, ... но и выступал в качестве организатора и идеолога эмигрантского пушкиноведения и издателя штудий, созданных другими беженцами» [1].

В свое время о рецепции и влиянии русской классической литературы на становление идейно-художественного самосознания дальневосточной эмиграции говорили практически все исследователи, в той или иной степени обращавшиеся к этой проблеме [2]. В основном эта тенденция рассматривалась ими в системном единстве формирования и развития литературы метрополии и зарубежья. Особо следует отметить частное исследование З.В. Пасевич «Русские классики в литературной критике дальневосточной эмиграции». В данной работе на основе архивных материалов определяется роль периодических изданий в становлении литературной критики «русского Харбина», проводится аналитический обзор критических отзывов о русских писателях XIX в. в периодике Харбина, выявляется специфика философской критики в отношении к классическому наследию.

В центре внимания З.В. Пасевич литературно-критическая деятельность наиболее заметных и талантливых эмигрантских критиков (Л. Астахова, А. Вележаева, С. Курбатова, Н. Резниковой, Г. Сатовского-Ржевского, М. Шапиро). Совершенно справедливо, на наш взгляд, автор отмечает влияние «на формирование эстетических вкусов, на характер восприятия восточными эмигрантами русской литературы» критических отзывов известных представителей западной ветви эмиграции (И. Бунин, А. Куприн, А. Амфитеатов, П. Пильский, Р. Словцов, А. Яблоновский и др.). Действительно, духовная и интеллектуальная связь восточных центров эмиграции с западными не терялась благодаря тому, что в периодике «русского Китая», пусть иногда и с некоторым опозданием, постоянно публиковались перепечатки статей западноевропейских авторов из ведущих газет и журналов зарубежья. Именно это позволило Пасевич «рассматривать их литературно-критические опыты в контексте всей художественно-эстетической и духовной мысли «русского Харбина»» [3].

Говоря об усилении роли периодических изданий в процессе сохранения традиций русской национальной культуры (в эмиграции бытовал более конкретный термин: «борьба с денационализацией»), ее классического наследия, автор верно отмечает доминирование газетной литературной критики над журнальной. Отдавая должное просветительскому и общественно-культурному значению журналов «Рубеж», «Луч Азии», З.В. Пасевич объектом своего исследования избирает литературно-критические публикации на страницах газет «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Чураевка», однодневного выпуска «Дня русской культуры». (Этот список, конечно же, можно было бы продолжить при наличии полных комплектов газетных изданий дальневосточных центров эмиграции в отечественных и зарубежных архивах).

В главе «Личность и творчество А.С. Пушкина в культурной жизни и критике «русского Харбина»» З.В. Пасевич подробно, со ссылками на первоисточники прослеживает зарождение «пушкинского мифа» в процессе празднований «Дня русской культуры» в Харбине (1926 – 1945 гг.) [4].

Столь же детально З.В. Пасевич анализирует материалы, посвященные пушкинской биографии на страницах периодической печати, исследованию оппозиции «советское-эмигрантское» в юбилейной пушкинистике, вопросу о современном значении русского Гения для дальневосточных эмигрантов, философско-религиозной интерпретации «духовной личности Пушкина» дальневосточными авторами.

Справедливо указывая на то, что среди дальневосточных авторов, обращавшихся к личности и творчеству А.С. Пушкина, было мало профессиональных филологов, в частности пушкинистов, З.В. Пасевич объективно оценивает вклад таких известных представителей харбинской эмиграции, как К.И. Зайцев, Г.К. Гинс, Вс.Н. Иванов, А. Несмелов, А.П. Фридлиндер, Д.Г. Сатовский-Ржевский, Г.Г. Сатовский-Ржевский и других в разработку

основополагающих проблем отечественной пушкинистики, в сохранение образа национального поэта – «символа единения русских без России», центральной фигуры празднования «Дня русской культуры» в зарубежье.

Автору этих строк уже доводилось отмечать все колоссальное значение этого праздника для развития самосознания русской (а точнее даже русскоязычной) эмиграции и ее дальневосточной ветви в частности [5].

В первом выпуске «Дня Русской Культуры» (15 июня 1930 г.) в редакционной статье отмечалось: «Необходимо также, чтобы праздник Русской Культуры был не только днем воспоминаний и докладов, надо, чтобы он стал и днем смотра всех достижений русского меньшинства в области науки, искусства, литературы, просветительской работы, днем критического обзора всех крупных событий эмигрантской жизни... Да, десять лет без Родины, но куски ее здесь, с нами, в наших сердцах, в наших вождях и писателях, ученых и художниках, оставшихся *русскими* до мозга костей. Алданов и Лукаш, Новгородцев и Карсавин, Сикорский и Махонин, Бердяев и Булгаков, Кутепов и Ильин, – разве это не Русская Культура?! Разве не горят пламенной любовью к Родине строки Лукаша или Бердяева? или речи Булгакова?

И знаменательное явление – зарождение за рубежом нового национального пафоса, выковывание Русской национальной идеологии: два могучих голоса – «Русский колокол» и «Россия и Славянство»... И вот здесь, на этом пути единения со всем русским и Русскою культурою, мы не сомневаемся, сгладятся, в конце концов, все несогласия. Померкнет все ложное, второстепенное, и объединенные любовью к Родине, мы двинемся на борьбу за Россию и за Истину» [4].

В русском Зарубежье идея проведения «Дня русской культуры» и чествования памяти А. С. Пушкина была воспринята с большим пониманием и энтузиазмом, независимо от политических воззрений и разногласий. Эмигрантская пресса всеми силами содействовала углублению и популяризации этого начинания. В 1926 г. «День русской культуры» отмечался уже в 13 странах русского рассеяния. А первые чествования за рубежом проходили в 1924 г. «Пушкинские дни» настолько отвечали духовным запросам русских людей, оказавшихся вне России, и их проведение имело такой успех, что ежегодное повторение праздника становилось уже насущной потребностью, действенным шагом в борьбе с «денационализацией». Основная задача, которую преследовали в этом благородном начинании отдельные эмигранты, а также кружки и организации, заключалась в сохранении устойчивости русской культуры, и имя А.С. Пушкина становилось, таким образом, тем «цементирующим» началом, которое максимально этому способствовало.

Особый размах празднование «Дня русской культуры» принимало в Харбине, сохранившем традиционный для русских городов уклад жизни и в 1920-е гг. ставшем сосредоточием русской культуры не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке. К празднованию дней русской культуры Харбин присоединился в 1926 г. В программу праздника входили торжественный молебен в Свято-Николаевском соборе, выпуск однодневного журнала «День русской культуры», торжественные заседания, доклады, лекции, концерты и т.д. Как и все Зарубежье, с особой тщательностью Харбин готовился к чествованию памяти А.С. Пушкина по случаю 100-летия со дня его смерти. Четвертого сентября 1936 г. в городе образовался Центральный Пушкинский комитет общественных организаций при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи. Организационная и административно-хозяйственная часть чествования была поручена Комитету помощи русским беженцам. Местная духовная власть соответствующим указом от 21 января 1937 г. постановила: «В столетие со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина 19 января – 11 февраля с.г. отслужить заупокойную литургию и панихиду, предварив соответствующим словом».

Юбилейные торжества нашли отражение и на страницах местной периодической печати. За первые три месяца 1937 г. было опубликовано статей и заметок на «Пушкинскую тему» в газете «Заря» – 60, «Гун-Бао» – 75, «Рупоре» – около 35. В журнале Русского учительского общества «Вопросы школьной жизни» была перепечатана статья Н. Некрасова из

журнала «Жизнь» за 1899 г. под названием «К вопросу о значении А.С. Пушкина в истории русского литературного языка». Выпуск № 6 журнала «Рубеж» от 6 февраля 1937 г. был полностью посвящен юбилею А.С. Пушкина.

Пушкинская тема на страницах однодневного выпуска, являвшегося составной частью общей программы празднования «Дня русской культуры», занимала ведущее место. В первом выпуске от 15 июня 1930 г. в передовой статье В. Колокольникова отмечалось: «Русское Зарубежье празднует «День русской культуры» уже шестой год. Торжественное празднование этого дня вошло ... в плоть и кровь эмиграции. В двадцати с лишком странах русского рассеяния собираются в этот день русские люди вспомнить о былом и поделиться мыслями о будущем, новыми русскими культурными достижениями. Ежегодно отмечается этот день и там за темной границей ... Не будем забывать, что мысль об устройстве ежегодных всероссийских чествований памяти Пушкина возникла впервые среди членов петербургского «Дома литераторов» в 1920 г., а первое чествование имело место в Петербурге в страшный 1921 г. Среди организаторов и участников этого первого Дня русского гения были Ахматова, Блок, Гумилев, Кони ... Имя Пушкина объединяет в этот день всех русских, – по обе стороны черты ...» [4, 1].

В статье Н.П. Покровского «А.С. Пушкин и его современники» от 15 июня 1930 г. представлен отзыв на книгу Л. Гроссмана «Записки Д'Аршиака» (издана в Риге). Автор, рассуждая о соотношении западноевропейской и русской культур, говоря о высоком уважении русских к вершинам художественной и интеллектуальной мысли Запада, тем не менее, отмечает, что, проникнутая «русским духом», эта культура «органически слилась с национальными ... течениями русской мысли и чувства и стала уже истинно русским достижением». И заключает: «Такой-то она и явилась в лице нашего Пушкина, который сумел органически соединить в себе в одно целое и «излучение латинского гения», и отличительные свойства русской души. Но этого не хотят, к сожалению, понять многие европейцы и западники из русских» [4, 23].

Профессор Г.К. Гинс в своей статье «Пушкин и русская нация» от 7 июня 1936 г. развивает мысль об объединительном начале в творчестве А.С. Пушкина, его самоценности для русской нации. Именно Пушкин, по его мнению, сближал и сближает все слои русского народа, знакомство с ним дает русским людям множество впечатлений, которых они не могут почерпнуть непосредственно. Отмечалась заслуга Пушкина в развитии чувства национальной гордости, в воспитании поколений русских людей в их национальном самосознании. По крайней мере, три основных составляющих способствовали этому: язык гения, яркие картины исторического прошлого и изображение русской природы. «Вот почему Пушкин стал неотъемлемой частью русской народной души и великим национальным поэтом. Ему в немалой степени принадлежит право называться одним из создателей русской национальной культуры, объединяющей народы России в русскую нацию» [4, 13-14].

В выпуске от 7 июня 1937 г. была опубликована статья известного критика и богослова, автора ряда работ по творчеству Пушкина, К.И. Зайцева [6]. Называлась она «Куда ведет нас Пушкин». Цитируя известные строки поэта о любви «к родному пепелищу», к «Отеческим гробам», отводя Пушкину роль Вергилия, указывающего нам путь в громаде нашего противоречивого прошлого, автор делает следующий вывод: «Любовная память о прошлом и любовное устремление к месту, связанному с этим прошлым – разве не в этом основа национального самосознания и того, что именуется национальной культурой?» [4, 9] «... Пока мы духовно не придем к отеческим гробам, пока мы не сомкнем цепь времен и не сольемся с духовными истоками русской культуры – добьемся ли мы восстановления Великой России? Путь к Великой России идет через Святую Русь, а не наоборот. Вот где разгадка Пушкинского урока ... Следуя за Пушкиным, мы все рано или поздно придем к недвусмысленному и конечному выбору нашей духовной генеалогии» [4, 10]. На вопрос «Что дало нам творчество Пушкина?» дает ответ профессор Е.Ф. Шмурло в одноименной статье, напечатанной в выпуске от 8 июня 1931 г. Автор также обращается к историческому прошлому России,

выделяя на его фоне трех главнейших представителей русской творческой мысли: Владимира Великого-Святого, Петра Великого и Пушкина. «Один вдохнул в русский народ пламень христианской веры, посеял семена вечной правды, истины и добра, другой своими реформами обогатил содержание русской культуры, раздвинул ее рамки, пробудил дремавшие народные силы, направил их на поиски просвещения и знания, третий – показал нам с небывалой дотоле очевидностью великое значение идеи национальной, как основного руководящего начала нашей личной общественной и государственной жизни» [4, 5]. Главная же заслуга Пушкина перед потомками, его историческая миссия, по мнению Е.Ф. Шмурло, заключается в том, что он не только раскрыл национальные особенности, национальные черты русского народа, приковал наше внимание к его верованиям, обычаям, особенностям быта, но и показал русским, то они русские, и вместе с тем разъяснил, в чем «заключается их русскость» [4, 10].

Таким образом, пушкинская тема на страницах харбинской прессы органично входила в общую программу празднования в честь национального Гения, давая духовную пищу для всех русских, оказавшихся волею судьбы на Дальнем Востоке, вдали от Родины.

Общую картину харбинской пушкинистики дополняют сведения об отдельных изданиях, вышедших в Харбине и посвященных его жизни и творчеству. А.А. Хисамутдинов упоминает в своей энциклопедической статье «Пушкин как знамя белой эмиграции» книгу жившего в то время в Праге профессора В.В. Перемиловского «Беседы о русской литературе. Пушкин» (Харбин, 1936 г.). В частности, в ней особо подчеркивается объединяющая роль Пушкина в расколотой национальной культуре. Здесь же приводятся сведения о публикациях профессора Г.К. Гинса, профессора К.И. Зайцева, общественного деятеля и юриста В.Ф. Иванова, литератора Н. Резниковой [7, .208-209].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 – 1940. Т. 4. Всемирная литература и русское зарубежье. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 326-327. См. также Филин, М. Д. Пушкиниана русского Зарубежья: материалы для библиографии / М. Д. Филин // Московский пушкинист. – 1995-1998, 2000. – № 1-5, 8.
2. См. работы В. Агеносова, О. Бузуева, А. Забияко, В. Печерицы, А. Хисамутдинова, Г. Эфендиевой, С. Якимовой и др.
3. Пасевич, З. В. Русские классики в литературной критике дальневосточной эмиграции / З. В. Пасевич // дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2008. – С. 112.
4. «День русской культуры» (Харбин) – однодневный выпуск. Тираж 1000 – 1500 экз. Ответственный редактор В. И. Колокольников, председатель Харбинского комитета помощи русским беженцам. Редактор – В. В. Пономарев, заведующий культурно-просветительским отделом комитета. С 15 июня 1935 г. издателем стал С. И. Храмов.
5. Бузуев, О. А. День русской культуры (Харбин) / О. А. Бузуев // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 – 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 114-116.
6. Им был подготовлен вступительный очерк «Смерть Пушкина» к вышедшим в 1937 г. «Избранным произведениям» поэта. Две его статьи под названием «Религиозная проблема Пушкина» и «Пушкин и музыка» вошли в юбилейный сборник «Россия и Пушкин» (Харбин, 1937 г.). В 1938 г. стараниями К. Зайцева в Харбине был издан сборник «Пушкин и его время» – биографическо-культурный обзор жизни поэта и его эпохи с рисунками, портретами и примечаниями.
7. Хисамутдинов, А. А. Пушкин как знамя белой эмиграции / А. А. Хисамутдинов // Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 359 с. См. также Хисамутдинов, А. А. Пушкинская тема в Шанхае / А. А. Хисамутдинов // Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 209-210.

Иванов Анд. А.
A. A. Ivanov

ДНЕВНИК Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО: РЕАЛЬНОСТЬ ПИСЬМА И РЕАЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТА

NICOLAY CHERNYSHEVSKIY'S DIARY: THE REALNESS OF WRITING AND THE REALNESS OF SUBJECT

Иванов Андрей Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры «Философия и социология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 85/7-138; +7 4217 27-93-06. E-mail: larsandr@mail.ru.

Mr. Andrei A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 85/7-138, Lenin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681035; 27-93-06. Email: larsandr@mail.ru.

Аннотация. Дневники Н.Г. Чернышевского анализируются как форма репрезентации субъективности в специфическом письме, воплощающем объективную, внешнюю точку зрения. Дневниковое письмо Чернышевского рассмотрено в контексте концепции «различения» Ж. Деррида как реализация семиотических механизмов «опространствливания» и «овременивания». Выявлены психологические и социально-мировоззренческие факторы приоритета «действительности» письма над невербализованной субъективностью.

Summary. Diaries by Nicolay G. Chernyshevsky are considered here as a form of representation of subjectivity that manifests itself in a special type of writing which reflects the objective, external point of view. Chernyshevsky's diary writing style is viewed in terms of J. Derrida's «difference» as the implementation of semiotic mechanisms of *espacement* and *temporalisation*. I reveal the psychological, social and ideological factors which determine the priority of the writing's realness over the unverbilized subjectivity.

Ключевые слова: субъективность, письмо, различение, «опространствливание», «овременивание», репрезентация.

Key words: subjectivity, writing, difference, Derrida, *espacement*, *temporalisation*, representation.

УДК 82-94

Дневниковая практика в обществе Модерна представляет собой специфическую форму представления ценности субъективности и одновременно способ ее конструирования, автокультивации. Социальные процессы в историческом и повседневном планах рассматриваются и оцениваются с точки зрения отдельного человека, обретают ценность и значение не сами по себе, но в их проекции на индивидуальную жизнь. С другой стороны, дневник – форма интернализации социального образца субъективности посредством письменного нарратива, фиксирующего и упорядочивающего стихию внутренней жизни. В свете этой амбивалентности дневникового письма интерес представляют те случаи, где эти два вектора – индивидуализации и конструирования по образцу – вступают между собой в явное противоречие. Ярким примером могут послужить дневники молодого Н.Г. Чернышевского, в которых, как постараемся показать, субъективность автора репрезентирована через наиболее удаленный от индивидуального полюса «внешний взгляд» – взгляд со стороны безличного, объективированного письма, что не означает, однако, *безличности* самой процедуры такого представления.

Чернышевский вел дневник с 1848 по 1853 гг. с чрезвычайной степенью откровенности и подробности изложения событий и переживаний повседневной жизни молодого студента, а затем учителя Саратовской гимназии. И. Паперно назвала эти документы «интерес-

ным примером экспериментального развития реализма в быту» [2, 41], демонстрирующим формирующуюся в культуре установку на точное и всеохватное отражение действительности в субъективном восприятии (внимание «к гривенникам» в терминологии В. Г. Белинского). Сопоставляя способ ведения дневника с плодovitостью Чернышевского как критика и как писателя, с его графоманией, а также интересом к стенографии, И. Паперно заключает, что принципом, объединяющим эти личностные особенности, является «совпадение вербализации и самого опыта»: «в своих дневниках Чернышевский приравнял человека живущего к вербализующему, чье существование подтверждалось материальным результатом этой вербализации» [2, 46].

В самом деле, стремление отразить реальность повседневного опыта во всех подробностях у Чернышевского таково, что процесс отражения, письменного воспроизведения подменяет собой непосредственно переживаемый опыт. Описание прогулок и визитов, разговоров и ученых занятий, регистрация прочтенных книг и журналов, ночных «подлых дел» и сновидений, чистых побуждений и движений чувств, наблюдений за женщинами и социально-политических мыслей – все это как бы и не существует вне дневника. В этом смысле дни, содержание которых автор просто не помнит, сев за дневник значительно позже, представляются вычеркнутыми из пространства какого-либо смысла и внутреннего переживания.

Любой дневник, видимо, создает образ личности пишущего не только тем, что в нем подробно высказано, но и символическим эффектом присутствия тех сторон и глубин субъективности, которые остались за пределами высказывания. Можно сказать, что субъективность Чернышевского, репрезентированная в дневнике, не выходит за его пределы, не создает впечатления присутствия *невыраженного*. Если, к примеру, репрезентируются эмоциональные, аффективные аспекты внутренней жизни, то они не воспроизводят некий пережитый в прошлом опыт, противящийся репрезентации, а стимулированы самим процессом письма и сведены к фиксации определенного канона чувственного переживания. Так, в записях, посвященных его отношениям с будущей женой Ольгой Сократовной Васильевой, он выражает переживаемые в настоящий момент чувства, но они вызваны именно текстом, передающим его слова к невесте: «Если вы серьезно и глубоко полюбите другого, я буду рад за вас (NB: когда пишу, у меня навертываются слезы), но перенести это для меня будет тяжело... я более всего желаю вашего счастья (NB: когда я пишу это, я плачу)» [3, 442]. Чернышевский здесь прямо проговаривается, что реальные чувства он испытывает от жизни, отраженной и включенной в процесс письма.

Дневник Чернышевского представляет собой почти буквальную реализацию концепции *differance* («различение») Ж. Деррида как принципа репрезентации бытия/присутствия в процессе сигнификации, идущей по двум векторам: «овременивания» (*temporalisation*) и «опространствливания» (*espacement*). «Замена знаком самой вещи одновременно и *вторична* и *предварительна*: она вторична по отношению к оригиналу, ибо следует за утраченным присутствием, знаком которого она является. Она предварительна относительно уже завершеного и утраченного присутствия, для которого знак выступает лишь как движение опосредования» [1, 134].

В дневнике Чернышевского мы сталкиваемся с письменной сигнификацией пережитого, но уже утраченного опыта, со «следами» бытия, распределенными во времени (автор подробно фиксирует точное время и продолжительность описываемых событий, в том числе моментов ведения записей). В попытке репрезентировать пережитое с наиболее объективной стороны (с точки зрения «действительности») Чернышевский включает субъективный опыт в двойную структуру письменного повествования и социального измерения времени. Тем самым непосредственный опыт откладывается из настоящего в прошлое, на «задний план», оставляя в настоящем процесс письма и регистрации знаков «действительности».

С другой стороны, вполне возможным представляется то, что переживаемые Чернышевским в течение дня события рассматривались им как материал для записи уже во время самого переживания, т.е. письменное опосредование предвляло и конструировало его взаи-

модействие с потоком повседневности. Мельчайшие подробности, обстоятельства времени и места тех или иных событий тщательно укладывались в памяти, запечатлевались в уже структурированном, готовом к письменной репрезентации виде. Можно ли сказать, что Чернышевский проживал свой день, чтобы записать его в дневник? Разумеется, нет, но дневник несомненно был тем средством, с помощью которого субъективный жизненный мир не только осмысливался, но и приобретал черты объективной (десубъективированной) диахронической последовательности. Симптоматичен и тот факт, что написание дневника было для Чернышевского означением желаемого в будущем величия, возможности того, что невозможно в настоящее время, он писал его в надежде, что эти записи будут интересны будущим поколениям как свидетельства жизни его выдающейся личности [3, 193]. В данном случае процесс письма в настоящем является предварительным знаком отложенного в будущее социального признания субъекта. «Действительность» субъекта, понимаемая как его социальная значимость, откладывается на потом; гарантией этого «потом» является дневник.

«Опространствливание» или «становление-времени-пространственным» – это семиотический процесс членения, дробления текущего настоящего на несовпадающие, дифференцированные части. Внимание Чернышевского к пространству так же пристально, как и ко времени. Он тщательно фиксирует пространственные координаты своих повседневных перемещений, помещает в дневник планы домов, схемы расположения собеседников. Пространственные индексы должны подтверждать достоверность субъективного опыта, на деле замечающая субъективное, синкретическое и единственно реальное восприятие пространства «объективным», безличным и условным кодом. К примеру, наблюдения за встречающимися девушками, столь естественные в его возрасте, дифференцируются на пространственные позиции и фрагменты: «Утром вошла убирать немочка... но она нехороша, т.е. нехороша, весьма нехороша нижняя часть лица, когда смотреть в профиль, и поэтому ничего...» [3, 287].

Итак, репрезентация жизненного опыта посредством письменного кода, подключающего к нарративному конструированию безличные векторы «овременивания» и «опространствливания», призвана придать этому опыту качество «действительности», связанности внутреннего с внешним, ментального с физическим. Только результат этой многоступенчатой репрезентации обладает для Чернышевского подлинным бытием и позволяет ему ощутить свою собственную несомненность.

Причина этой необходимости в вербальном и письменном опосредовании жизненного опыта кроется в том, что «действительность», как она есть на самом деле, нетождественна непосредственному опыту субъекта. А именно с ней субъект, согласно модели «действительного» человека, должен быть идентифицирован. Образ действительности в сознании Чернышевского опосредован литературным и научно-философским дискурсом (из главных влияний здесь нужно отметить взгляды натуральной школы в русской критике, материалистическую философию Л. Фейербаха и позитивизм), который он начинает осваивать в годы студенчества. Этот дискурс вступил в серьезное противоречие с религиозным воспитанием сына саратовского священника и всем предшествующим укладом его жизни. В такое же противоречие с социальными навыками студента незнатного происхождения вступило петербургское общество, организованное по правилам светской культуры. *Истина* действительности оказалась вне непосредственных переживаний субъекта; действительные значения и смыслы находятся вне субъективного мира, в символической системе, описывающей и связывающей этот опыт с миром внешним настолько, насколько она удалена от полюса личных непосредственных чувств и оценок. Чтобы подтвердить свое соответствие истине, субъект объективирует переживаемый опыт в символической форме; голос как «слышание себя говорящим» и письмо как «видение себя в письме» становятся подтверждением *присутствия* в действительности.

Потому эта символическая форма стремится к максимальному удалению от индивидуального осмысления и воплощению в письме инстанции «чужого взгляда». Такой взгляд направлен на внешнее поведение в обществе, «в свете». Чернышевский постоянно оценивает себя, каким он представляется со стороны, и успешным считает то поведение, в котором он

минимально проявляет себя и уподобляется образцу светской безучастности, в котором становится «решительно как-то как бы машиною» [3, 271].

Этот же взгляд с позиции «Великого Другого» (в лакановском смысле) реализован в анализе внутренних мыслей и переживаний. Так, во время ухаживаний за будущей женой он выносит на страницы дневника свои сомнения в чистоте ее помыслов. Здесь он предстает перед собой в виде «глупенького простячка», используемого в качестве запасного варианта или последней надежды девушкой с не самой лучшей репутацией в Саратове. Эти откровения фиксируются им с постоянно оговариваемой целью выставления себя сомневающегося на осуждение: «Эта сторона моего характера должна быть безжалостно казнена, и я казнь ее страшным образом, выставляю на неизгладимый позор этим записыванием» [3, 487]. То есть пишет здесь не сомневающийся субъект, а тот, кто осуждает сомневающегося и потому выставляет его в самом неприглядном виде, «без прикрас и преувеличений». Система письменных означающих воплощает позицию «автора», смотрящего извне на внутреннее содержание своего персонажа как на «характер». Занимая эту позицию, Чернышевский может объективно анализировать истоки своих сомнений, находя их в «недействительности» своего характера: «Из чего же возникают мои сомнения? Из моего характера прежде всего. Мне нужны слишком ясные доказательства, что мною не пренебрегают, что я не надоел... Мне трудно убедиться в том, что я на своем месте...» [3, 489]. Субъект письма, таким образом, способен занимать «устойчивую» позицию по отношению к себе же как к «неукорененному» в действительности объекту описания.

Итак, дневник Чернышевского представляет практику письма, функционирующего как *удостоверение* реальности жизненного опыта субъекта. К конкретному материалу собственной жизни Чернышевский подходит с позиции бесстрастного внешнего взгляда, объективность которого подкреплена измеримыми показателями времени, пространства, объема текста. Уже в переработанном, зафиксированном и инвентаризованном виде жизненный материал становится источником эмоций и переживаний, признаваемых подлинными, действительными. Причины такого подхода следует искать и в особенностях психологического склада Чернышевского, и в специфике социально-коммуникативной ситуации, в которой находился студент-разночинец в 40 – 50-х гг. XIX в., и в мировоззренческих сдвигах эпохи. В случае с Чернышевским можно говорить о типе абстрактно-ориентированной личности (теоретика), который, в соответствии с реалистической направленностью натуральной литературной школы, обращается к анализу индивидуального психологического, повседневного материала, стремясь обнаружить в нем общие социальные детерминанты. На уровне социологических характеристик отказ от индивидуализированной точки зрения в пользу «объективированной» формы высказывания связан с маргинальным положением семинариста в столичном светском (или околосветском) окружении. Такой же маргинальностью характеризуется мировоззрение молодого Чернышевского, чье религиозное воспитание столкнулось с господствующей в студенческой и академической среде материалистско-позитивистской философией. Отвлеченно-безличная форма дневникового письма воплощала поиск устойчивой позиции в противовес психологической, социальной и мировоззренческой фрустрации субъекта описания.

Через несколько лет, отказавшись от дневниковых записей и погружившись в литературную и публицистическую деятельность, Чернышевский – с помощью навыка интегрировать разрозненный, неустойчивый индивидуальный опыт в позицию отвлеченной, но всеобщей и целостной формы – сформулировал идеологию целого поколения, назвавшего себя «новыми людьми».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурко, Е. Тексты деконструкции. Деррида, Ж. Difference / Е. Гурко, Ж. Деррида. – Томск: Водолей, 1999. – 160 с.
2. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с.
3. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т. 1. Дневники / Н. Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1939. – 850 с.

Меряшкіна Е. В.
E. V. Meryashkina

ОРИЕНТАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЗЫ А. ХЕЙДОКА

THE "ORIENTAL" DIMENSION OF A.P. HEYDOKA'S PROSE

Меряшкіна Екатерина Владимировна – аспирант кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре).
E-mail: rina_evm@mail.ru.

Ms. Ekaterina V. Meryashkina – PhD student, Department of Russian Language and Literature, The Amur Region State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: rina_evm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфика ориентальной прозы А.П. Хейдока, а также ее идейно-эстетическое своеобразие. На примере анализа книг писателя «Звезды Маньчжурии», «Радуга чудес» и философско-эстетических эссе из цикла «Агни-йога» определяется позиция писателя в отношении его к общим тенденциям первой волны русской эмиграции, а также выделяется ряд устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику.

Summary. In this paper I investigate the orientalism of A.P. Heydoka's prose, as well as its ideological and aesthetic originality. Through the analysis of such of his books as "The Stars of Manchuria", "A Wonder Rainbow" and a series of philosophical and aesthetic essays "Agni Yoga", I specify his views of the general trends of the first wave of Russian emigration, and also identify a number of recurring motifs having the "oriental" nature.

Ключевые слова: ориентальная тема, мотив, Дальний Восток, буддизм, Китай, художественное пространство.

Key words: orientalism, motif, Far East, Buddhism, China, literary space.

УДК 82.1

В настоящее время назрела насущная необходимость актуализации данной темы с целью комплексного исследования прозы дальневосточного зарубежья на проблемно-тематическом уровне. Особую значимость в этом смысле для нас имеют произведения Вс.Н. Иванова, Н.А. Байкова, А.П. Хейдока, П.В. Шкуркина, М.В. Щербакова и Ф.Ф. Даниленко.

Предметом данной статьи является функционирование темы Востока в творчестве Альфреда Петровича Хейдока. Анализируя творческое наследие писателя, мы опираемся, в первую очередь, на произведения, известные широкому кругу читателей. На примере анализа книг писателя «Звезды Маньчжурии» и «Радуга чудес», а также научно-публицистических и философских очерков из цикла «Агни-йога» определяется позиция писателя в отношении к Поднебесной и рассматривается специфика изображения Востока в творчестве А.П. Хейдока.

А.П. Хейдок разделил судьбу своих современников (А. Несмелова, Б. Юльского и других): его труды были дважды конфискованы при обыске и аресте: «После освобождения из лагеря в 1956 году следователь вернул ему, по словам писателя, всего две бумажки: свидетельство о рождении и удостоверение члена Шанхайского общества журналистов и беллетристов. Эта жестокая усмешка рока подтверждала главное: что Альфред Хейдок существует и что он писатель» [9, 4].

Однако А.П. Хейдок в харбинский период своего творчества стал набирать «писательские обороты»: им было создано множество рассказов, поражающих своей разноплановостью и тематикой. По мнению А. Лобычева, «харбинские рассказы, созданные писателем за довольно короткий промежуток времени, несут в себе настолько ярко выраженную темати-

ческую, сюжетную и философскую индивидуальность, настолько они выделяются на общем фоне эмигрантской прозы, что их вполне можно рассматривать как отдельный этап в творчестве автора и самостоятельную главу во всем литературном наследии русского Китая. Впрочем, при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что аналогов не сыщется и в литературе западной диаспоры» [9, 14].

Несомненный вклад в популяризацию творчества А.П. Хейдока внес А.В. Колесов, издав практически самое полное собрание сочинений писателя, созданных им в годы эмиграции (серия «Восточная ветвь», альманах «Рубеж»).

Одной из первых исследовательниц, открывших А.П. Хейдока широкому читателю, была Е. Таскина. В статье «Душа Востока» автор анализирует взаимодействие реалий, философии и мистицизма Востока в творчестве писателя [8].

Е.Г. Иващенко в статье «Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии»» исследует религиозные верования восточных народов с «универсальной точки зрения» персонажа, а также определяет мистическое содержание рассказов писателя и рассматривает сборник как уникальный «синтез Запада и Востока» [5].

Наиболее значительный вклад в изучение творчества А.П. Хейдока внесла Н.И. Белозубова. В кандидатской диссертации «Проза А.П. Хейдока в контексте литературы дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства» она уделяет особое внимание художественному пространству в сборнике писателя «Звезды Маньчжурии», основными топосами которого являются, по мнению автора, Россия и Китай [1].

Большинство произведений А.П. Хейдока являются, в основном, теософскими, в частности, он опирается на «мистическое богопознание» Е.П. Блаватской. Это сборники рассказов «Радуга чудес», «Звезды Маньчжурии» и эссе из цикла «Агни-йога». Стоит отметить в них особую специфику в изображении восточных реалий.

Так, например, действие в произведениях А.П. Хейдока происходит в степях и лесах Маньчжурии, в тайге, на границе Китая и Китайского Туркестана: «на протяжении веков особое отношение к Китаю являлось неотъемлемой чертой русского культурного сознания. С середины же XIX века, а особенно на рубеже столетий тема Китая и китайцев становится предметом активного обсуждения и изучения в политической, научной, публицистической среде» [4, 110].

Китай предстает перед нами в пространственно-временном ракурсе со своим прошлым и настоящим, со своими этническими и этическими рамками и обычаями. «Страна Поднебесья» в рассказах А.П. Хейдока изображается обычно с двух точек зрения. С одной стороны, это великая страна с богатым природным и культурным миром, который воспринимается китайцами как источник эстетизации. Так, например, в рассказе «Маньчжурская принцесса» Маньчжурия предстает перед нами как «Властитель Мира и Небес», а через окружающую природу просматриваются «духи, воплощенные в потемневшее дерево и позолоту» [9, 77].

И с другой стороны, Китай как «добродетельная» страна великого Будды, «даосских кумирней» и «тишины пустынь». В рассказе «Шествие мертвых» Восток воспринимается повествователем как медитирующее органическое умиротворение, в котором природа и человек составляют единое целое: «в вечерней прохладе мы сидели на берегу и прислушивались к ленивым всплескам реки»; «пройдет полчаса, и на бесшумных крыльях спустится ночь»; «над глинистым берегом перешептывается камыш – природа говорит с человеком, и человек понимает ее». И в противопоставление этому наблюдаем и слышим суетность и звуки грохочущего города: «далеко, в больших городах, в это время гремят трамваи, гудят автомобили и суетливые люди снуют по тротуарам» [9, 171].

Основными топосами восточного пространства в рассказах А.П. Хейдока являются Китай, Шанхай, провинция Цинь-ань-фу, китайский городок Чен-бо-шань и провинция Гуйчжоу, «маньчжурские сопки, пади Хингана, горы, холмы. Урбанистический пейзаж Китая представлен дальневосточным базаром – эмблемой многоликости Китая» [1, 15].

Также образ Китая у А.П. Хейдока создается и на языковом уровне: здесь можно увидеть полный набор русских заимствований из китайского языка (*чай, фанза, кан, гаолян, тайфун, рикша, кули, лама* и т.п.) и многочисленную лексику, связанную с Востоком и экзотическими южными странами (*будда, кумирня, паланкин, мандарин, богдыхан, лотос, бамбук, джонка, сампан, иероглифы* и т.д.) [6].

Пространство в рассказах А.П. Хейдока делится на религиозное, бытовое и «виртуально-ностальгическое» [1, 14]. Восточное полотно разворачивается на фоне первых двух категорий. Восток представляет собой взаимодействие и функционирование религий – буддизма, даосизма и мистических суеверий. Так, например, сборник рассказов «Радуга чудес» в полной мере воплощает собой приметно-суеверное пространство. Об этом говорят и названия рассказов: «Колдун», «Телекинез», «Несостоявшийся роман в гостинице мертвых», «Граница вероятного», «Эпизод будущего во сне» и другие.

Ламаистские монастыри, буддийские и даосские монахи, кумирни и, конечно, великий Будда являются составляющими религиозно-мистического пространства Востока в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии». Монастырь – это то место, куда стремятся герои А.П. Хейдока. Только там они находят умиротворение и душевный покой. Так, например, в рассказе «Храм снов» герои идут по «дороге Печали» в языческий храм Снов к «одинокому Духу земли», ищущему единения и возможности «прислушиваться к шепотам Космоса». Только в этом храме герои могли видеть сны, в которых «воплощались их желания и восстанавливалось счастье» [9, 126].

Религиозно-мистическое пространство рассказов А.П. Хейдока моделируется с помощью буддистских традиций и восточного миропонимания. Для некоторых героев рассказов писателя важно следовать великому «Дао», ведущему к истине, и погрузиться в нирвану (рассказы «Шествие мертвых», «Храм снов»).

Рассказы А. П. Хейдока ориентированы в основном на буддийскую и даосскую традиции. Всё настроение текстов в широком смысле реализует философские понятия своего жизненного пути и предназначения. В связи с этим мы можем говорить об ориентальном мотиве пути.

Под ориентальным мотивом мы понимаем «устойчивый формально-содержательный компонент художественного текста, воплощенный в системе ориентальных образов. Ориентальный образ – это константный для поэзии Востока образ, который в разных контекстах сохраняет свою соотнесенность с ценностным и предметным миром восточной культуры. Это образ, по которому идентифицируется восточная тема в литературе» [3, 7].

В широком смысле значение мотива пути обозначает поиск себя, своей цели и предназначения в жизни.

Некоторых герои А.П. Хейдока избирают для себя поиск счастливого пути в жизни. Для одних он реализуется через обретение жены, а вместе с ней и семейного уюта (рассказы «Хэльга», «Маньчжурская принцесса», «Миами», «Призрак Андрея Бельского»), а кто-то мечтает обрести земные блага – открыть парикмахерскую, «намыть» побольше золота на приисках («Таежная сказка»). И в то же время «герои находят силы отказаться от сладкой восточной нирваны грез и сновидений во имя живой любви» («Храм снов») [1, 15]. Можно сказать, что мотив пути подразумевает под собой всю человеческую жизнь.

Известно, что «Дао» с китайского языка переводится как «путь», поэтому цепью философских ассоциаций он связан с мотивом отшельничества и ухода. Так, в рассказах А.П. Хейдока присутствуют монахи, которые живут отшельниками в даосских монастырях. Некоторые герои сознательно уходят туда, пытаясь сократить свой жизненный путь: «Я решил всячески сокращать свой *жизненный путь*... Здесь я мог выпустить на себя всех зверей своего духа: тоску культурного человека в глуши, отсутствие возможности заниматься искусством и читать и, наконец, – самовнушение» [9, 86].

Философское значение мотива пути как высшей цели мы находим в философско-эстетических эссе «Агни-йога». А.П. Хейдок ищет истину, ведущую к высшему «духовному Миру» путем Труда и Сердца.

В узком смысле мотив пути выступает в тексте как дорога, тропа через тайгу, пустыню, которая подразумевает перед собой опасность. Так, герои совершают путь – барон Унгерн фон Штернберг, Шмаков («Безумие желтых пустынь»), Ордынцев («На путях извилистых»), китаец Хоу («Шествие мертвых»), Агнивцев («Тропа»), Кострецов и Рязанцев («Храм снов»), герой-повествователь («Миами»), Кононов («Закон мужчины»), Гришин («Контрабандисты») и другие. Мотив пути также обыгрывается и в названиях рассказов: «На путях извилистых», «Тропа», «Шествие мертвых», «Пока двигается караван».

Соответственно, мы можем сказать, что мотив дороги и пути является сюжетообразующим элементом для сборника рассказов «Звезды Маньчжурии», который обусловлен, прежде всего, размышлением о смысле жизни.

В особые смысловые отношения вступает мотив пути с мотивом смерти. А.П. Хейдока поражает философское восприятие смерти жителями восточных стран. Это показано в отношении к смерти, несвойственному для русского менталитета, радости ее восприятия и умиротворенности бытия. Так, например, в восточной традиции есть поверье, что люди должны умирать у дома своих родителей, а если смерть застала их в другом месте, то мертвые совершают путь на восток к очагу предков, чтобы обрести себя, но уже после смерти: «не пойдет мертвый на восток, не пойдет и на запад, а пойдет только по дороге к родному дому» [9, 173]. Герои его рассказов стремятся умереть у очагов своих родителей, «чтобы почувствовать руку матери на своей голове», и если родственники выбегут их встретить с плачем, то покойный не найдет приюта: «Без слез нужно подвести его к приготовленному гробу, и здесь уже успокоится пришелец навеки: он у родного очага» [9, 173].

Восточные люди не боятся встретить смерть, потому что знают, что далее последует другая жизнь, которую надо воспринимать с достоинством. Большинство героев А.П. Хейдока становятся действующими лицами его рассказов только после смерти: пес Вайрог и Баралгай («Человек с собакой» и «Собаки воют»), Гамбалов («Черная палатка»), Алексей Бельский («Призрак Алексея Бельского»). В цикле рассказов, посвященном «Агни-йоге», писатель придерживается точки зрения, на которой построены все религии мира – смерть есть начало существования и начало Пути. Смерть – это только начало жизни, после чего человек снова возрождается на земле и приобретает новый опыт.

В продолжение этому вспомним увлечение А.П. Хейдока учением «Агни-йога». Известно, что это «синкретическое религиозно-философское учение, объединяющее западную оккультно-теософскую традицию и эзотеризм Востока» [10]. Его создателями являются близкие друзья писателя – Николай и Елена Рерихи. Писателем создается целый цикл научно-публицистических и философских очерков, охватывающих философско-эстетическую концепцию учения «Живой Этики», в которых автор становится Мыслителем на «пути к Высшим знаниям». Можно сказать, что писатель создает доктрину, наиболее полно представляющую его мировоззрение. Продолжая тему вечной жизни, писатель пишет о своем бессмертии («Я – бессмертен»), где считает, что велик «неистребимую жизнью, самой вечностью, живущей во мне, безначальным, беспредельным путем» (эссе «Я – бессмертен»). А.П. Хейдоку кажется, что это единственное учение, которое создает новую эпоху и «открывает врата в Новый Мир».

В философско-эстетических эссе из цикла «Агни-йога» символы китайской мифологии играют значительную роль, но проявляются опосредованно. Например, «огненное очищение», «стихия духовного огня», «шаги стихии огня» дают прямую отсылку к лотосу, который часто в текстах фигурирует как огненный цветок. Этот символ перерождения, вступая в семантические ряды с текстом, выступает в функции обновления жизни, ее со-Творения и духовного очищения.

Кроме того, Е.Г. Иващенко отмечает несомненное наличие в сборниках языческой традиции: «наряду с верованиями Востока в сборнике растворены славянско-языческие и христианские традиции. Этот народно-православный комплекс, в свою очередь, сплетен с восточными языческими традициями настолько тесно, что их порой трудно разграничить» [5, 5]. Позднее А.П. Хейдок напишет ряд рассказов – «записок слепого паломника» во время поездки в Сергиеву лавру, чтобы преклониться мощам Сергия Радонежского. В этих рассказах вновь возникает мотив пути, который воплощает внутренний путь писателя.

Образ России представляет «виртуально-ностальгическое» пространство исследуемых нами сборников. То, что постигло родную страну, автор определяет как «Великое Безумие» [9, 38]. В связи с рассмотрением темы Родины мы можем выделить в творчестве А.П. Хейдока мотив изгнанничества. Так или иначе, все герои его рассказов мечтали вернуться на родину, а вместе с тем и обрести себя. Автор описывает чувства всех эмигрантов, находящихся в изгнании: «Все обиды российского изгнанника кипели во мне, начиная с надменно-доверчивых взоров кучки английских чиновников на пристани (...)» [9, 95].

В произведениях А.П. Хейдока с мотивом изгнанничества сопрягается мотив сна. В рассказе «Храм снов» Рязанцев видит сон, в котором ему сообщают долгожданную новость – можно спокойно возвращаться домой: «Как куда? С луны свалились?.. Домой, в Россию едем! Большевиков прогнали, – всей нашей маяте конец пришел... Можно сказать – народ так обрадовался, так обрадовался...» [9, 123]. Подобные мысли были свойственны эмигрантам всех поколений и возрастов, тяжело переносящим разлуку с домом. В связи с этим мы можем говорить, что мотив сна у писателя часто выражает тревожность, неустойчивость мира, в котором живут герои его произведений. Следует отметить, что это было в какой-то мере отголоском событий, происходящих в России (революция, Гражданская война, эмиграция). Подробнее об онейрическом пространстве в рассказах писателя мы писали ранее в статье «Мотив сна в рассказах А.П. Хейдока» [7].

Следует отметить, что сновидения в рассказах писателя выполняют не только психологическую, но и композиционную функции. В большинстве рассказов писатель использует художественный прием «сон во сне».

События Гражданской войны отражены в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии». В этом смысле показателен образ барона Унгерн фон Штернберга, который был видным деятелем Белого движения на Дальнем Востоке. Примечательно, что «Унгерн в харбинской прозе автора – один из главных героев, ее поэтический и философский центр, хоть и появляется в роли реального персонажа только лишь в рассказе «Безумие желтых пустынь». Для писателя он концентрирует в себе тот самый мистический зов древней Азии, который русская революция, Великое Безумие, как он сам ее называет, лавой разлившись по Монголии и Маньчжурии, пробудила на этих пространствах» [9, 21]. В харбинской поэзии Арсения Несмелова образ «сумасшедшего» Унгерна появляется в «Балладе о даурском бароне» как отклик на легенду о «черном бароне», который вместе с любимым вороном, словно призрак блуждает в песках Гоби.

Мы можем предположить, что А. П. Хейдок восхищался бароном Унгерн фон Штернбергом, личность которого синтезировала мистическое, романтическое, реалистическое восприятие страшных дней Гражданской войны: «В те дни сумасшедший полководец барон Унгерн фон Штернберг, – в чьей душе жили в странном соседстве аскет-отшельник и пират, чьим потомком он был, – в те дни вел он за собою осатанелых бойцов на Ургу – восстанавливать Чингисханово великое государство»; «они шли, пожирая пространства Азии, и впитывали в себя ветры древней Гоби, Памира и Такла-Макана, несущие с собой великое беззаконие и дерзновенную отвагу древних завоевателей. Шли – чтобы убивать, или быть убитыми...» [9, 32].

Таким образом, личность барона Унгерн фон Штернберга является сюжетообразующим компонентом, хотя герой и появляется напрямую только в рассказе «Безумие желтых

пустынь». Но в то же время на протяжении всего сборника А.П. Хейдока в тексте встречаются упоминания о полководце, которые косвенно характеризуют его: «с тех пор он стал тем, кого называли “даурским бароном” и кто затем сделался кратковременным властителем Монголии» [9, 39]; «долго он ходил по Монголии за полусумасшедшим человеком по имени Унгерн фон Штернберг, который поклонялся Будде, брал города и отдал столицу страны на разграбление своим войскам» [9, 64]; «в моей голове заколыхались видения бескрайней азиатской степи и бивуаков сумасшедшего полководца – барона Унгерна фон Штернберга, который мнил себя воплощением ламаистского бога войны и вел за собою ожесточеннейших воинов, в чьих душах не было ни страха перед смертью, ни колебания, а лишь дерзкая отвага все потерявших людей...» [9, 131].

Таким образом, анализ творческого наследия А.П. Хейдока позволяет говорить о функционировании в нем ряда устойчивых мотивов, имеющих ориентальную специфику: мотив пути и изгнанничества (бегства), сна и смерти. Эти мотивы тесно сопрягаются с философией и принципами даосизма, а также важнейшими символами восточной культуры в целом.

Так, например, мотив пути также является лейтмотивом, так как проходит через все произведения писателя и приобретает в них широкое функционирование: сопрягаясь с другим, значимым не только для творчества А.П. Хейдока, но и для всех писателей-эмигрантов мотивом изгнания, своеобразного художественного воплощения желания вернуться на родину и желания обрести себя, мотив пути выступает в роли дороги жизни, наполняя понятие и внутренним смыслом. Содержание же мотива бегства в значительной степени было обусловлено осознанием эфемерности бытия, неопределенностью и непредсказуемостью дальнейших поворотов в судьбах героев, что так характерно для творчества исследуемого писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозубова, Н. И. Проза А. П. Хейдока в контексте литературы дальневосточного зарубежья: виды и образы пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белозубова Наталья Иннокентьевна. – Благовещенск, 2009. – 15 с.
2. Бузуев, О. А. Проза русского зарубежья Дальнего Востока / О. А. Бузуев // Литература и культура Дальнего Востока и восточного зарубежья: статьи участников рег. науч. конф. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2008. – С. 15.
3. Жарикова, Е. Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: моногр. / Е. Е. Жарикова. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2007. – 116 с.
4. Забияко, А. А. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии: моногр. / А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – 352 с.
5. Иващенко, Е. Г. Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» / Е. Г. Иващенко // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. Литературоведческая россика / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2008. – С. 104-108.
6. Ли, И. Образ Китая в русской поэзии Харбина / И. Ли. – Режим доступа: http://www.laoshi2.ru/?page_id=692.
7. Меряшкина, Е. В. Мотив сна у А. П. Хейдока / Е. В. Меряшкина // Филологическая наука в условиях диверсификации образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Комсомольск-на-Амуре, 16-17 нояб. 2013 г. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2014. – С. 78-83.
8. Таскина, Е. Душа Востока / Е. Таскина // Голос Родины. – 1989. – № 28. – С. 2.
9. Хейдок, А. П. Звезды Маньчжурии: рассказы / А. П. Хейдок. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. – 336 с.
10. Агни-йога. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Агни-йога>.

Сидорин А. А.
A. A. Sidorin

(ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

(RE)PRODUCTION OF THE VALUE OF HEALTH AMONG YOUTH

Сидорин Алексей Александрович – аспирант Социологического института Российской академии наук (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: sidorinaleksei@yandex.ru

Mr. Aleksey A. Sidorin – PhD student, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Russia, Saint-Petersburg). E-mail: sidorinaleksei@yandex.ru

Аннотация. В статье приводится анализ одного из ключевых вопросов, рассматриваемого в рамках исследований ценности здоровья в молодежной среде. Разными исследователями фиксируется тот факт, что молодые люди осознают ценность здоровья, но на уровне практических действий не стремятся к его сохранению. Логика объяснения данной проблемы основывается на холистском подходе, суть которого состоит в объяснении социальных факторов исходя из макровзгляда, указывающего на поведение молодежи, как детерминируемое «извне» социальными условиями. В своем исследовании данной проблемы мы стремимся отойти от подобной логики объяснения. Принимая выводы исследователей холистского подхода, наше исследование направлено на то, чтобы его дополнить. Для этого на теоретико-методологическом уровне мы будем использовать теорию структуризации. Данная теория стремится объединить макро- и микровзгляды. Используя теорию структуризации к анализу эмпирических данных, мы стремимся описать новые социальные явления, роль которых не принималась в расчет другими исследователями, но их ценность не менее значима для объяснения изучаемой нами проблемы.

Summary. The paper considers one of the key issues linked to the study of the value of health among youth. Different researches have demonstrated the fact that young people are generally aware of the value of health but at the practical level don't care much for it. The existing explanation of this phenomenon is based on the holistic approach, the essence of which is to explain social factors from the macro-perspective pointing to the fact that the behavior of young people is determined by the "outside" social context. In his study I aim to move away from this logic. Accepting the holistic approach results, I try to complement them with other approaches. To this end, on the theoretical and methodological level, I rely on the structuration theory which seeks to combine the macro and micro perspectives. By applying the theory of structuration to the analysis of empirical data, I aim to describe new social phenomena, the role of which has not been taken into account by other researchers, but whose value is no less important for the explanation of the problem under consideration.

Ключевые слова: ценность здоровья, молодежь, вредные привычки, структуризация, дуальность структуры, воспроизводство.

Key words: value of health, youth, bad practices, structuration, duality of structure, reproduction.

УДК 61

Данная работа посвящена более точному осмыслению противоречивого характера отношения молодежи к своему здоровью. За последние десятилетия в социологии было написано относительно небольшое количество работ по проблемам здоровья молодежи, но накопленный материал позволяет прояснить ряд неточностей в логике объяснения результатов исследований. Особенность исследовательских работ в данной области состоит, как правило, в стремлении различных авторов выявить структурные характеристики той или иной социальной группы молодежи и соотнести их с общим контекстом социальной жизни.

Как правило, исследователи в данной области используют стандартизированные методы анализа данных. Здоровье рассматривается как количественная величина, которая измеряется по пятибалльной шкале или как опосредованная величина, замеряемая по косвен-

ным признакам, таким как уровень давления, выносливость, наличие вредных привычек и т. д. [5; 8; 10; 11]. Такого рода исследования в области здоровья молодежи демонстрируют функциональные связи между изучаемым здоровьем и обществом как неким целым, существующим по своим законам. Общество оказывает принудительное воздействие на своих членов, независимо от их знания, и в каком-то смысле относится к «внешним» социальным силам. Логика подобного анализа относится к холистскому направлению исследования, родоначальником которого является Э. Дюркгейм.

Критики подобного направления отмечают, что при таком подходе упускаются из виду особые познавательные способности, которые молодые люди создают для прояснения своей жизненной позиции, соотнося ее с этим целым [2]. В своей работе мы постараемся продемонстрировать, каким образом это происходит, что это за способности и как можно восполнить данный недостаток понимания социологами проблем здоровья молодежи.

Для обоснования наших взглядов нами будут представлены некоторые результаты одного эмпирического исследования, которое строится на сборе и анализе данных, полученных в ходе полуструктурированных интервью. Всего было опрошено 30 молодых людей. Опрос проводился среди молодежи, принадлежащей к разным социальным группам. Средний возраст опрашиваемых составляет от 16 до 29 лет. Тематика интервью была связана с пониманием того, каким образом молодые люди преодолевали или, наоборот включались в потребительские практики вредных веществ.

Данное исследование в первую очередь строится на изучении распространения и воспроизводства вредных привычек в молодежной среде. Вопросы, связанные с природой вредных привычек и их влиянием на молодое поколение, можно отнести к проблемам девиантной социологии [9]. Почему мы говорим о них в области социологии здоровья? В данном случае мы не рассматриваем девиацию в молодежной среде как то, что функционально влияет на все общество в целом. Мы изучаем, как вредные привычки молодежи связаны с ее отношением к своему здоровью. Поведение молодежи в этой связи дает богатый материал для размышления. Молодость – это время, когда все люди стремятся экспериментировать, пробовать все новое, искать себя, при этом без какого-либо страха перед будущими последствиями. Вредные привычки не являются исключением. Исследователи во всех странах мира фиксируют большое число молодых людей, кто впервые рискнул попробовать вредные вещества, будь то алкоголь или наркотики, именно в школьные годы.

Социология здоровья молодежи во многом, по мнению разных авторов, предстает как понимание определенного отношения молодежи к своему здоровью [4]. Многие социологи здоровья полагают, что проблема здоровья в молодежной среде открывается через противоречивые позиции между сохранением, поддержанием, укреплением своего здоровья и его разрушением посредством чрезмерного употребления разного рода вредных веществ. В частности, данную проблему в своем диссертационном исследовании решает А.А. Ковалева. Она пишет: «Главной проблемой, которая изучалась в диссертационном исследовании, стала противоречивая связь между оценочной, когнитивной составляющими отношения к здоровью и поведенческим аспектом. Зачастую у индивидов имеются определенные представления о том, какие меры необходимо предпринимать с целью сохранения и поддержания здоровья, и их мнения вполне соответствуют социальным нормам, однако имеющиеся представления не приводят к выбору позитивного типа поведения, который был бы направлен на сохранение здоровья» [6, 3].

Такое положение дел социологами объясняется через социально-экономические и социально-культурные факторы. Но на деле не совсем понятно, как эти понятия, охватывающие широкие пласты представлений об общественном устройстве, соотносятся с субъективными факторами опрашиваемой социальной группы. «Значительное влияние на здоровье оказывают социальные и личностные (субъективные) факторы. К личностным факторам можно отнести, прежде всего, отношение к здоровью и поведение в сфере здоровья. Сами субъективные факторы находятся под влиянием социальных факторов: условий жизни, соци-

альных изменений, социо-культурных факторов, социально-экономических различий (уровень безработицы, уровень образования, материальное благосостояние, социальный статус индивида, развитость системы медицинского и социального обслуживания, социальная структура общества в целом). В процессе социализации индивидом интернализируются образцы и стереотипы поведения в сфере здоровья» [6, 16]. Получается, что все эти факторы, которые условно можно назвать «объективными», и личностные факторы, которые условно можно назвать «субъективными», приходят к человеку опосредовано через эффект внешнего воздействия социальных сил, с которым человек не в силах справиться.

В своем исследовании данного противоречия в молодежной среде мы постараемся уйти от подобного взгляда. Мы сфокусируем наше исследование на том, каким образом молодежь противостоит подобным «внешним» силам, которые, по мнению социологов здоровья, являются тотальными и непреодолимыми. Это нам должно помочь более детально понять субъективные, внутренние факторы личности.

Для более точного объяснения наших взглядов рассмотрим внешние социальные факторы на примере теории структуризации Э. Гидденса [3]. Основное положение теории структуризации формулируется в одной ёмкой фразе, которая звучит следующим образом: «Люди сами творят свою судьбу, но при обстоятельствах, которые они сами не выбирали»¹. Акторы обладают своими представлениями о своей собственной деятельности в рамках определенного временного горизонта. Условно их можно назвать «жизненным проектом», границы которого являются достаточно размытыми и неопределенными. Люди не могут не иметь жизненного проекта, но его «целостность», то, как они себе его представляют в момент его замысла, постепенно изменяется. Траектория жизненного пути каждого отдельного актора во многом зависит от его окружения или первичной группы. Вмешательство «извне», вмешательство другого может привести к смене траектории жизненного пути. Мы постараемся показать, как данные обстоятельства вклиниваются в жизненные проекты тех или иных акторов, превращаясь в непреднамеренные последствия их деятельности, структурируя определенным образом их ценность здоровья.

Для начала мы обратимся к исследованию кросс-культурного уровня «Контекст здоровья молодежи», проведенному по заказу Всемирной Организации Здравоохранения и охватывающему 70 стран мира, включая Россию. Автор данного проекта Кури (Curtie) попытался показать наиболее общую форму поведения молодежи в отношении своего здоровья, начиная от общеэкономического состояния семьи, её внутреннего климата, школьной среды, первичной группы [12].

На уровне повседневного взаимодействия важную роль в воспроизводстве ценности здоровья играют внешние факторы, связанные с экономическими и политическими формами организации того или иного общества. В своём исследовании Кури отмечает этот уровень как генеральный, включающий социально-экономические, культурные и экологические условия жизни. Такого рода условия распадаются на подгруппы, включающие трудовые условия (рабочие условия, образование) и жилищные условия (трудоустройство, качество жилья, качество медицины). Данные факторы зависят от социальной сети, в которую погружены акторы, а сеть строится на индивидуальных жизненных факторах. Эту модель структурных детерминант Кури типологизирует с такими качествами актора, как пол, этничность, возраст.

Но необходимо отметить, что данная схема не учитывает знание о здоровье, которое акторы производят в своей повседневной жизни. Так, в частности, можно представить ребенка, родившегося в бедной семье. Такой пример можно рассмотреть как знак экономического фактора, как внешний, независимый от знаний и намерений данного ребенка. Соответствен-

¹ Цитата взята из вступительного параграфа работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Мы ее сократили для удобства употребления. В оригинале она звучит следующим образом: «Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых».

но, этот фактор является предопределяющим его поведение, и в схеме Кури этот ребенок будет включен в определенную, уже заданную модель поведения.

Элементарное понимание любого компетентного человека легко подается представлению, что в бедной среде люди больше подвержены деструктивной форме поведения, а значит, если ребенок из бедной семьи, где мама и папа пьют и курят, то и ребенок, взаимодействуя с родителями, будет в будущем вести себя подобным образом. Если к подобному случаю подключаются и другие факторы, приведенные в схеме Кури (трудовые и жилищные условия, например семья безработных и живет в коммунальной квартире), то данное структурное представление становится более убедительным с точки зрения самосвершившегося пророчества. Однако реальность – более сложная вещь и не поддается полностью без остатка «архивации» в одну научную схему или понятие. Мы прекрасно понимаем, что есть случаи, когда дети, живя в подобных обстоятельствах, оказываются выше этих обстоятельств. Каким образом людям удастся преодолеть подобного рода структурные ограничения?

По данным, которые получены в ходе исследования Кури, можно отметить тот факт, что большое число молодых людей начинают злоупотреблять курением к 15 годам (около 62 %) и употреблять алкоголь (примерно 29 %) во всех исследуемых странах. Этот факт, на наш взгляд, указывает на необычайное обстоятельство, которое отсылает нас к институту образования, с одной стороны, и первичной группе, с другой. Что такого происходит в это время, что дети начинают активно включаться в употребление вредных веществ, воспроизводя привычные формы поведения в отношении своей ценности здоровья.

Вероятно, что в этот период действуют некие силы дуальности структурного, включающие молодых людей в деятельность, имеющую определенную форму познания молодыми людьми того мира, в котором они живут. Эта форма для многих оказывается наиболее приемлемой, даже в какой-то степени выигрышной и поэтому разделяемой. Первая проба вредного вещества (неважно будь то алкоголь, сигареты, марихуана) является стимулом познать мир (в том числе социальный) молодым человеком как активным его творцом. Непреодолимый интерес перед новым, запретным с точки зрения нормативных представлений о вреде своему здоровью, который появляется у молодого человека, удовлетворяется без понимания того, как эта проба перерастает в привычку и может оказывать воздействие на его жизненный проект.

Но некоторым молодым людям удается уже на этом этапе осознать вред данного «процесса» и бросить или жестко контролировать потребление вредных веществ в дальнейшей жизни. Те, кто стал с большей или меньшей регулярностью употреблять вредные вещества, с течением времени могут включиться в определенные формы воспроизводства стилей потребления, начиная с неформальных субкультур и заканчивая жесткими алкоголиками или наркоманами. Мы можем найти множество причин, рассматриваемых как «истинные» того, почему это происходит; «поступил как все», «отчуждение от этого скучного мира», «мне это нравится», «меня никто не понимает», «оторваться по полной», «расслабиться».

На обывательском уровне действительно данные причины действий молодых людей могут являться истинными, но для социологического понимания данной ситуации мы должны рассмотреть ситуацию более детально. Можно указать, что все эти мотивы психологического уровня можно отнести в схеме Кури к индивидуальным жизненным факторам, которые затем можно также структурировать в определенной корреляции с другими признаками. Но еще можно взглянуть на данное обстоятельство из жизни молодых людей, с точки зрения института образования, где молодым людям, предъявляются жесткие требования поведения. Учителя как блюстители социального порядка в школе вынуждены требовать от молодежи беспрекословного повиновения, однако не все дети могут выполнять эти требования. Молодые люди могут понимать, что их жизненные шансы малы, и они не в силах соответствовать нормативным требованиям школьной среды, создавая «антишкольную культуру», в которую входит потребление вредных веществ. Молодой человек лучше пойдет выкурить сигарету в туалет, чем будет слушать школьный урок. Он не будет задумываться даже о том, что эти

вредные привычки оказывают непосредственное воздействие на воспроизводство его ценности здоровья.

Другой важный фактор, который играет также опосредованную роль на здоровье молодого человека, – это социально-политическая ситуация в стране. В первую очередь, мы имеем в виду взаимодействие молодого человека с людьми, окружающими его в процессе перемещения по его обычным жизненным путям. В этом смысле мы отдаем особое значение социализирующим процессам. Воспроизводство вредных привычек в молодежной среде связано с опытом наблюдения за окружающими людьми. Как правило, акторы без особого подзрения принимают формы взаимодействия между окружающими его людьми в радиусе его видения как истинные, что впоследствии приводит в какой-то мере к дублированию увиденного. Окружающие люди передают свое знание о том, как надо себя вести, подавая пример, который акторы могут осознанно или нет воспроизводить в своей повседневной жизни. Корни данного влияния обусловлены историческими особенностями, формирующими определенное знание, которым акторы пользуются для реализации своих проектов. Это знание, как правило, неполное и, как мы предполагаем, лежит в значительной степени в области бессознательного и, как предполагает Э. Гидденс, – на уровне «практического сознания».

До сих пор мы говорили о модели воспроизводства ценности здоровья в молодежной среде на том же самом уровне, что и Кури. Мы отмечали внешние факторы воздействия на индивида, до определенной степени ограничивающие его возможности. «Другие» люди вносят изменения в проекты акторов, выстраивая их траекторию в значительной степени по своему образу и подобию. Если Кури делал больше акцент на условиях окружения и дробил социальную реальность на компоненты (так семью он делил на качество квартиры, трудоустройство родителей, наличие удобств), то мы свою схему анализировали с точки зрения взаимодействия людей лицом к лицу в момент соприсутствия: на улице, дома, школе в контексте осмысленного поведения. Но чтобы ответить на вышеставленный вопрос, мы должны принять во внимание тезис, о котором говорили в самом начале, напомним его: «люди сами творят свою судьбу, но при обстоятельствах, которые они сами не выбирали».

В нашу объяснительную схему мы включили третий уровень «свободного выбора самого актора». Информантам был задан вопрос, «как им удалось преодолеть ситуацию с разрушением своего здоровья из-за вредных привычек»? Этот ключевой вопрос позволил нам обнаружить несколько «инструментов», с помощью которых молодым людям удается справляться с определенным натиском тех социальных сил, о которых пишет Кури.

Первый инструмент – это социальное знание. Сюда входит довольно большое количество примеров, попадавших нам в интервью, совершенно разных: «У меня старый район, и я видел много людей, которые были не очень хорошего вида (смеется), которые пьют там. Наверно это меня и как раз оттолкнуло, на психическом уровне. Потому что стать таким человеком я не хочу». (Дима 18 лет, студент). Как мы видим из примера, наблюдение за негативными последствиями употребления вредных веществ людьми для данного молодого человека является способом обезопасить себя от риска стать больным и зависимым от алкоголя.

Актеры отслеживают поведение других людей и на этом основании делают выводы о том, стоит ли так поступать или нет. Это знание может быть об уже сгубивших себе жизнь людях или же это знание может быть медицинским, когда человек отдает себе отчет в том, какие последствия оказывает, например, алкоголь, на здоровье человека.

Второй инструмент – это целеполагание. Это уже менее очевидный компонент «свободного выбора», так как о долгосрочных целях наши информанты четкого представления не имеют. Жизненные проекты являются скорее малоосознанными на уровне дискурсивного сознания, но это не значит, что цель в жизни отсутствует вообще у всех. Прочитываем дальше данного информанта: «Ну и сейчас я хожу тут, вижу, сидят, пьют много людей. Прямо безамбициозные такие, почти дошли до самого социального дна. Они там уже медленно разговаривают, очень вялые, вообще без воли своей, только как-то вот перебиваются, находят деньги как-то заплатить за жилье и все деньги пускают на алкоголь. Я не привык жить без

цели, поэтому такой образ жизни меня не устраивает». (Дима 18 лет, студент). Хотя информант и говорит о значимости целеполагания, сам еще не знает, чего хочет достичь в жизни.

Третий инструмент – это мораль. Как замечает другой информант: «В старших классах уже выпивали, но у меня была уже своя внутренняя нравственность, я знал, что хорошо, а что плохо. Я не оставлял своей идеи стать учёным. Физика и астрономия меня интересовала всё больше. Неоднократно участвовал по этим предметам в олимпиадах... Всегда нравилось заглядывать за учебники, то есть читать литературу не по школьной программе, хотя родители не особо влияли на то, что я читаю и чем занимаюсь, занимался тем, что хотел». (Виталий, 27 лет, аспирант).

Мы считаем, что третий «инструмент» является наиболее объективно устойчивым для преодоления сложившейся в обществе негативной ситуации от «внешних» факторов, о которых речь шла выше, там, где это имеет серьезные последствия.

Процесс снижения морального отношения к своей ценности здоровья у людей оказывается первичным и наиболее поддающимся разрушению фактором. На социальном уровне он относится к «уровню свободного выбора самого актора». Это означает, что «внешние» факторы, на которых делают акцент социологи здоровья молодежи, в первую очередь социально-политические, подвергают моральный уровень серьезной «коррозии», и далее процесс переходит на уровень социальных институтов (семья, образование). Но мы не должны упускать из виду, что все эти «внешние» социальные факторы могут также играть позитивную роль, то есть помогать молодому человеку справиться с его деструктивным образом жизни или же вообще не дать ему возможности в него попасть.

Таким образом, объяснение той проблемы, которая стоит перед социологией здоровья молодежи (молодежь понимает, что ценность здоровья является важной составляющей их жизни, но на практике чаще ведет деструктивный образ жизни), состоит в том, что молодежь имеет недостаточный уровень морального осознания ценности здоровья, что, в свою очередь, является как причиной, так и следствием «внешних» социальных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, Н. И. Парадоксы здорового образа жизни учащейся молодежи / Н. И. Белова // Социологические исследования. – 2008. – № 4.
2. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.
3. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.
4. Журавлева, И. В. Отношение к здоровью индивида и общества / И. В. Журавлева. – М.: Наука, 2006.
5. Ивахненко, Г. А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения / Г. А. Ивахненко / Социология медицины. – 2007. – №2. – С. 56-59.
6. Ковалева, А. А. Социологический анализ здоровья молодежи: дис. ... канд. соц. наук / Ковалева А. А. – СПб., 2010. – С. 3.
7. Озерова, О. В. Алкоголизация и смертность в современной России / О. В. Озерова // Телескоп. – 2009. – № 2.
8. Падиарова, А. Б. Влияние социального неравенства на здоровье молодого поколения россиян: автореф. дис. канд. соц. наук / Падиарова А. Б. – Саратов, 2009.
9. Шереги, Ф. Э. Социология девиации: прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. – М.: Центр социального прогнозирования, 2004.
10. Шклярчук, В. Я. Среда обитания и здоровье студента: автореф. канд. соц. наук / Шклярчук В. Я. – Саратов, 2003.
11. Шиняева, О. В. Социальные проблемы здоровья школьников в трансформирующемся обществе: дис. ... канд. соц. наук / Шиняева О. В. – Уфа, 2002.
12. Currie C., Roberts C., Morgan A., Smith R., Settertobulte W., Samdal O., Rasmussen V. B. Young people's health in context. Health behavior in School-aged Children study: international report from the 2001-2002 survey. WHO. 2004.

Шибико О. С.
O. S. Shibiko

ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

JAPANESE CULTURE IN KOMSOMOLSK-ON-AMUR'S CULTURAL SPACE CITY

Шибико Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 89141731668. E-mail: olga.shibiko@gmail.com

Ms. Olga S. Shibiko – PhD student, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); +7 (914) 1731668. E-mail: olga.shibiko@gmail.com.

Аннотация. Японская культура становится все более популярной среди россиян. В 2013-2014 гг. среди жителей Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края проводился опрос на тему знакомства с японской культурой и отношением к ней. По результатам опроса выяснилось, что больше половины жителей города знакомы с различными формами японской культуры и проявляют к ней устойчивый интерес.

Summary. Japanese culture has been becoming ever more popular among Russian people. In years 2013-2014 a survey was conducted to study the awareness of the Japanese culture and the attitudes to it among Komsomolsk-on-Amur residents. The results of the survey demonstrate that more than half of the respondents know of various forms of Japanese culture and show a sustainable interest in it.

Ключевые слова: японская культура, культурное пространство, Комсомольск-на-Амуре.

Key words: Japanese culture, cultural space, Komsomolsk-on-Amur.

УДК 008 (520+571.62)

Японская культура становится все более популярной среди россиян. Открываются рестораны японской кухни, растет число мужчин и женщин, занимающихся японскими боевыми искусствами, дети учатся складывать фигурки из бумаги (оригами), молодежь увлекается аниме. Можно говорить о том, что в повседневной жизни современных россиян значительное место занимают различные факты японской культуры. При этом до сих пор не понятно, каков их удельный вес, как их интерпретировать, чем вызвано их наличие в российском культурном пространстве и т. д. Для того чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, мы провели исследование, касающееся японского культурного присутствия на юге Дальнего Востока России, в частности в Хабаровском крае.

В рамках исследования был проведен опрос среди жителей Комсомольска-на-Амуре, второго по величине города в крае. Респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов, связанных с японской культурой. Целью опроса было выявление степени знакомства жителей города с различными сторонами японской культуры, уровня ее популярности среди комсомольчан, интереса к японской культуре, отношения к некоторым распространенным формам японской культуры, функционирующим в российском культурном пространстве.

Анкетирование проводилось с мая 2013 г. по январь 2014 г. В ходе опроса использовалась анкета с 12 вопросами, касающимися японской культуры. Кроме того, анкета содержала небольшой блок с вопросами о респонденте (пол, возраст, образование, социальный статус). В заполнении анкет на бумажном носителе приняли участие 224 человека. Электронная версия анкеты была размещена на ресурсе ianketa.ru в сети Интернет по адресу www.ianketa.ru/anketa/249866939, где в опросе приняли участие еще 50 человек. Таким обра-

зом, всего в анкетировании приняло участие 274 человека, 133 мужчины и 135 женщин (6 человек не указали пол в соответствующей графе), что соответствует соотношению 50/50 % в гендерном отношении. При расчете процентных соотношений результатов анкетирования полученные значения округлялись до целых чисел по общему правилу математического округления.

Вопросы формулировались коротко и просто, для большинства вопросов предлагались краткие варианты ответов (да/нет) с тем, чтобы упорядочить потенциальное многообразие мнений и тактик речевого поведения [3] и дать возможность респонденту дать ответ сразу, не задумываясь, что помогло бы получить наиболее искренний ответ.

Большую часть респондентов (62 % или 169 человек) составили люди в возрастной категории от 19 до 35 лет, то есть совершеннолетние граждане в активном возрасте, принадлежащие к одному поколению. На втором месте по количеству участников опроса группа людей до 18 лет включительно (31 % или 84 человека). Эту группу в основном представляли студенты первых курсов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, не специализирующиеся на изучении иностранных языков и культур. Люди в возрасте от 36 до 50 лет составили 6 % респондентов, а люди старше 50 лет – 1 %. В целом, опрос представил мнения в большей степени молодого поколения людей в возрасте от 16 до 35 лет.

47 % опрошенных указали, что имеют среднее (школьное) образование, 43 % высшее и 10 % среднее специальное образование. По техническим причинам социальный статус участники электронного анкетирования не указали, поэтому для анализа по этому показателю были доступны только анкеты на бумажном носителе в количестве 224 единиц. 75 % опрошенных в ходе анкетирования на бумажном носителе составили учащиеся, студенты, 14 % – рабочие, 11 % – служащие. Отметим, что респонденты самостоятельно выбирали соответствующую графу из предложенных пяти вариантов (1. учащийся, студент; 2. служащий, 3. рабочий; 4. пенсионер; 5. безработный) для указания социального статуса, что, на наш взгляд, может несколько отличаться от фактического положения вещей в силу сложности и многогранности социальной структуры современного российского общества. Например, студент заочного отделения университета, получающий первое или второе высшее образование, может быть вместе с тем рабочим или служащим. Это затрудняет выбор соответствующей графы в анкете, что может вести к неполной объективности оценки социального состава респондентов. Однако данная информация для исследования является не основной, а скорее справочной или дополнительной, поскольку цель подробного и глубокого социального анализа исследуемых явлений не ставилась.

Результаты анализа состава респондентов позволяют воспринимать проведенное анкетирование как репрезентативное, отражающее мнения представителей различных возрастов, социальных групп, обоих полов.

Первый вопрос в анкете был наиболее общий и всеохватывающий: «Интересна ли Вам японская культура?» (варианты ответа: да/нет). Подавляющее большинство (69 %) респондентов ответили на него утвердительно. Таким образом, более 2/3 населения Комсомольска-на-Амуре так или иначе проявляют интерес к японской культуре. Положительный ответ на указанный вопрос дали 66 % мужчин и 71 % женщин, что показывает примерно равный интерес у представителей обоих полов с небольшим преобладанием интереса у женщин. На наш взгляд, такие результаты можно объяснить высокой социальной активностью и мужчин, и женщин в современном российском обществе и в целом открытостью молодого поколения (подавляющее большинство респондентов – люди в возрасте до 35 лет) к восприятию нового, необычного, что всегда присутствует в иностранной культуре.

На второй вопрос анкеты «Хотели бы Вы изучать японский язык?» утвердительно ответили 41 % респондентов. Несмотря на то, что данный результат составляет менее половины от всех голосов, можно считать его достаточно высоким, учитывая то, что изучение япон-

ского языка связано с очень большими временными и трудовыми затратами, а японская письменная система является одной из наиболее сложных в мире.

Следующие три вопроса анкеты были направлены на выявление знакомства комсомольчан с японской кухней и отношение к ней. На вопрос «Посещали ли Вы когда-нибудь японский ресторан?» 50 % респондентов ответили положительно и 50 % – отрицательно. Таким образом, выявлено, что половина жителей города знакомы с японской кухней. Наиболее популярными японскими ресторанами оказались «Суши-Сити» и «Якитори», находящиеся в Комсомольске-на-Амуре, которые были упомянуты в ходе опроса 64 и 36 раз соответственно. Третий по популярности ответ (16 упоминаний) – посещение японских ресторанов в других городах России, среди которых респонденты назвали Санкт-Петербург, Хабаровск, Ейск, Южно-Сахалинск. Небольшая часть респондентов (6 упоминаний) были в японских ресторанах в Японии, а также в других странах (2 упоминания). Как видим, большая часть респондентов знакомится с японской кухней в городе проживания, а также на территории России.

С одной стороны, знакомство с японской кухней на территории России может влиять на аутентичность воспринимаемых культурных форм, которые воспроизводятся в условиях, отличающихся от условий страны-источника этих форм. В частности, в российских ресторанах японской кухни наличие блюд с сырой рыбой неизбежно должно быть сведено к минимуму, поскольку многие города континентальной части России сильно удалены от моря, а длительная транспортировка – это отрицательный фактор для сохранения качества необработанных морепродуктов. Поэтому российские рестораны вынуждены заменять традиционную для Японии сырую рыбу в суши и других блюдах другими компонентами (обработанными морепродуктами, овощами и др.). Безусловно, такая замена компонентов не может не влиять на аутентичность воспроизводимых блюд, а также на их восприятие представителями российской культуры.

На вопрос «Пробовали ли Вы суши?» 75 % респондентов ответили утвердительно, 25 % – отрицательно. Отметим, что это не обязательно могло быть связано с посещением ресторанов японской кухни, поскольку попробовать отдельные японские блюда (такие, как суши и роллы) можно и в учреждениях общественного питания, предлагающих смешанную кухню [2]. В Комсомольске-на-Амуре блюда японской кухни имеют в своем меню такие кафе и рестораны, как кафе «Киви» и «Боинг», ресторан «Б-2», «Спорт-кафе», кафе «Пиццахаус», бар «Юна» и другие [2]. Кроме того, знакомство с японской кухней может происходить не в учреждениях общественного питания, а в домашних условиях, когда блюда готовятся непрофессиональными поварами по рецептам, заимствованным со специальных кулинарных сайтов или форумов в сети Интернет. Примерами таких источников рецептов могут служить сайты:

<http://www.povarenok.ru/recipes/tag/522/>,

<http://gotovim-sushi-doma.ru/>,

<http://sushi-master.ru/> ,

<http://eda-recepty.com/catalog/cushi>,

<http://www.gotovim.ru/national/japan/sushi.shtml>,

<http://www.sushifan.ru/recept> ,

http://saechka.ru/recipes/recipe_3138,

<http://miuki.info/2011/01/recept-prigotovleniya-sushi-shag-za-shagom/>,

<http://www.sakura-shop.ru/recipes/>, <http://www.osushi.ru/sushi/c/9> и множество других.

Как бы то ни было, 75 % жителей Комсомольска-на-Амуре не только теоретически знакомы с понятием «суши», но и пробовали это блюдо.

На обобщающий вопрос «Нравится ли Вам японская кухня?» 61 % респондентов ответили утвердительно, 39 % – отрицательно. Таким образом, больше половины жителей Комсомольска-на-Амуре положительно относятся к японской кухне, что свидетельствует о популярности этого явления среди жителей города. Отметим, что этот вопрос вызвал наибольшее затруднение у респондентов, поскольку на него не ответило максимальное число

участников опроса – 8 человек (для сравнения, другие вопросы анкеты оставляли без ответа от 1 до 4 человек). На наш взгляд, это связано с тем, что отношение этих респондентов к японской кухне сложно определить через простое противопоставление «нравится» или «не нравится», то есть оно является неоднозначным.

Возможно, что одна из причин такой неоднозначности – неполная аутентичность воспроизводимых в российских условиях блюд японской кухни, еще одна из возможных причин – использование непривычных компонентов, то есть продуктов, мало употребляющихся в пищу в российской культуре (паста мисо, васаби, мидии и др.). Тем не менее, большая часть респондентов (61 %) продемонстрировали положительное отношение к японской кухне, а среди японских блюд, любимых комсомольчанами, наиболее популярными оказались роллы (57 упоминаний) и суши (54 упоминания).

Далее в анкете следовали вопросы, касающиеся других распространенных форм японской культуры. На вопрос «Нравится ли Вам караоке?» положительно ответили 44 % респондентов, отрицательно 56 %. Как видим, менее половины участников опроса имеют позитивное отношение к данному виду досуга, несмотря на наличие достаточно большого количества караоке-залов в городе. Так, по данным электронного справочника 2ГИС [1], в Комсомольске-на-Амуре действуют 11 караоке-залов в различных развлекательных учреждениях города (Немецкий пивной ресторан «Штольня», гостинично-развлекательный центр «Барракуда», бар-кафе «Киви», кафе «Колумб», dj-кафе «Наутилус», развлекательный центр «Тридцатка», развлекательный центр «Фаворит», кафе «Шинок», развлекательный центр «Chicago», клуб «Эльдорадо», клуб «Queen»). Тем не менее, несмотря на распространенность, караоке уступает по популярности у жителей Комсомольска-на-Амуре другим формам японской культуры.

На вопрос «Смотрели ли Вы японское аниме?» 49 % респондентов ответили утвердительно, 51 % – отрицательно. Таким образом, почти половина участников опроса визуально знакома с японским аниме, а среди упомянутых названий фильмов, несмотря на широкое разнообразие ответов, можно выделить несколько наиболее популярных: «Наруто» (20 упоминаний), «Тетрадь смерти» (19 упоминаний), «Ходячий замок» (16 упоминаний), «Блич» (14 упоминаний), «Унесенные призраками» (12 упоминаний), «Покемон» (8 упоминаний), «Стальной алхимик» (7 упоминаний). Отметим что, в графе для названий аниме встречались ответы «не помню названий» (7 раз), «все не перечислю» (3 раза). Можно сделать вывод, что знакомство с аниме у половины респондентов достаточно широкое и многообразное.

Тем не менее на вопрос «Как Вы относитесь к аниме?» из трех вариантов ответа «нравится/ не нравится/ равнодушно» большая часть всех респондентов (49 %) выбрала вариант «равнодушно». 31 % опрошенных не нравится аниме, и только 20 % нравится. На наш взгляд, такие результаты опроса связаны со спецификой японских мультфильмов, имеющих своеобразные эстетические особенности (непривычные цветовые сочетания, характерные особенности изображения персонажей и фона), а также зачастую сюжетные особенности.

На вопрос «Знаете ли Вы какие-нибудь из японских боевых искусств?» 49 % опрошенных ответили положительно, 51 % – отрицательно. В целом, около половины респондентов теоретически или практически знакомы с японскими боевыми искусствами. Наиболее известным из японских боевых искусств для комсомольчан является карате (52 упоминания), далее по степени известности следуют дзюдо (27 упоминаний), айкидо (25 упоминаний) и сумо (25 упоминаний). Примечательно, что среди ответов респондентов встречаются такие виды боевых искусств, как тхэквондо, ушу и кунгфу, которые не являются японскими боевыми искусствами. Таким образом, можно сделать вывод, что в сознании респондентов не всегда есть четкое различие между национальными боевыми искусствами стран Юго-Восточной Азии, а скорее присутствует некая общая идея «восточных боевых искусств».

На вопрос «Как Вы относитесь к оригами в качестве хобби?» из трех вариантов ответа «положительно/ отрицательно/ равнодушно» большая часть респондентов (59 %) выбрала ответ «равнодушно». 37 % опрошенных выбрали ответ «положительно», 4 % – «отрицательно».

но». В целом, занятие оригами не вызывает у участников опроса негативного отношения (только 4 % ответов «отрицательно») в отличие, например, от аниме, по отношению к которому около трети респондентов (31 %) ответили «не нравится». Но и людей, выбравших вариант «равнодушно» в отношении оригами, больше на 10 %, чем людей, выбравших аналогичный вариант касательно аниме. Можно сделать вывод о том, что аниме вызывает большую эмоциональную реакцию респондентов, чем оригами, что является естественным, учитывая комплексное влияние на человека киноискусства (подвидом которого является аниме).

В ходе опроса выяснилось, что японские комиксы манга читали лишь 17 % респондентов, в то время как большинство опрошенных (83 %) не читали манга. Это свидетельствует о невысокой популярности данного вида японской массовой культуры среди жителей Комсомольска-на-Амуре. Возможно, это связано с относительно малой популярностью комиксов в России вообще, связанной с традицией к восприятию печатного слова без сопровождения поясняющих и/или иллюстрирующих изображений, в отличие, например, от Японии, где даже для взрослой аудитории информация зачастую транслируется в форме изображения предметов и явлений, а не их вербального описания.

На последний вопрос в анкете «Знакомо ли Вам понятие икебана?» 70 % респондентов ответили утвердительно, 30 % – отрицательно. Подавляющее большинство опрошенных имеют представление о традиционном японском искусстве аранжировки цветов.

Результаты опроса показали, что больше половины жителей Комсомольска-на-Амуре знакомы с различными формами японской культуры, такими как национальная кухня, аниме, боевые искусства, оригами, икебана. Жители города проявляют устойчивый интерес к японской культуре, который реализуется в посещении ресторанов японской кухни, просмотре японских мультипликационных фильмов и сериалов (аниме), изучении японского языка, занятии традиционными японскими ремеслами (оригами). По результатам анкетирования нельзя говорить о чрезвычайно высокой степени увлечения японской культурой среди комсомольчан. Однако можно констатировать тот факт, что жители Комсомольска-на-Амуре открыты для взаимодействия с инокультурными формами и в целом позитивно относятся к принятию отдельных форм японской культуры.

Полученные материалы будут полезны для использования в дальнейших исследованиях, в ходе которых можно будет сделать общие выводы относительно социальной значимости элементов японской культуры, имеющих место на юге Дальнего Востока России, что важно для формирования культурной политики России, в особенности в изучаемом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. 2ГИС – Справочник организаций с картой города (Комсомольск-на-Амуре) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://2gis.ru/komsomolsk/zoom/11>
2. Шибико, О. С. Заимствования из японской культуры как фактор социокультурной динамики на Дальнем Востоке России / О.С. Шибико // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2013.– № IV-2(16). – С. 52-56.
3. Шунейко, А. А. Тактики речевого поведения / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Русская речь. – 2010. – № 2. – С. 57-63.

Першина Е. Ю.
E. Yu. Pershina

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

THE ROLE OF FOREIGN LANGUAGES IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURAL IDENTITY

Першина Елена Юрьевна – доцент кафедры иностранных языков Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681024, Комсомольск-на-Амуре, пр. Первостроителей, д. 21, кв. 641; 8217531053, 89141775259. E-mail: g.curl@mail.ru

Ms. Elena Yu. Pershina – Associate Professor, Department of Foreign Languages, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 21-641, Pervostroiteley Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681024; + 7 (217) 531053, + 7 (914) 1775259. E-mail: g.curl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния иностранных языков на развитие культуры России. Культурологический аспект проблематики исследуется через историю методики преподавания иностранных языков в России, через установление характера перевода литературы и ее жанров, через изучение форм заимствований лексического состава иностранных языков и выявление роли всех этих процессов в повседневной жизни русского общества.

Summary. The paper deals with the problem of the role foreign languages had in the development of Russian culture. The cultural aspect of the problem is investigated: through the history of teaching methods used in foreign language education in Russia, through the type and nature of translations from foreign literature and its favourite genres, through the study of linguistic borrowings from other languages, and through the revealing of the role of all these processes in the everyday life of Russian society.

Ключевые слова: культура, иностранный язык, переводная литература, заимствования, методика преподавания иностранных языков.

Key words: culture, foreign language, foreign literature, linguistic borrowing, foreign language teaching methods.

УДК 82-311.4

Культура любого народа многогранна и является результатом многочисленных влияний и заимствований из других культур. Чтобы выявить специфику русской культуры, необходимо исследовать «совокупный способ и продукт» [1, 22] деятельности русского общества в аспекте моделирующей его системы ценностей. На материале влияния иностранных языков на историю русской культуры мы попытаемся предложить в настоящей статье один из вариантов решения проблемы национальной идентичности русской культуры.

Становление и развитие рецепции иностранных языков в России насчитывает столетия, так как начались они еще в Киевской Руси и имеют богатую историю. С IX в. на Руси начинается одновременное возникновение письменности, литературы и перевода. В 864 г. греческие монахи Кирилл и Мефодий создали алфавит, который мы до сих пор называем «кириллицей». С помощью этого алфавита было переведено множество церковных книг. Греческий язык оказался основой старославянского языка, а, следовательно, и литературного русского языка. Являясь одним из древнейших письменных языков мира и обладая богатой литературной традицией, греческий язык оказывал и продолжает оказывать прямое и косвенное воздействие почти на все языки Европы [4, 441]. Греческий язык определил образ

мысли и российского человека в сфере литературы, философии, теоретической науки и медицины. На греческом языке написан Новый Завет. На греческом языке апостолы и евангелисты проповедовали миру учение Христа. Именно греческий язык определил семантику таких понятий, как «совесть», «великодушный», «насекомое», «предмет», «природа», «согласие», «сочинение», «подчинение», «внушить», «водвориться» и т.п. Терминология российской науки строилась на заимствованиях таких греческих слов, как «антология» – букв. собрание цветов – сборник небольших избранных произведений, «антропометрия» – измерение человеческого тела, «антропология» – наука о человеке, «аристократия» – власть избранных, «арифметика» – искусство счёта, «астра» – звезда, «астрология» – учение о звёздах, «астрометрия» – измерение звёзд, «астрономия» – наука о звёздах, «астрофизика» – природа звёзд, «библиофилия» – любовь к книгам, «биография» – описание жизни, «биология» – учение о жизни, «география» – описание Земли и пр. Это так называемые словообразовательные кальки. В письме к Афанасию Фету по поводу признания его о том, что удалось выучить греческий язык на уровне, позволяющем читать книги, Лев Толстой писал: «Можете торжествовать: без знания греческого нет образования».

Определенное влияние на русскую культуру оказал латинский язык. Начиная с эпохи становления славянской книжности и вплоть до периода формирования языка науки в петровскую и послепетровскую эпохи можно обнаружить следы влияния латинского языка. Общеизвестно, что иноязычное влияние осуществляется через межкультурную коммуникацию носителей языков и через письменные тексты. Латынь использовалась в языке науки до XVIII в. включительно, и никакой другой язык не применялся учеными мужами. Так, например, М.В. Ломоносов писал на латинском языке свои основные естественнонаучные труды и вел переписку с европейскими коллегами. Этот факт способствовал проникновению латинских заимствований в русский язык. Вот, только некоторые из них: «абстракция» – abstractio – отвлечение; «автобус» – auto(mobilis) и (omni)bus – самодвижущийся и общедоступный; «альтарь» – altarium – жертвенник; «аннотация» – annotatio – замечание; «вариация» – variatio – изменение, перемена; «глоссарий» – glössarium – список иностранных слов; «декан» – decan – буквально: десятник, командир отделения в армии Древнего Рима (в переносном значении: руководитель, обычно – руководитель факультета в академическом заведении) [3, 71].

Использовалась латынь и в религиозной сфере, так как являлась священным языком христианской церкви. В наше время латинский язык остается языком науки, медицины и техники.

На этапе становления науки и просвещения на Руси возникает потребность в учебных заведениях. Первое в России высшее учебное заведение, Славяно-Греко-Латинская Академия, учреждается в 1687 г. по инициативе Симеона Полоцкого, выдающегося педагога, просветителя и поэта, выпускника Киево-Могилянской академии. Славяно-Греко-Латинская Академия дала начало всему высшему образованию в России. Академия была создана с целью подготовки образованных людей для нужд России. Академия дала образование не только детям аристократии, государственных и церковных чиновников, но и торговцев, и даже холопов. Среди первых студентов были русские, украинцы, белорусы, македонцы и грузины. Выпускниками Академии стали выдающиеся деятели науки, государства, дипломатии, церкви, искусства и культуры, самый известный из которых – Михаил Васильевич Ломоносов. Уже само название заведения говорит о том, что влияние греческого и латинского языков признавалось в системе его образования определяющим.

История развития иностранных языков в России приобрела существенный масштаб в период правления Петра I. В первую свою заграничную поездку в Голландию Петр I детально знакомится с постановкой судостроительного дела. В Голландию для обучения кораблестроению, технике, архитектуре, живописи он отправил молодых дворян. Именно развитие этих отраслей науки и искусства и нашло свое отражение в тех заимствованиях, которые в наше время можно отнести к категории профессионализмов. Заимствования из голландского языка связаны в основном с морским делом, Например: «боцман», «буксир», «адмирал»,

«верфь», «гавань», «галс», «док», «дрейфовать», «камбуз», «катер», «каюта», «киль», «кильватер», «клипер», «компас», «крейсер», «лабиринт», «лоцман», «матрос», «мачта», «найтов», «рейд», «стапель», «трап», «трюм», «шкипер», «шлюз», «штурвал», «штурман», «ют», «ял» и т.д.

В петровскую эпоху был открыт Первый русский университет, где преподавателями работали приглашенные немцы, поэтому и немецкий язык стал входить в моду. Но, тем не менее, знающих иностранный язык по-прежнему оставалось мало, так как «на занятия иностранными языками смотрели подозрительно, опасаясь, что вместе с ними проникнет в умы москвичей католическая или лютеранская “ересь”» [5, 162].

В России немецкий язык стал играть значительную роль уже с XVI в. Правящий в то время Василий III сформировал из пунктуальных и исполнительных иноземцев почетную стражу. С тех пор немцы стали оседать на русской земле, ассимилироваться с местными жителями.

Борис Годунов также покровительствовал иностранцам. Большое количество немцев, бывших пленными и прибывших по торговым делам, получали в Москве льготы: они не платили торговые пошлины, могли «курить» вина и варить пиво [5, 163]. Это вызывало недовольство местных жителей и духовенства, которые опасались перевода на немецкий лад исконно русских устоев и традиций. В конце XVII в. немецкая община была переселена в район Немецкой улицы, которая вскоре превратилась в небольшой городок – Немецкую слободу. Именно отсюда царь Петр I и набирал знающих и опытных мастеровых для постройки своего знаменитого флота. В последующие годы влияние немецкого языка и культуры на российскую историю и культуру то усиливалось, то ослабевало, но не исчезало никогда. В XIX в. переводы с немецкого языка поэтов, философов и общественных деятелей были особенно популярны. Немецкое образование считалось одним из лучших, и многие отцы стремились обеспечить обучение своих сыновей в престижнейших университетах Германии.

Значительное влияние на культуру России оказал перевод с немецкого знаменитого «Капитала» Карла Маркса. Интересен тот факт, что Карл Маркс, изучив русский язык ещё в 1869 г., помогал Г.А. Лопатину, первому русскому политическому деятелю и переводчику, и Н.Ф. Даниельсону, русскому экономисту, публицисту-народнику и переводчику, подготовить русское издание «Капитала».

После победы Советского Союза во Второй мировой войне территория Германии была разделена на две республики: ФРГ и ГДР, которые развивались по различным экономическим моделям – капитализма и социализма. Идеологическая близость Германской Демократической Республики и СССР дала новый толчок для развития советско-германских отношений, для изучения немецкого языка как языка дружественного государства.

В области литературы появились новые, доступные советским людям, переводы с немецкого – Арнольда Цвейга, Альфреда Деблина, Роберта Музиля и других авторов.

После начала «перестройки» и падения Берлинской стены между Россией и объединенной Германией довольно быстро были налажены новые торговые связи. Благодаря развитию российского предпринимательства возрос интерес к изучению языка, и стали появляться переводы на немецкий язык различных юридических текстов и технической документации.

Сегодня в Германии проживает немало наших бывших соотечественников. Русскоязычная диаспора в Германии не теряет связей с Россией, что является фактором, продвигающим совместный бизнес, определяющим интерес к культуре и изучению немецкого языка.

Французский язык называют языком любви и романтики, он по праву считается одним из самых красивых языков на планете: стихи и песни на французском языке звучат завораживающе. Французский язык – язык культуры, язык дипломатии. Интерес к французскому языку в России возник в XVII в., во время правления Петра I. К концу XVI в. в Европе уже был выполнен перевод на французский язык большого количества книг утилитарно-прикладного и философского характера, а также почти все произведения древнегреческих авторов, Петрарки и Боккаччо. Прорубив «окно в Европу», Петр I открыл двери для взаимо-

действия культур, развития и становления русского языка в том виде, в каком он существует на сегодняшний день.

В середине XVIII в. французский язык получил широкое распространение среди русского просвещенного дворянства. Переводы лучших сочинений французских авторов способствовали развитию национального русского языка, литературы и культуры, а перевод с французского языка произведений великих философов оказал огромное влияние на формирование передовой общественной мысли. Под влиянием идей Просвещения резко возрос интерес к книге, а свободное изъяснение на французском языке стало признаком хорошего образования.

Наивысшей популярности распространение и значимость французского языка достигли в конце XVIII – середине XIX в. В это время уровень знания языка был так высок, что перевод с французского часто не требовался: большинство представителей аристократии, получивших «современное» образование, свободно читало оригинальную литературу. В произведениях того времени (самым запоминающимся, наверное, остается «Война и мир» Л.Н. Толстого) повествование часто велось параллельно на двух языках: русском и французском.

Много французских слов было заимствовано в петровскую и особенно в послепетровскую эпохи. Тематика заимствований разнообразна. Это военная лексика: «авангард», «амбразура», «арсенал», «арьергард», «ас», «атака», «батальон». Лексика, связанная с искусством, широко применяется театральными: «актер», «амплуа», «балет», «барельеф», «бенуар», «варьете», «водевиль», «жанр». В бытовом обиходе остается кулинарная лексика: «аперитив», «батон», «безе», «бульон», «десерт», «желе», «коньяк», «котлета»; названия одежды: «вуаль», «гардероб», «жабо», «жакет», «жилет», «комбинезон», «корсаж», «корсет», «костюм» и бытовая лексика: «бидон», «бокал», «бра», «жалюзи», «люстра», «несессер», «табурет», «торшер», «трюмо», «флаконт», «шифоньер» и т.д. Общественно-политическая и социальная лексика понятна всем политикам мира: «атташе», «бомонд», «бюрократ», «бюрократия», «дебаты», «демарш», «коммунике», «пижон», «режим», «саботаж», «фат» и т.д.

Распространение английского языка в России, и превращение его в *lingua franca*, то есть использование его как неродного языка для повседневного общения, становится сегодня заметным явлением и привлекает к себе внимание лингвистов, методистов, ученых и учащихся. Все больше осознается необходимость обучать учащихся не британскому или американскому варианту английского языка, а именно тому региональному варианту, на котором реально требуется осуществлять общение, включая местные слова и выражения, региональные особенности грамматики и прагматики, а также традиционный для конкретного сообщества речевой этикет.

В российских учебных заведениях в качестве учебного предмета английский язык активно распространяется во второй половине XX в., вытесняя немецкий и французский языки. Эти процессы активизируются в конце второго – начале третьего тысячелетия в связи с активной интеграцией России в мировое экономическое, политическое и культурное сообщество. В результате английский язык занял и удерживает лидирующую роль в иноязычном образовании нашей страны.

Проникновение английского языка в российский речевой обиход существенно влияет не только на окружающую языковую среду, но и сказывается на отношении к изучению английского языка, содержанию языковых знаний и методике обучения.

В повседневной жизни английский помогает нам при чтении инструкций к различной технике, заказе авиа- и железнодорожных билетов, бронировании гостиницы и экскурсий за рубежом. Вообще путешествия становятся гораздо проще и интереснее, когда вы можете свободно изъясняться на английском. Можно читать книги и смотреть фильмы на языке оригинала, завести друзей-иностранцев и вообще уехать жить за границу. Можно привести еще массу примеров того, какие преимущества дает владение английским в повседневной жизни. Работа, карьера и профессиональный рост сегодня имеют немаловажное значение. Зайдя на

сайт любой рекрутинговой компании и просмотрев вакансии, понимаешь, что знание английского является одним из основных требований к соискателю должности. К тому же, большинство российских HR-специалистов сходятся во мнении, что знание английского обеспечивает неплохую прибавку к зарплате. В наши дни появляется все больше профессий, для которых знание английского языка является не просто преимуществом кандидата, а необходимым условием для успешного выполнения служебных обязанностей; таково состояние дел в сфере рекламы, маркетинга и PR, IT сфере, в сфере туризма и гостиничного бизнеса, в сфере экономики и юриспруденции. Современные менеджеры по продажам, индивидуальные предприниматели, медицинские работники, экскурсоводы, гиды, переводчики ощущают острую потребность в знании английского языка.

Небольшая часть английских слов вошла в русский язык в Петровскую эпоху. Значительно большее число английских заимствований падает на XIX в. Но особенно интенсивно проникновение английских слов в XX в. Заимствования из спортивной тематики: «аут», «бадминтон», «баскетбол», «бокс», «волейбол», «жокей», «пинг-понг», «спорт»; общественно-политическая лексика: «бойкот», «импичмент», «клуб», «лидер», «локаут», «митинг», «памфлет», «спикер», «фермер» и др.; слова, относящиеся к быту и одежде: «джерси», «пиджак», «смокинг», «бриджи», «френч», «джинсы», «блейзер», «пуловер», «свитер», «шорты», «бренди», «бифштекс», «виски», «джем», «джин», «кекс», «коктейль», «ромштекс», «сэндвич», «чипсы», «вист», «бридж», «джокер», «покер», «роббер», «бульдог», «дог», «колли», «пойнтер», «сеттер», «спаниель», «терьер», «фокстерьер», «эрдельтерьер», «джаз», «рок-н-ролл», «шоу» и т.д.; техническая лексика: «блуминг», «крекинг», «контейнер», «рельс», «трамвай», «комбайн», «конвейер», «конвертер», «контейнер», «пикап», «сейф», «слябинг», «детектор», «спидометр», «танкер», «телевизор», «траулер», «троллейбус», «тюбинг», «адаптер», «бульдозер», «грейдер», «радар», позднее – «акваланг», «алгол», «бойлер», «транзистор», «лазер», «компьютер», «принтер» и другие [3, 70].

Все вышеизложенное приводит к выводу о том, что практическое применение иностранного языка опосредовано деятельностью человека и, в свою очередь, определяет ее, формируя культуру на всех ее уровнях и во всех сферах, включая «незыблемое ядро ценностных ориентаций» [2, 305] конкретной эпохи истории общества, то есть «экзистенциальный центр человеческого бытия и интегральную порождающую модель всех артефактов культуры» [1, 9].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Докучаев, И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И. И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
- 2 Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
- 3 Першина, Е. Ю. Заимствование как форма международного языкового общения / Наука в общеобразовательном процессе вуза: сб. материалов международной научно-практической конференции. – Ч. II. – Уссурийск: УГЛИ, 1997. – С. 70-72.
- 4 Рахманова, Л. И. Современный русский язык: учеб. пособие / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «ЧеРо», 1997. – 480 с.
- 5 Якубинский, Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – М.: Наука, 1986. – С. 159-162.

Ильина А. В.
A.V. Pyina

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF CIVILIZATION

Ильина Александра Вадимовна – аспирант кафедры «Культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре).

E-mail: avi-1975@mail.ru.

Ms. Alexandra V. Pyina – PhD student, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: avi-1975@mail.ru.

Аннотация. В статье показано, что цивилизация предусматривает возможность видоизменений, а также выбора альтернатив при решении назревших социокультурных проблем. До появления цивилизационной модели развития у общества была единственно возможная линия поведения – следование довлеющим объективным факторам природы, с развитием цивилизации выбор предполагает наличие альтернативных стратегий жизнедеятельности.

Summary. The paper demonstrates that civilization has capabilities for change and a choice between alternatives when urgent social and cultural problems are to be solved. Before the civilization model of development took root, the humankind had only one line to follow – to give in to overwhelming natural factors; since the emergence and further rise of civilization we have been provided with more than one alternative strategy of life activity.

Ключевые слова: цивилизация, культура, природа, человек, преобразовательный тип хозяйства, присваивающий тип хозяйства.

Key words: civilization, culture, nature, man, foraging economy, agricultural&industrial economy.

УДК 82-311.4

Рассмотрение цивилизации как более сложной формы организации и качественного нового уровня развития общества, в противопоставлении его первобытности, предполагает необходимость выявления условий, предпосылок появления цивилизации. Именно они обеспечили возможность выхода из состояния первобытного общества и перехода на исторически новый уровень.

В науке выделяются в различной последовательности и сочетании следующие культурно-исторические факторы: появление и определенный объем прибавочного продукта и его концентрация, развитая ирригация, рост и концентрация населения, социальная дифференциация, специализация производств, развитие ремесла, разделение труда и т.д. Эти разные по своему содержанию, действию, значению и проявляемые на разном уровне и в разном направлении факторы выступают действительно в числе реальных условий и предпосылок становления иного уровня организации жизнедеятельности общества.

Одним из важнейших активно действующих факторов преобразований, определяющих возможность социальных изменений, было получение прибавочного продукта, обеспечивающего материальную основу изменений: роста населения, дифференциации производственной деятельности, социальной стратификации и т. д. Значение прибавочного продукта в изменении общества практически общепризнано, хотя часто этот фактор называется в общем перечне предпосылок цивилизации без специального выделения. Соответствующий уровень и характер производственной деятельности при ее развитой структуре обеспечивали возможность и обязательность выделения прибавочного продукта сверх необходимого показателя для биологического воспроизводства. Производственная деятельность несет в себе

формирование потребности в выработке такого продукта. Но само формирование потребности в нем обуславливалось определенными особенностями развития общества, его соответствующей зрелостью. При отсутствии такого прибавочного продукта активное развитие, дифференциация, специализация и усложнение производственной и всякой другой деятельности являются проблематичными.

Наряду с высокой оценкой значения прибавочного продукта, в процессе становления цивилизации необходимо отметить значение территориального фактора, поскольку именно он сыграл одну из определяющих ролей как фактор социальных изменений в процессе становлении цивилизаций. Его характеристики создавали разные возможности для появления и ведения хозяйственной деятельности. Выгодные природные, территориальные условия создавали благоприятные возможности для получения прибавочного продукта, что являлось толчком к цивилизационному развитию. Примером тому служит история Древнего Востока, где долины великих рек предоставляли благоприятные условия для занятия земледелием.

В северных территориях получение прибавочного продукта было затруднено, да и бессмысленно, поскольку занятие оленеводством и китобойный промысел позволяют поддерживать социальную систему в рамках, обусловленных самой природой. Нарушение этих рамок привело бы общество на грань полного исчезновения, поскольку оно всецело зависело от природы. Опора на экстенсивное использование биологических ресурсов не предоставляла возможный выход на иной уровень, поэтому социальная система находилась в состоянии оптимального баланса с природой.

Появление и действие большинства последующих факторов и предпосылок во многом зависело от описанного выше.

Следовательно, появление сельскохозяйственного производства явилось экономическим базисом цивилизации, поскольку именно оно позволило достичь получения большего количества продуктов питания и тем самым преодолеть враждебные проявления природы.

В числе значимых предпосылок развития общества, его условий и возможности становления, а также появления цивилизации называют формирование соответствующей технической базы и появление новых технологических систем, без наличия которых не могли развиваться соответствующие производства, не мог возрасти производительный потенциал, не могло происходить необходимое расширение продукции и потребностей, в частности, в изделиях квалифицированного изготовления. Одним словом, в системе обществ раннеземледельческих культур сформировались (как показатель внутренних изменений состояния самого общества) предпосылки и условия, обуславливающие лишь возможность формирования новых структурных феноменов, реализующих функциональные связи и закономерности функционирования новых элементов, выпадающих из ритма развития системы обществ, но одновременно фиксирующих возможность их появления.

Однако любые предпосылки и условия становления цивилизации еще не есть начало, они фиксируют лишь возможность и одновременно необходимость. Для того чтобы предпосылки превратились в действительность, необходимо было не только их наличие и совокупность, но и должно было появиться определенное их сочетание, формирование особых функциональных связей и закономерностей функционирования новых элементов, образующих системные связи определенной целостности. И только формирование такой целостности обуславливает исторически новую природу общества в его социально-возрастном созревании в общем пространстве времени социальной эволюции. Одним словом, происходили сложные процессы образований и преобразований, формирование новых по своей природе феноменов, которые в своих образующихся связях и взаимодействиях меняли первобытное общество.

Все описанные выше явления необходимы для становления и генезиса цивилизаций и применимы к всеобщей истории человеческого общества. Эволюционные изменения происходили в обществах вне всякого плана, выработка действий происходила под воздействием неотложных человеческих потребностей. Именно препятствия окружающей среды в удовле-

творении потребностей общества приводили к возникновению противодействия с его стороны. Это противодействие выражалось в поиске и выработке новых способов решения задачи удовлетворения потребностей общества. Нужда заставляла прилагать усилия, которые и определили социальную эволюцию.

В доцивилизационную эпоху общество находилось в полном подчинении у природы, именно она диктовала ему условия. В этот период жизнь человека всецело зависит от того, что предоставила природа. По мере «взросления», а именно с появлением цивилизации, ситуация начинает меняться: человек приспособливает, преобразует для своих нужд природу. Цивилизация ставит под контроль ресурсы и направляет их в нужное русло, извлекает жизненные силы из природы и трансформирует в материальные блага. Становление цивилизации было своеобразным «ответом» социума на давление со стороны природы, иначе говоря, одной из стратегий его выживания. Данная стратегия доказала на практике возможность своего существования. Сегодня, как и прежде, зависимость общества от обеспеченности ресурсами порождает различные по характерам и масштабам кризисы. Преодолеть кризисы способно общество, имеющее иные качества, нежели первобытное.

На заре цивилизации используется быстрый и наименее энергозатратный способ удовлетворения потребностей общества: взять то, что предоставила сама природа (охота, рыбная ловля, собирательство). Общество берет под свой контроль территорию, на которой находятся в избытке необходимые источники, способные его прокормить. Истратив возможные ресурсы, общество начинает свое перемещение далее, постоянно находится в поисках богатых пищей территорий.

Исчерпав возможность территориального передвижения в силу естественных преград (горы, моря, океаны и т. д.) или более сильных соседей, общество встает перед выбором новой модели образа жизни. Быть кочевниками, заниматься скотоводством, а также обретать необходимые ресурсы с помощью набегов на соседей или всецело опираться на освоение территории, например с помощью земледелия. Возможен и третий вариант синтеза черт первого и второго пути. Важно отметить, что выбор модели в пользу одного из вариантов будет обусловлен ресурсными возможностями социума и территории, которыми они обладают на момент выбора. Только дальнейшее развитие цивилизации способно сделать общество свободнее от контроля окружающей среды (конечно, в определенном смысле), поскольку, развиваясь, общество способно не только заниматься поиском ресурсов, но и эффективнее использовать широкий спектр имеющихся жизнеобуславливающих ресурсов.

Итак, происходит переход к воспроизводству искусственных средств существования, «второй природы», созданной в результате целенаправленной деятельности человека на базе трансформации взятых в первичном виде у природы сырья и энергии. Именно в этот момент, по словам Ю. В. Яковца, «человек окончательно разорвал пуповину, соединявшую его с матерью-природой...» [2, 230].

В те далекие времена человек не мог оказать существенного воздействия на биосферу. Как и прежде, ему приходится больше приспособливаться, чем преобразовывать. Однако в районах с высокой плотностью населения отрицательные экологические последствия деятельности человека начинали сказываться (истощение земель, засоление орошаемых почв, вырубка лесов, уничтожение отдельных видов диких животных и т.п.). Дж. Бернал писал: «Земледелие привело к существенно новым отношениям между человеком и природой. Человек перестал вести паразитический образ жизни за счет растений и животных с того момента, как он смог вырастить на небольшом участке столько же продуктов питания, сколько мог добыть с помощью охоты или собирательства на обширной территории. Занимаясь земледелием, он установил господство над живой природой благодаря познанию законов воспроизводства и тем самым добился новой и еще большей независимости от внешних условий... Переход к земледелию привел к новому типу общества, качественно отличного от предшествовавших в силу колоссального увеличения числа людей, которые могли бы прокормиться на той земле» [1, 60].

В конце неолита подсечно-огневое земледелие и примитивное скотоводство исчерпывают себя, поскольку увеличивалась не только численность населения, но и потребности людей возрастали с каждым поколением. Для удовлетворения возросших потребностей требовалось получение в большем объеме прибавочного продукта, а это требовало большого количества социальной энергии и как следствие – увеличения объемов использования ресурсов.

В долинах Нила, Евфрата, Инда, Хуанхэ формируются ирригационные системы. Именно здесь наблюдается бурное развитие цивилизационных систем. Рост в значительной мере осуществлялся за счет мобилизации избыточных ресурсов, полученных от земледелия. Так, в пятом тысячелетии до нашей эры люди перемещались в потенциально высокопродуктивные земли южной Месопотамии, еще освобождавшиеся от моря, постепенно превращая негостеприимные заросшие болота в орошаемые поля и судоходные каналы. Во многом определяющим в этом процессе являлось изначально наличие плодородной земли и преобразующая деятельность людей по отношению к имеющейся территории.

Но и в таких достаточно благоприятных районах случались кризисные цивилизационные явления. Высокая продуктивность земледелия привела к беспрецедентной плотности населения. Выход из кризиса был найден путем освоения богарных почв, применения железных орудий труда, расширения круга людей, вовлеченных в производство природных ресурсов, что обеспечило подъём земледелия, животноводства, ремесла и строительства в античную эпоху (железный век). Достижения агрономии и скотоводства в Греции и Риме были достаточно высоки, но и здесь к середине первого тысячелетия нашей эры потенциал развития был в значительной мере исчерпан, и перед населением густонаселенной части планеты возникла угроза конца цивилизации.

Примеры свидетельствуют, что весь ход истории развития социума ставит задачу поиска решения проблем выживания. Для поддержания социальной системы и продолжения развития общества необходимо вести поиск ресурсной базы, поскольку общество идет по самому легкому, простому и быстрому пути экстенсивного освоения территории.

Социум постоянно испытывает дефицит ресурсов, в различные эпохи он может снижаться или возрастать, но всегда общество будет нацелено на устранение дефицита и поиск новой ресурсной базы или нового вида ресурсов. И если ресурсы истощаются, а энергия, затрачиваемая обществом на их добычу, возрастает, и не существует достойной альтернативы, то цивилизация не может перейти на иную ступень развития, происходит спад, надлом и упадок, а затем и крах цивилизации. Проблему выживания цивилизация решала за счет обретения новых территорий, именно они со своими богатейшими ресурсами позволяли ей выжить.

Итак, цивилизация предусматривает возможность видоизменений, а также выбора альтернатив при решении назревших проблем. До появления цивилизационной модели развития у общества была единственно возможная линия поведения – следование довлеющим объективным факторам, с развитием цивилизации выбор предполагает наличие альтернативных стратегий жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал; пер. с англ.; под общ. ред. Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова. – М.: Иностранная литература, 1956. – 743 с.
2. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – М.: Наука, 1999. – 448 с.

Шурухнов Н. Г.
N. G. Shurukhnov

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

ANALYSIS OF THE PROVISION OF LAW WHICH DEFINE THE SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Шурухнов Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор Калужского филиала Российской правовой академии Министерства юстиции.

Mr. Nikolay G. Shurukhnov – Dr.habil. of Law, Professor, the Kaluga Branch of the Russian Academy of Law under the Justice Ministry.

Аннотация. В статье анализируется законодательство Российской Федерации в целях установления субъектов уголовно-процессуальной деятельности в системе ФСИН России.

Summary. The paper focuses of the analysis of the Russian Federation legislation in order to establish the subjects of criminal procedure in the Federal Penitentiary Service

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; орган дознания; ФСИН России; Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности»; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации; Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Key words: Criminal Procedure Code of the Russian Federation; investigative authority; Federal Penitentiary Service of Russia; Federal Law "On Law Enforcement Operations"; Criminal Code of the Russian Federation; Federal Law "On Institutions and Bodies which Carry out Criminal Punishments in the Form of Imprisonment".

УДК 351.74:343.123.1

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации прошло более 13 лет, на протяжении которых периодически возникает вопрос об уголовно-процессуальном статусе органов, оперативных подразделений, должностных лиц и даже сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Ученые, бывшие практические работники, служащие центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний России, прокуроры специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях пытаются получить однозначный ответ на поставленный вопрос, однако такие попытки являются тщетными. Это связано с тем, что комментарии не совсем последовательных, а порой противоречивых положений федеральных законов не могут привести к единственно верному выводу. Не прибавляют однозначности в решении этого вопроса и отдельные нормативные правовые акты, в том числе и Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹, а порой создают тупиковую ситуацию для деятельности практических работников учреждений, исполняющих наказания, да и самих прокуроров.

Обозначенная проблема не порождает правовых конфликтов во время судебных разбирательств по конкретным уголовным делам, так как не обострялась ни стороной защиты (адвокатами), представляющей интересы осужденных, которые совершили преступления в период отбывания наказания, и в отношении которых уголовное дело было возбуждено кем-то из должностных лиц уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, ни стороной обвинения, прокурорами, выступавшими в качестве государственных обвинителей.

Она не была и предметом рассмотрения ни Верховного, ни Конституционного Судов Российской Федерации.

Что касается практики, то она выглядит следующим образом: в 2013 году в учреждениях и органах ФСИН России было возбуждено 1 уголовное дело (начальником учреждения), отказано в возбуждении по 8 115 сообщениям, 65 909 материалов (после предварительной проверки) было передано по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Если суммировать все сообщения, по которым велась уголовно-процессуальная деятельность, то их получается 74 024. Для их разрешения в соответствии² с Указом Президента Российской Федерации требуется 448 штатных единиц дознавателей.

За 6 месяцев 2014 года показатели претерпели отдельные изменения: не было возбуждено ни одного уголовного дела (имеется в виду должностными лицами УИС), по 56 сообщениям отказано в возбуждении уголовного дела, 35 955 было передано по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения - в суд (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ).

Чтобы попытаться получить ответ на вопрос о том, кто в уголовно-исполнительной системе России правомочен принимать решение о возбуждении уголовного дела и о начале уголовного преследования о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами, необходимо изначально обратиться к основополагающим нормам УПК РФ. В частности, к ст. 40 УПК РФ, в которой законодатель дал перечень органов дознания, установил их компетенцию и в ней же возложил на отдельных должностных лиц обязанность возбуждения уголовного дела и выполнения неотложных следственных действий.

В статье 40 УПК РФ «Орган дознания» отсутствует конкретное упоминание об органах и должностных лицах Федеральной службы исполнения наказаний и подведомственных ей учреждений. Однако в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, наряду с органами дознания системы МВД России, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, говорится о других органах дознания, которые одновременно являются органами исполнительной власти и наделены в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (в приведенной норме они именуются иными органами исполнительной власти).

Такой подход законодателя в регулировании уголовно-процессуальных правоотношений с отсылкой к нормам другого закона, дающего перечень иных органов исполнительной власти, компетентных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, мягко сказать, не совсем обоснован. В этой связи уместно привести высказывание профессора Б. Т. Безлепкина, в котором говорится, что включение органов исполнительной власти в число органов дознания только по признаку обладания ими полномочий на проведение оперативно-розыскной деятельности представляется излишне упрощенным, поскольку, во-первых, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность являются совершенно разными, хотя и тесно взаимосвязанными сферами государственной деятельности, а, во-вторых, наличие в УПК РФ отсылочных норм к иным нормативно-правовым актам вряд ли можно признать положительным явлением [1, 54].

Не будем вступать в полемику по данному подходу законодателя, а проследуем вслед за его мыслью и обратимся к соответствующим федеральным законам, которые уже действовали на момент принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Отправным из них является Федеральный закон Российской Федерации № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», принятый 12 августа 1995 года, в ст. 13 которого дается перечень органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности. В части 1 ст. 13 говорится: «На территории Российской Федерации право осуществлять оперативно-розыскную деятельность предоставляется оперативным подразделениям...», а пункт 8 в качестве таковых называет оперативные подразделения Федеральной

службы исполнения наказаний. Специально подчеркнем, что в данной норме законодатель говорит об оперативных подразделениях, а не об органах исполнительной власти, как в ст. 40 УПК РФ.

В части 2 ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, принятого 8 января 1997 г., указывается, что «оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными аппаратами исправительных учреждений, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции». Обратим внимание: данная норма правом осуществления оперативно-розыскной деятельности наделяет оперативные аппараты исправительных учреждений, а также другие уполномоченные на то органы в пределах их компетенции.

21 июля 1998 года Федеральным законом № 117-ФЗ в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» была введена часть 5 следующего содержания: «Оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы». Из приведенного следует, что правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности наделяются работники уголовно-исполнительной системы. Однако по мнению Н. Е. Мерецкого, для выполнения тех или иных мероприятий в целях получения доказательств по уголовному делу, следователь самостоятельно решает, в какой последовательности при планировании и к каким процессуальным средствам ему лучше прибегнуть, реализуя оперативную информацию [2, 40].

Пункт 2 ст. 14 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 25.11.2013) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» наделяет учреждения, исполняющие наказания, правом «осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность».

Таким образом, федеральное законодательство и закон Российской Федерации на проведение оперативно-розыскной деятельности уполномочивают:

- 1) оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»);
- 2) оперативные аппараты исправительных учреждений (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации);
- 3) другие уполномоченные на то органы в пределах их компетенции (Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации);
- 4) работников уголовно-исполнительной системы (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»);
- 5) учреждения, исполняющие наказания (закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

Получилось пять субъектов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, но ни один из них не попадает в категорию иных органов исполнительной власти, указанных в ст. 40 УПК РФ (УИК РФ говорит о других уполномоченных органах).

Учитывая, что нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации применительно к рассматриваемым проблемам имеют приоритет, так как определяют характер и специфику уголовно-процессуальных правоотношений, ориентируясь на ст. 40 УПК РФ, попытаемся определить органы Федеральной службы исполнения наказаний, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Именно органы, так как УПК РФ говорит только о них.

Исходя из классификации органов исполнительной власти, смысла, заложенного в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ и п. 8 ст. 13 Федерального закона № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности», речь можно вести о Федеральной службе исполнения наказаний и территориальных органах ФСИН России как органах исполнительной власти. Именно они в качестве таковых, наряду с учреждениями, исполняющими наказания, входят в указанную службу

(уголовно-исполнительную систему Российской Федерации). Это закреплено ст. 5 «Организация уголовно-исполнительной системы» закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», в которой говорится: «Уголовно-исполнительная система включает в себя:

- 1) учреждения, исполняющие наказания;
- 2) территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
- 3) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных».

Анализ приведенного позволяет заключить следующее: учреждения, исполняющие наказания, никак нельзя отнести к иным органам исполнительной власти, о которых речь идет в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ. Подчеркнем, что учреждения уголовно-исполнительной системы в своем составе имеют оперативные отделы или отделения (другими словами, оперативные подразделения, как это указано в ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), в зависимости от их специфики и наполнения отбывающими наказания, уполномоченные проводить оперативно-розыскную деятельность.

Под категорию иных органов исполнительной власти, указанных в п. 1 ст. 40 УПК РФ, могут подходить:

1) территориальные (региональные) органы исполнительной власти, входящие в Федеральную службу исполнения наказаний (уголовно-исполнительную систему России) отделы федеральной службы исполнения наказаний (ОФСИН), управления федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН), главные управления федеральной службы исполнения наказаний (ГУФСИН) ФСИН России по субъектам Российской Федерации. В структуре перечисленных органов имеются оперативные отделы (с отделениями: организации оперативно-розыскной деятельности; противодействия преступным группам; по взаимодействию с правоохранительными органами и борьбе с терроризмом; розыска), наделенные правом проведения оперативно-розыскной деятельности;

2) федеральный орган исполнительной власти в уголовно-исполнительной системе России (ФСИН России – центральный аппарат). В составе центрального аппарата Федеральной службы исполнения наказаний имеется оперативное управление, уполномоченное осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Из приведенного следует, что отделы (ОФСИН), управления (УФСИН), главные управления (ГУФСИН) ФСИН России по субъектам Российской Федерации, ФСИН России как органы исполнительной власти в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ являются по задумке законодателя органами дознания. При этом в соответствии с п. 1, 2 и 3 ч. 2 ст. 40 УПК РФ на них должно возлагаться:

1) дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, – в порядке, установленном главой 32 УПК РФ;

2) выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, – в порядке, установленном статьей 157 УПК РФ;

3) осуществление иных предусмотренных УПК РФ полномочий.

Проследив законодательство, мы пришли к оригинальному выводу, возможно об этом не знал сам законодатель, кто в уголовно-исполнительной системе будет являться органом дознания. Прямо скажем, что удовлетворения мы от этого не получили, так как такой уголовно-процессуальный статус указанным органам не требуется. В нем нет практической потребности. Возможно, это обстоятельство имели в виду разработчики Указа Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», в котором говорится, что ФСИН России (центральный аппарат) организует осуществляемую учреждениями уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскную деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Именно организу-

ет, но не осуществляет, а это различные деятельности как по содержанию, так и по характеру. К тому же следует сказать и о том, что законодатель в ч. 3 ст. 151 УПК РФ в числе дознавателей не называет представителей Федеральной службы исполнения наказаний. Их отсутствие в указанной норме смущает нас и не позволяет жестко формулировать приведенный ранее вывод.

Поставить точку в наших рассуждениях вряд ли возможно, так как это не будет законченным и правильным, в силу того, что остается без внимания ст. 157 УПК РФ. Ее содержание законодатель посвятил процедуре производства неотложных следственных действий и определению субъектов их осуществления. В части 1 ст. 157 УПК РФ говорится: «При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном статьей 146 настоящего Кодекса, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия». Их производство (ч. 2 ст. 157 УПК РФ) возлагается (хочется думать, что после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела) на:

1) органы дознания, указанные в п. 1 и 8 ч. 3 ст. 151 УПК РФ (дознаватели органов внутренних дел Российской Федерации, дознаватели (следователи) органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ), по всем уголовным делам, за исключением тех, которые мы будем перечислять в последующих пунктах 2-6 (специально подчеркнем, что законодатель поставил знак равенства между органом дознания – юридическим лицом и дознавателем – должностным лицом, понятия которых привел в п. 7 и 24 ст. 5 УПК РФ);

2) органы Федеральной службы безопасности (по уголовным делам о преступлениях определенной категории);

3) таможенные органы (по уголовным делам о преступлениях определенной категории, выявленных таможенными органами Российской Федерации);

4) командиров воинских частей и соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов (по уголовным делам о преступлениях, совершенных определенной категорией граждан на конкретной территории);

5) начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами);

6) иных должностных лиц, которым предоставлены полномочия органов дознания в соответствии со ст. 40 УПК РФ. Как представляется, в этом пункте законодатель имел в виду: капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании (по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах (п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ)); руководителей геологоразведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, указанных в части первой настоящей статьи (по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз (п. 2 ч. 2 ст. 40 УПК РФ)); глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации (по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений (п. 3 ч. 2 ст. 40 УПК РФ)).

Заметим, что ч. 2 ст. 157 УПК РФ не прописывает правило, согласно которому производству неотложных следственных действий предшествует вынесение постановления о возбуждении уголовного дела. Об этом говорится в ч. 1 ст. 157 УПК РФ применительно к деятельности органа дознания и ч. 3 ст. 40 УПК РФ, которая наделяет такими полномочиями указанных выше должностных лиц.

Вернемся к п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, в котором в качестве субъектов производства неотложных следственных действий названы начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и орга-

нов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами, и постараемся определить их круг.

Исходя из п. 14 ст. 16 УИК РФ, к учреждениям уголовно-исполнительной системы, исполняющим наказания, относятся:

- 1) уголовно-исполнительная инспекция;
- 2) исправительный центр;
- 3) арестный дом;
- 4) колония-поселение;
- 5) воспитательная колония;
- 6) лечебное исправительное учреждение;
- 7) исправительная колония общего режима;
- 8) исправительная колония строгого режима;
- 9) исправительная колония особого режима;
- 10) тюрьма;
- 11) следственный изолятор (в отношении определенной категории осужденных);
- 12) исправительная колония особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы³.

Исходя из приведенного, всем начальникам перечисленных учреждений, в том числе и следственных изоляторов, в отношении осужденных к лишению свободы, оставленных в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ), предоставлены частичные полномочия органа дознания: по возбуждению уголовного дела (в отношении конкретной категории граждан, находящихся в пределах определенной территории) и выполнению неотложных следственных действий только по преступлениям (специально отметим), по которым производство предварительного следствия обязательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие / Б. Т. Безлепкин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: КноРус, 2010.
2. Мерецкий, Н. Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог / Н. Е. Мерецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. - № 4 (36). – С. 36 -41.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К числу таковых относится и профильное Указание Генеральной прокуратуры от 25 октября 2013 г. № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».
2. Действовавший ранее Указ Президента Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 209 «О милиции общественной безопасности (местной милиции) в Российской Федерации» (в ред. Указа Президента РФ от 02.12.1998 № 1454) определял численность дознавателей следующим образом: один дознаватель на 165 рассмотренных материалов по делам о преступлениях в год, включая протокольную форму досудебной подготовки материалов, или на 50 уголовных дел.
3. В редакции Федерального закона от 09.01.2006 № 12-ФЗ. Уголовно-исполнительный кодекс РФ в соответствии с законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в главах 16 и 17 дал следующие наименования исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы:
 - исправительные колонии общего режима (ст. 120 УИК РФ);
 - исправительные колонии строгого режима (ст. 122 УИК РФ);
 - исправительные колонии особого режима (ст. 122 УИК РФ);
 - исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы (ст. 126 УИК РФ);
 - колонии-поселения (ст. 128 УИК РФ);
 - тюрьмы (ст. 130 УИК РФ);
 - воспитательные колонии (ст. 132 УИК РФ).

Мерецкий Н. Е.
N. E. Meretsky

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИДЕРА ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

ON THE METHODS OF IDENTIFYING EXTREMIST GROUP LEADERS

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой Уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); 8(4212) 40-74-78. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Mr. Nikolay Ye. Meretsky – Dr.habil. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law, the Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); +7 (4212) 407478. E-mail: ugpd@rambler.ru.

Аннотация. В статье излагаются основные направления деятельности работников правоохранительных органов, возникающие при расследовании преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, возглавляемого лидером. Необходимым условием борьбы с обозначенными преступлениями является взаимодействие всех государственных органов независимо от их принадлежности к конкретному министерству и ведомственной подчиненности.

Summary. The paper describes the main activities of law enforcement officials linked to investigating crimes committed by members of an extremist community headed by a leader. A prerequisite for combating crime is the interaction of all state agencies regardless of whether they belong to a particular ministry or department.

Ключевые слова: группа, движение, лидер, криминалистические средства, предмет доказывания, борьба, способ преступления, личность преступника, экстремистское сообщество, метод, стратегия.

Key words: group, movement, forensic tools, fact at issue, combating, method of offence, identity of a criminal, extremist community, method, strategy.

УДК 343.985:343.34

Результаты анализа показывают, что расследование уголовных дел, совершаемых членами экстремистского сообщества, требует привлечения значительных усилий работников правоохранительных органов с целью сделать вполне возможным, реальным и выполнимым изобличение не только всех участников преступной группы, но и ее лидера. «Более того, появление новых видов и групп преступлений в рамках организованной преступности, эскалации преступности вызывает необходимость разработки соответствующих криминалистических средств, методов и приемов и, естественно, методик раскрытия тяжких преступлений [1, 288].

В уголовно-процессуальной литературе неоднократно подчеркивалось, что большинство действий, направленных на изобличение субъекта, совершившего преступление, носят принудительный характер. При обозначенной деятельности осуществляется уголовное преследование, которое в ряде случаев сопряжено с принуждением в виде физического воздействия на участников процесса с целью обеспечения установленного законом порядка уголовного судопроизводства [2, 318].

Практика расследования преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, свидетельствует об изучении их лидерами реалий современного противостояния правоохранительных органов, а также методов борьбы с обозначенным явлением. Так, вслед за изменениями государственными органами своей стратегии в борьбе с экстремизмом, послед-

ние также изменили «правила» подготовки и осуществления преступного замысла. Кроме того, наши исследования показали, что в России неприменимы зарубежные модели борьбы с обозначенным явлением, хотя они успешно внедрены в практику правоохранительных органов, например, ряда европейских стран. В частности, в России оказались малоэффективными рекомендации, основанные на поощрении государством слежки жителей за своими соседями, которые на условиях вознаграждения и анонимности регулярно информируют, например, полицию Германии, Англии о подозрительных действиях своих соседей. Большинство населения нашей страны не восприняло такие советы зарубежных социологов и криминалистов.

Более того, как показывает практика, в ряде государств Европы не воспринимается опыт России по борьбе с обозначенными преступлениями. Правоохранительные органы и спецподразделения многих зарубежных государств отказались сотрудничать со следствием и спецслужбами России. Это обстоятельство и некоторые другие затруднили формирование доказательственной базы по изобличению лидера экстремистского сообщества.

Дело в том, что при расследовании обозначенных преступлений необходимо правильно ориентироваться в существе и особенностях совершенного деяния, его обстоятельствах, знать, какие действия подлежат доказыванию в каждом конкретном случае. Поэтому предметом уголовно-процессуального доказывания на начальном этапе расследования преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, является совокупность фактических обстоятельств уголовного дела, установление которых необходимо для его правильного разрешения. Доказывание по обозначенным преступлениям имеет свои особенности и сложности: а) в установлении лидера преступной группы; б) при квалификации совершенного деяния; в) в доказывании формы соучастия членов группы, г) в установлении морального и физического воздействия лидера на каждого члена группы; д) при исследовании всех эпизодов преступной деятельности каждого члена сообщества; е) в отсутствии всякого желания сотрудничества членов группы с правоохранительными органами; ж) в активном противодействии со стороны заинтересованных лиц.

Фактической базой для начала расследования преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, служит криминалистически значимая информация о произошедшем, полученная в результате изучения конкретной материальной обстановки, следов, показаний свидетелей, иных участников уголовного процесса и оцененная как следственная ситуация. При этом следователь в данный период, как правило, не имеет достаточных данных и обладает вероятностными, а не достоверными знаниями об обстоятельствах имевшего место события, о личности преступника и способе совершения преступления. Дело в том, что «данные о способе совершения преступления позволяют уяснить, какие следы оставило преступление в окружающей среде, где и как эти следы нужно искать, какие они содержат сведения о физических особенностях личности преступника, совершившего преступление, и т.д.» [3, 143]. Обратим внимание на то, что способы действий экстремистов отличаются значительным разнообразием и многочисленностью. Кроме того, прослеживается закономерная тенденция их постоянной модификации, связанная, во-первых, с информационным обеспечением всех членов группы (путем обеспечения системой сотовой связи), во-вторых, с эволюцией получения информации националистического толка.

К числу важнейших задач расследования преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, относится получение ответа на вопрос: имело ли место событие преступления, то есть предусмотренное Уголовным кодексом РФ общественно опасное деяние? Данный элемент предмета доказывания составляет главный факт. Круг доказательств, устанавливающих событие преступления, сравнительно широк, и далеко не вся имеющаяся информация может одновременно свидетельствовать о событии преступления и о совершении его конкретным субъектом [4, 37]. Необходимая для этого совокупность доказательств должна быть получена путем всестороннего, полного и объективного расследования определенных обстоятельств преступления, таких как установление факта нанесения тяжких телесных повреждений либо проти-

воправного лишения жизни другого человека, причины наступления смерти, а также наличие причинной связи между действиями определенного лица и наступившими последствиями.

Следует отметить, что исследуемые преступления совершаются только путем действия группой лиц под руководством конкретного субъекта по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды. Так, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью группой лиц, являющихся членами экстремистского сообщества, необходимо наличие хотя бы одного из следующих признаков, дающих основания для возбуждения уголовного дела:

- 1) он (вред) опасен для жизни человека;
- 2) произошла потеря зрения, речи, слуха;
- 3) утрачен какой-либо орган либо утрачена функция какого-либо органа;
- 4) причинен вред, вызвавший длительное расстройство здоровья, соединенное со значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть;
- 5) заведомо для виновного потерпевший полностью утратил профессиональную трудоспособность;
- 6) наступило неизгладимое обезображение лица;
- 7) произошло прерывание беременности;
- 8) наступило психическое расстройство либо заболевание наркоманией или токсикоманией.

При этом обязательным условием является наличие причинной связи между действиями преступной группы и наступившими указанными последствиями.

Результаты проведенного нами исследования показывают, что характер обстановки, в которой осуществляются преступления против жизни и здоровья граждан, совершаемые членами экстремистского сообщества, как правило, несколько отличается от обстановки других видов преступной деятельности. Безусловно, вещественные, пространственные, временные и поведенческо-психологические факторы лидера экстремистского сообщества здесь также играют немаловажную роль.

Места совершения умышленных убийств, совершенных членами обозначенных групп, а также причинения тяжкого вреда здоровью граждан в наибольшей степени являются сосредоточением материальных следов в результате специфических особенностей субкультуры данных образований (мировоззрения, образа жизни, воплощения своих взглядов, идеологии и т.п.). Следует отметить, что обозначенные преступления члены групп (движений), как правило, совершают исходя из территориального признака их формирования, а именно: по месту организации группы, по месту проживания ее членов, их учебы, проведения досуга (так называемые «тусовки»). Также члены экстремистского сообщества для совершения преступлений выбирают места массового скопления людей. Как показал анализ проведенного исследования, в 74 % случаев это города с развитой инфраструктурой, при этом в 95,2 % случаев это общественные места (улицы, парки, скверы, площади, рынки, дворы и т.д.). Так, по оценкам специалистов, самыми криминальными в этом отношении городами являются Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Воронеж, Калуга, Липецк, Ростов-на-Дону, Краснодар, Новосибирск, Владивосток.

Следует иметь в виду, что необходимым условием доказывания по обозначенным преступлениям является способ его совершения, который складывается, во-первых, из последовательности действий; во-вторых, из взаимосвязанной системы действий, включающей в себя три стадии (подготовку, совершение, сокрытие); в-третьих, данная система действий направлена на единый конечный результат.

Способ совершения преступлений, осуществляемых членами экстремистского сообщества под руководством лидера группы, являясь элементом предмета доказывания, одновременно относится к общественно опасным деяниям с рядом квалифицирующих признаков, влияющих на способ совершения преступления, обуславливающий наступление преступных последствий и возникновение других элементов предмета доказывания по уголовным делам

об исследуемых преступлениях. Способы совершения обозначенных преступлений, по нашему мнению, можно классифицировать следующим образом:

- 1) умышленное причинение смерти другому человеку – в 56 % случаев;
- 2) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, – в 44 % случаев.

Способ и средства совершения данных преступлений играют роль признака, имеющего свою специфику, по которому эти преступления в силу характера и степени общественной опасности отличаются от других. По нашему мнению, такие признаки в большей степени обладают криминалистически значимой информацией. Знание способа совершения преступления в одних случаях необходимо для правильной его квалификации, в других – для установления обстоятельств, отягчающих (смягчающих) наказание. В связи с этим при установлении способа совершения исследуемых преступлений необходимо определить все действия преступников по подготовке, совершению и сокрытию его следов.

При выборе способов совершения членами экстремистского сообщества преступления (т.е. при подготовке к совершению) преступниками уже предпринимаются меры, направленные на его сокрытие. Связано это с тем, что, во-первых, в некоторых случаях ими совершается иное преступление, во-вторых, целью их деятельности является уход от ответственности, при этом информация станет известна иным лицам, а в последующем – и широкому кругу лиц.

В связи с этим членами экстремистского сообщества осуществляется комплекс мер, направленных на недопущение наступления уголовной ответственности за указанное деяние. Одним из основных приемов сокрытия получения информации является временной разрыв между совершением в отношении определенного субъекта вредных последствий и, например, массовыми беспорядками, совершаемыми заинтересованными лицами.

В силу этого при установлении действий, непосредственно направленных на лишение жизни жертвы либо причинения ей тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, следовательно необходимо выяснить, в чем они конкретно проявились. Использовал ли преступник (группа лиц под руководством конкретного субъекта) при совершении исследуемых преступлений орудия и средства и как именно, какими высказываниями (выкриками) сопровождал в этот период свои действия? Кроме того, при расследовании обозначенных преступлений необходимо установить сведения о личности жертвы не только для того, чтобы убедиться в наличии события преступления, но также для обеспечения успеха в расследовании, точности определения ответственности каждого из виновных, а также для правильной квалификации совершенного деяния.

Выбор конкретного лица объектом преступного посягательства не случаен и обуславливается во многих случаях объективными и субъективными обстоятельствами. Как правило, в 72 % случаев жертва принадлежит к другой, «не русской» национальности, в том числе: в 57 % случаев это иностранные граждане стран ближнего и дальнего зарубежья, в 28 % – это лица русской (славянской) национальности, которых члены экстремистского сообщества относят к «инакомыслящим», а также так называемым «людям низшего сорта», при этом возраст жертвы ограничений не имеет.

Следующим обстоятельством, подлежащим доказыванию, является личность обвиняемого (лидера экстремистского сообщества). В связи с данным обстоятельством доказыванию подлежат виновность лица в совершении преступления и обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. В данные, характеризующие личность виновного в совершении обозначенных преступлений, включаются следующие сведения: фамилия, имя и отчество, возраст, особые приметы, физические и психические свойства, его социальная и психологическая характеристика, сведения о судимости, наличие в момент совершения преступления алкогольного или наркотического опьянения, семейное положение, основной род занятий, образование, специальность, уровень экономического благосостояния и др.

При рассмотрении психологической характеристики личности лидера экстремистского сообщества необходимо отметить, что он, например, агрессивен, невыдержан, фанатичен,

озлоблен на окружающий мир, обладает сильными волевыми качествами, склонен к конфликтам, идеологически подкован. По нашему мнению, если лидер экстремистского сообщества членам группы приказал считать поставленную цель «праведной» и «справедливой», они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев, оклеветать и даже физически устранить неугодного им человека. В этом случае руководитель группы находится в постоянной готовности к совершению преступления и принимает решения, заранее создавая «удобную» для его членов ситуацию с целью реализации поставленной задачи.

Необходимо отметить, что установление способа, орудий и средств преступления, места и времени недостаточно для полного и всестороннего раскрытия и расследования преступления. Данные о механизме совершаемых членами экстремистского сообщества преступлений позволяют, во-первых, уяснить детали расследуемого события, во-вторых, прогнозировать поведение членов группы, в-третьих, установить повторяемость способа действий, в-четвертых, выявить негативные обстоятельства, в-пятых, реконструировать расследуемое событие. Для этого необходим обоснованный вывод о содержании умысла и мотива совершения преступления.

Как показал анализ следственной и судебной практик, исследуемые преступления совершаются под руководством лидера экстремистского сообщества только с прямым умыслом. В этом случае доказыванию подлежат мотив и цель преступления, без установления которых невозможно правильно квалифицировать преступление, назначить обвиняемому (обвиняемым) соразмерную меру наказания.

Применительно к исследуемым преступлениям цель и направление действий устанавливает непосредственно лидер экстремистского сообщества, который также формирует и мотивы поведения других членов группы как лично, так и через приближенных к нему лиц. Изучение практики расследования уголовных дел рассматриваемой категории позволяет выделить следующие качества лидера (руководителя) группы:

1. Властный, выражающийся в демонстрации силы: в желании упрочить свой авторитет среди членов группы, установить контроль над ними и в достижении перспективной цели – занятии определенной ниши в политической структуре общества (62 % случаев).

2. Манипулирующий сознанием лиц, входящих в организацию, с последующим полным подчинением и неукоснительным исполнением распоряжений – разработка механизма жесткого подчинения членов группы своим требованиям (8 % случаев).

3. Фанатично преданный идеям экстремистского сообщества. Полная деформация сознания, потеря реальности. Целью будет являться беспрекословное соблюдение «морального кодекса» и «законов» группы, демонстрация независимости, смелости, умения отстаивать себя, ощущение «защищенности» в разных проявлениях (психологической, физической, моральной) – 59 % случаев.

4. Протестующий против обычного уклада жизни, «насаждения» законов, правопорядка, опеки со стороны старших; желаемый результат – это самоутверждение среди себе подобных за счет унижения другого человека – 23 % случаев.

Что касается характера и размера ущерба, причиненного преступлениями против жизни и здоровья граждан, совершаемыми членами экстремистского сообщества, то, в первую очередь, они определяются либо самим потерпевшим, либо его родителями (близкими родственниками) (см. прим. 1). Однако исходя из сложившейся в настоящем обществе неблагоприятной социально-правовой и экономической обстановки, по нашему мнению, основным оценочным звеном (при увеличивающемся росте исследуемых преступлений) должно стать государство.

Следует отметить, что по уголовному делу могут быть установлены и доказаны и иные обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Данные обстоятельства конкретизируются уголовным законом. Они характеризуют совершенное виновным преступление, его личность и в силу этого способны повлиять на вид и меру назначаемого наказания.

Обстоятельства, смягчающие наказание, регламентируются ч. 1 ст. 61 УК РФ. Их перечень не является исчерпывающим, и при производстве по уголовному делу возможно установление и других обстоятельств, не указанных в норме, которые при назначении наказания должны учитываться в качестве смягчающих наказание. Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, приведенный в ч. 1 ст. 63 УК РФ, является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом в предмет доказывания входят обстоятельства, способствующие совершению преступления, которые подлежат выявлению. Одной из главных задач правоохранительных органов настоящего времени является выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, установление лидера экстремистского сообщества.

В последние годы в России создаются различные группы, общества, объединения, обещающие своим приверженцам создание духовных, социальных и материальных благ в обмен на полное подчинение и поклонение лидеру, идеологии и дисциплине культа. Большой объем информации, которая поступает в повседневную жизнь людей, изменяет не только привычный социально-бытовой уклад человека, но и его отношение ко всякого рода «вечным истинам».

Недооценка фундаментального значения субкультуры неформальных групп (движений), в том числе и сообществ экстремистского толка, для формирования личности приводит к преобладанию правоохранительных мер работы с ними над социально-педагогическими и тем самым предопределяет недолгосрочность получаемых результатов.

Для субъектов рассматриваемого преступления наиболее доступным источником получения необходимых сведений являются лица, которые обеспечивают меры безопасности, а также лица, которые их санкционируют. Обозначенный канал получения информации является наиболее распространенным. Это и понятно, так как пытаться получить информацию от лиц, в отношении которых применяются меры процессуального воздействия, не совсем целесообразно. В то же время интересующие правоохранительные органы сведения могут быть получены из электронных носителей информации, реже из материальных (документированных) источников информации.

Таким образом, основным обстоятельством, способствующим совершению преступлений против жизни и здоровья граждан, совершаемых членами экстремистского сообщества под руководством их лидера, является неконтролируемое образование неформальных групп (движений). Конфликты, отсутствие внимания и поддержки со стороны взрослых (родителей и педагогов), недостаточный интеллектуальный и культурный уровень молодого поколения, мешающий сосредоточиться, углубиться в знания, дурной пример для подражания взрослой жизни, основанной на корпоративности, а также коммуникативный голод и анонимность городского общения, одиночество – все это является причиной пополнения молодежью обозначенных групп (движений) с антисоциальной направленностью.

Резюмируя изложенное, мы должны учитывать, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеют некоторые особенности, вызванные необходимостью установления времени и места совершения преступления, способа преступления и умышленной формы вины, а также специфических признаков, характеризующих антисоциальные взгляды лидера экстремистского сообщества на личностные особенности их жертв, обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

В ходе производства предварительного расследования следователю необходимо установить и доказать следующие обстоятельства:

1. Событие преступления (время, место, способ совершения преступления), установление которого необходимо для правильной квалификации содеянного. На совершение данного преступления существенное влияние оказывает время и место, так как имеется их прямая зависимость от идеологической направленности лидера экстремистского сообщества. Кроме того, при анализе обстановки исследуемых преступлений необходимо выявить систему социально значимых действий и поступков, в которых проявляется отношение лидера и

членов группы к обществу и которые связаны с различными отношениями и реалиями окружающей действительности.

2. Наличие прямого умысла либо на причинение смерти другому человеку, либо на причинение тяжких телесных повреждений, опасных для жизни. Побудительной причиной к совершению обозначенных преступлений служит властный мотив, а также фанатичная преданность идеологии лидера группы.

3. Влияние обстоятельств, характеризующих личность лидера экстремистского сообщества, на характер его преступной деятельности, отношение к членам группы, а также на выбор жертвы.

4. Обстоятельства, способствовавшие или препятствовавшие совершению преступления. Как показал анализ проведенных исследований, в деятельности правоохранительных органов имеются существенные недостатки, способствующие совершению исследуемых преступлений, которые проявляются:

- в неприятии законных мер по сообщениям о преступлениях;
- в низком уровне борьбы с менее тяжкими преступлениями (вандализмом, хулиганством и т.п.), являющимися предпосылкой для совершения исследуемых преступлений;
- в низком профессиональном уровне подготовки работников правоохранительных и судебных органов, в том числе сотрудников прокуратуры;
- в низком уровне преодоления противодействия со стороны экстремистского сообщества, а также раскрываемости убийств и причинения тяжких телесных повреждений, совершаемых членами этих групп.

Полагаем, что в указанный перечень необходимо включить и мероприятия, направленные на взаимодействие правоохранительных органов и спецслужб России с другими странами и государствами, а также на передачу (трансформацию) специальных знаний. Иначе говоря, для расследования преступлений, совершаемых членами экстремистского сообщества, необходимо более рационально и эффективно использовать накопленный опыт и доступные формы налаженного взаимодействия правоохранительных и государственных органов.

Разумеется, предложенные рекомендации не являются исчерпывающими, их решение, безусловно, требует дальнейшего теоретического и экспериментального обоснованного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подшибякин, А. С. Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности / А. С. Подшибякин. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2011.
2. Цховребова, И. А. Физическое принуждение как самостоятельная мера процессуального принуждения / И. А. Цховребова // Допрос: криминалистические и процессуальные проблемы (памяти профессора Н.И. Порубова): сб. материалов 55-х криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2014. – Ч. 2.
3. Шурухнов, Н. Г. Структура криминалистической характеристики преступления во взглядах профессора Е. И. Зуева / Н. Г. Шурухнов // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е. И. Зуева): сб. материалов 50-х криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. – Ч. 2.
4. Мерецкий, Н. Е. Первоначальный этап расследования хищений, совершаемых при капитальном строительстве железных дорог / Н. Е. Мерецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 4 (36).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Согласно ч. 8 указанной статьи по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников.

Блинова Т. Н., Третьяков М. М.
T. N. Blinova, M. M. Tretyakov

**ОПТИМИЗАЦИЯ РАЗМЕЩЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РОССИИ**

**ON THE ISSUE OF OPTIMIZING THE TERRITORIAL DISTRIBUTION OF HIGHER
PROFESSIONAL EDUCATION INSTITUTIONS IN THE FEDERAL DISTRICTS
OF RUSSIA**

Блинова Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры «Маркетинг и реклама» Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680011, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134; 89243094941. E-mail: Blibova-82@rambler.ru.

Mrs. Tatiana N. Blinova – Senior Lecturer, Department of Marketing and Advertising, Khabarovsk State Academy of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 134, Tikhookeanskaya Str., city of Khabarovsk, 680011; +7 (924) 3094941. E-mail: Blibova-82@rambler.ru.

Третьяков Михаил Михайлович – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Маркетинг и коммерция» Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680011, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136; (4212) 37-52-29.

Mr. Mikhail M. Tretyakov – Dr.habil. of Economics, Professor, Head of the Department of Marketing and Commerce, the Pacific state University (Russia, Khabarovsk); 136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680011; + 7 (4212) 37-52-29.

Аннотация. В статье проанализировано размещение вузов и их филиалов в разрезе федеральных округов России с учётом влияния площади территории, численности населения, уровня экономического развития регионов и прочих факторов, а также даны рекомендации по его оптимизации.

Summary. The paper considers the issue of territorial distribution of universities and their branches in the Federal districts of Russia taking into account such factors as the land area, population size, the level of economic development etc.; recommendations on its optimization are also provided.

Ключевые слова: вузы, филиалы, размещение, федеральные округа, факторы.

Key words: higher education institutions, branches, territorial distribution, Federal districts, factors.

УДК 378.11

Количество вузов и их филиалов, а также их специализация и размещение на территории страны, на наш взгляд, должны зависеть от следующих факторов:

1) площадь территории;

Размещение учреждений высшего профессионального образования на территории страны должно соответствовать принципу их территориальной доступности для населения. Следовательно, вузы должны быть размещены на территории России таким образом, чтобы потенциальные потребители их услуг (особенно это касается людей, проживающих в небольших городах и сельской местности) могли минимизировать свои затраты, связанные с проездом к месту обучения, а также чтобы закрепить местное население на данной территории.

2) численность населения;

Данный фактор оказывает влияние на требуемое количество специалистов с высшим профессиональным образованием для социально-экономического развития того или иного региона. Чем выше в нём численность населения, тем больше региону требуется учителей,

врачей и прочих специалистов соответствующего уровня профессионального образования. Данный фактор уже давно учитывается при определении в вузах количества бюджетных мест, выделяемых государством. В ст. 2 ныне утратившего силу Федерального закона Российской Федерации от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» государство брало на себя обязательство по оплате стоимости обучения не менее 170 чел. на 10 000 жителей России. В новом Федеральном законе Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ст. 100 предусмотрено финансовое обеспечение обучающихся за счёт ассигнований государственного бюджета из расчёта не менее чем 800 студентов на каждые 10 000 чел. в возрасте от 17 до 30 лет.

3) уровень и специфика экономического развития региона;

Чем более экономически развит тот или иной регион страны, тем большая у него потребность в специалистах для обслуживания экономики и дальнейшего её развития. Кроме того, каждый регион России имеет потребности в специалистах определённых направлений в зависимости от специфики его экономического развития и специализации хозяйствующих субъектов.

4) наличие культурных и научных традиций;

Накопленные регионом культурные или научные традиции требуют их сохранения и поддержания, для чего, в свою очередь, необходимы специалисты высокой квалификации.

5) размещение федеральных государственных органов управления.

Так же как и наличие культурных и научных традиций, размещение федеральных государственных органов управления в регионе требует большего количества специалистов с высшим профессиональным образованием в связи с необходимостью их укомплектования.

Все эти факторы, оказывающие влияние на формирование спроса на подготовку специалистов, можно условно разделить на основные (площадь территории, численность населения, уровень и специфика экономического развития региона) и дополнительные (наличие культурных и научных традиций, размещение федеральных государственных органов управления).

С 2000 г. экономическое районирование в России ведётся по федеральным округам [1]. Принимая во внимание связь субъектов федерации в рамках федеральных округов, анализ территориального размещения вузов и филиалов на территории страны имеет смысл проводить в разрезе федеральных округов (см. табл. 1) [2; 3; 4].

Необходимо отметить, что федеральные округа и города федерального значения страны существенно отличаются друг от друга по площади территории, численности населения, уровню экономического развития. Так, например, г. Москва наиболее развит в экономическом отношении (объём ВРП составляет 10 021,6 млрд р.), при этом он занимает последнее место по площади территории (1,1 тыс. км²) и шестое – по численности населения (11 552 тыс. чел.). Дальневосточный федеральный округ, напротив, занимает наибольшую площадь территории – 6169,3 км², однако по численности населения (6284 тыс. чел.) и объёму ВРП (2520,8 млрд р.) он находится на последнем месте в Российской Федерации.

Учитывая дифференциацию федеральных округов и городов федерального значения России по площади территории, численности населения, уровню экономического развития, предлагаем рассчитывать коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования K по следующей формуле:

$$K = (x_1 x_2 x_3)^{1/3},$$

где x_1 – количество учреждений высшего профессионального образования на 1 тыс. км²; x_2 – количество учреждений высшего профессионального образования на 100 тыс. жителей; x_3 – количество учреждений высшего профессионального образования на 1 млрд р. ВРП.

Таблица 1

Размещение учреждений высшего профессионального образования
на территории федеральных округов и городов федерального значения России

Территория	Численность населения		Площадь территории		Объём ВРП		Количество учреждений ВПО					
	тыс. чел.	место	тыс. км ²	место	млрд р.	место	всего	место	в том числе:			
									вузы		филиалы	
									всего	место	всего	место
ЦФО без учёта г. Москва	26905	2	649,1	6	6148,8	4	549	1	161	2-3	388	1
г. Москва	11552	6	1,1	10	10021,6	1	262	5	256	1	6	10
СЗФО без учёта г. Санкт-Петербург	8724	8	1685,6	4	2639,1	7	195	7	38	10	157	6
г. Санкт-Петербург	4869	10	1,4	9	2071,8	9	97	10	84	5	13	9
ЮФО	13854	4	420,9	7	2745,1	6	282	4	83	6	199	3
СКФО	9507	7	170,4	8	1064,8	10	181	8	64	8	117	7
ПФО	29880	1	1037	5	6987,5	2	495	2	161	2-3	334	2
УФО	12089	5	1818,5	3	6270	3	231	6	70	7	161	5
СФО	19250	3	5145	2	4796	5	296	3	116	4	180	4
ДФО	6284	9	6169,3	1	2520,8	8	131	9	47	9	84	8
РФ	142914	–	17098,2	–	45265,5	–	2719	–	1080	–	1639	–

По данным расчётов, приведённых в табл. 2 [2; 3; 4], видно, что коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования для страны в среднем составляет 0,26; при этом без учёта данных по г. Москве и г. Санкт-Петербургу значение коэффициента размещения также составляет 0,26.

Найденные значения коэффициентов размещения учреждений высшего профессионального образования для страны в целом и каждого федерального округа и города федерального значения в отдельности позволяют сгруппировать последние в четыре группы (см. табл. 3 – 4).

В первую группу вошли г. Москва и г. Санкт-Петербург, значение коэффициента размещения которых больше либо равно 1. Вторую группу федеральных округов образовали Центральный (без учёта г. Москва), Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, значение коэффициента размещения которых больше либо равно 0,5 и менее 1. В третью группу попали Северо-Западный (без учёта г. Санкт-Петербург) и Приволжский федеральные округа, значение коэффициента размещения которых больше либо равно 0,26 и менее 0,5. В четвертую группу вошли Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, значение коэффициента размещения которых ниже среднероссийского значения, меньше 0,26.

Города Москва и Санкт-Петербург, которые вошли в первую группу федеральных округов и городов федерального значения, можно охарактеризовать как регионы с небольшой территорией, но имеющие большую численностью населения и высокий размер ВРП. При таких характеристиках в указанных городах сосредоточено более 13 % всех вузов страны. Значения коэффициентов размещения учреждений высшего профессионального образования в данных регионах самые высокие по стране (2,53 в г. Москва и 1,9 в г. Санкт-Петербург).

Таблица 2

Коэффициенты размещения учреждений высшего профессионального образования на территории федеральных округов и городов федерального значения России

Территория	Количество учреждений ВПО на 1 тыс. км ² (x ₁)			Количество учреждений ВПО на 100 тыс. жителей (x ₂)			Количество учреждений ВПО на 1 млрд р. ВРП (x ₃)			Коэффициент размещения				
	всего	место	в том числе	всего	место	в том числе	всего	место	в том числе	всего	место	в том числе		
			вузы			филиалы			вузы			филиалы	вузы	филиалы
ЦФО без учёта г. Москва	0,85	4	0,25	0,60	4-5	1,44	0,09	3	0,03	0,06	0,54	4	0,17	0,37
г. Москва	238,18	1	232,73	5,45	1	2,22	0,03	10	0,03	–	2,53	1	2,49	2,04
СЗФО без учёта г. Санкт-Петербург	0,12	8	0,02	0,10	2	0,44	0,07	4-5	0,01	0,06	0,27	7	0,05	0,22
г. Санкт-Петербург	69,29	2	60,0	9,29	6	1,72	0,05	7-8	0,04	0,01	1,90	2	1,60	0,30
ЮФО	0,67	5	0,20	0,47	4-5	1,44	0,10	2	0,03	0,07	0,51	5	0,15	0,36
СКФО	1,06	3	0,37	0,69	8	0,67	0,17	1	0,06	0,11	0,70	3	0,25	0,45
ПФО	0,48	6	0,16	0,32	9	0,54	0,07	4-5	0,02	0,05	0,38	6	0,12	0,26
УФО	0,13	7	0,04	0,09	7	0,58	0,04	9	0,01	0,03	0,21	8	0,06	0,15
СФО	0,06	9	0,02	0,04	10	0,60	0,06	6	0,02	0,04	0,18	9	0,06	0,12
ДФО	0,02	10	0,01	0,01	3	0,75	0,05	7-8	0,02	0,03	0,13	10	0,05	0,08
РФ	0,16	–	0,06	0,10	–	0,75	0,06	–	0,02	0,04	0,26	–	0,09	0,17
РФ без учёта г. Москва и г. Санкт-Петербург	0,14	–	0,04	0,10	–	0,59	0,07	–	0,02	0,05	0,26	–	0,08	0,18

Группировка федеральных округов и городов федерального значения России по коэффициенту размещения

Номер группы	Состав группы	Коэффициент размещения:	
		Значение для группы	Значение для федерального округа (города федерального значения)
1	г. Москва	$K \geq 1$	2,53
	г. Санкт-Петербург		1,90
2	ЦФО	$0,5 \leq K < 1$	0,54
	ЮФО		0,51
	СКФО		0,70
3	СЗФО	$0,26 \leq K < 0,5$	0,27
	ПФО		0,38
4	УФО	$K < 0,26$	0,21
	СФО		0,18
	ДФО		0,13
РФ	–	–	0,26

Если принять во внимание и дополнительные факторы, влияющие на размещение количества вузов и филиалов на территории России, то можно утверждать, что г. Москва является культурным и научным центром страны, в нем сосредоточены основные федеральные органы государственного управления; г. Санкт-Петербург, в свою очередь, также считается научным и культурным центром Российской Федерации, в нём также функционируют федеральные государственные органы управления, что даёт основания для размещения на их территории большого количества учреждений высшего профессионального образования.

Если анализировать размещение вузов и филиалов в Центральном федеральном округе (без учёта г. Москва), а также влияние на этот процесс факторов, выделенных выше, то можно говорить о том, что на 3,8 % площади страны, где проживает 18,8 % всего населения и размер ВРП которого составляет 13,6 % от ВВП России, сосредоточено 549 вузов и филиалов (161 вуз и 388 филиалов соответственно), что составляет 20,2 % от общего количества. Коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования в данном регионе составляет 0,54. Учитывая небольшую площадь данного федерального округа, функционирование такого большого количества вузов и филиалов в нём не оправдано, требует мер по их уменьшению.

В Южном федеральном округе также целесообразно сокращение количества учреждений высшего профессионального образования, которое обусловлено относительно небольшой площадью данного региона и невысоким показателем ВРП. Этот федеральный округ по показателям численности населения и количества вузов и филиалов вполне сопоставим с Северо-Западным федеральным округом. Однако площадь территории последнего в четыре раза превышает площадь анализируемого региона. При этом по показателю ВРП Южный федеральный округ значительно отстаёт от Северо-Западного федерального округа (2745,1 млрд р. против 4710,9 млрд р.).

Северо-Кавказский федеральный округ (коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования в данном федеральном округе составляет 0,7), в котором расположены 64 вуза и 117 филиалов, характеризуется малой площадью, что находит своё отражение в показателе «количество учреждений ВПО на 1 тыс. км²». В данном регионе он составляет 1,06, в то время как в среднем по России значение данного показателя равняется всего 0,16. В Северо-Кавказском федеральном округе зафиксирован также низкий показатель ВРП, что влечёт за собой высокое значение показателя «количество вузов на 1 млрд р. ВРП» (0,17 в сравнение со среднероссийским, равным 0,05). Эти факты дают основания говорить о необходимости сокращения учреждений высшего профессионального образования в данном регионе.

Таким образом, в федеральных округах, входящих во вторую группу, необходимо сокращать количество учреждений высшего профессионального образования.

Сокращение количества учреждений высшего профессионального образования в названных федеральных округах страны должно происходить именно за счёт филиалов. Объяснимо это следующим.

Филиалы предлагают услуги высшего профессионального образования в основном по двум группам специальностей и направлений подготовки («Экономика и управление» и «Гуманитарные науки»). Рынок труда перенасыщен их выпускниками, подготовка по этим направлениям не требует серьёзной материально-технической базы. Кроме того, сегодня практически неоспоримым считается тот факт, что качество услуг высшего профессионального образования, оказываемых филиалами, невысокое, значительно отстаёт от головных вузов. В филиалах профессорско-преподавательский состав в основном работает на условиях совместительства. Возникновение филиалов вузов в нашей стране, происходившее ещё в 60-е гг. XX в., было реакцией на демографический всплеск и увеличивающееся количество желающих получить высшее образование в связи с ростом его престижа. Особенно активно развитие филиальной сети вузов началось с предоставления последней возможности оказывать услуги высшего профессионального образования на коммерческой основе. Вузы открывали филиалы в надежде расширить рынок своих образовательных услуг. Делали они это за счёт подготовки в основном юристов и экономистов, что не требует больших вложений в развитие материально-технической базы. В конце концов это привело к тому, что филиалов вузов в нашей стране стало значительно больше, нежели самих вузов.

Если смотреть на коэффициенты размещения, то можно заметить, что данный показатель в отношении филиалов во всех федеральных округах, попавших во вторую группу, более чем вдвое превышает аналогичный показатель для страны в целом (составляет 0,17). Так, в Центральном федеральном округе (без учета г. Москва) его значение равняется 0,37, в Южном – 0,36, Северо-Кавказском – 0,45.

В свою очередь, сокращение филиалов вузов можно осуществлять по следующему направлению: разрешать функционировать тем филиалам, в которых предлагается обучение по специальностям и направлениям подготовки, которые не представлены или востребованы административно-территориальным образованием, на территории которого размещены филиалы.

Количество учреждений высшего профессионального образования, расположенных в Северо-Западном федеральном округе (за исключением г. Санкт-Петербург), – 195, что вполне объяснимо большой площадью (1685,6 тыс. км²), численностью населения (8,7 млн чел.) и высоким показателем ВРП (2639,1 млрд р.). Коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования в данном федеральном округе составляет 0,27, что примерно соответствует среднероссийскому значению.

Приволжский федеральный округ можно представить как регион, расположенный на территории 1037 тыс. км² с высокой численностью населения (29,9 млн чел.) и высоким, вторым среди территориальных федеральных округов, показателем ВРП (6987,5 млрд р.). Данная характеристика округа позволяет говорить о целесообразности размещения на его территории относительно большого количества учреждений высшего профессионального образования. Коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования в данном федеральном округе составляет 0,38.

Таким образом, количество учреждений высшего профессионального образования в федеральных округах, попавших в третью группу, не нуждается в оптимизационных мерах.

В Уральском федеральном округе (значение коэффициента размещения в данном регионе равняется 0,21) расположено 231 учреждение высшего профессионального образования (8,5 % от общего количества вузов и филиалов в стране). Такое их количество не является достаточным в силу большой площади данного региона («количество учреждений ВПО на 1 тыс. км²» составляет 0,13 против 0,16 в среднем по стране), требует увеличения.

Таблица 4

Значения показателей количества учреждений высшего профессионального образования и показателей образования и показателей факторов, влияющих на него, в разрезе выделенных групп федеральных округов и городов федерального значения [2; 3; 4]

Номер группы	Состав группы	Численность населения		Площадь территории		Объём ВРП		Количество учреждений ВПО																	
		тыс. чел.	%	тыс. км ²	%	млрд р.	%	Место	%	Место	Всего	%	Место	Всего	%	Место	Всего	%	Место	Всего	%	Место			
1	г. Москва	11552	-	1,1	-	10021,6	-	-	-	256	-	-	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	г. Санкт-Петербург	4869	-	1,4	-	2071,8	-	-	-	84	-	-	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего:	16421	11,5	2,5	-	12093,4	26,7	2	13,2	340	31,5	1	19	1,2	4	5,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	ЦФО	26905	-	649,1	-	6148,8	-	-	-	161	-	-	388	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ЮФО	13854	-	420,9	-	2745,1	-	-	-	83	-	-	199	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	СКФО	9507	-	170,4	-	1064,8	-	-	-	64	-	-	117	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Всего:	50266	35,2	1240,4	7,3	9958,7	22,0	3	37,2	308	28,5	2	704	43,0	1	69,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	СЗФО	8724	-	1685,6	-	2639,1	-	-	-	195	-	-	157	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ПФО	29880	-	1037	-	6987,5	-	-	-	495	-	-	334	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
4	Всего:	38604	27,0	2722,6	15,9	9626,6	21,3	4	25,4	690	18,4	4	491	30,0	2	71,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	УФО	12089	-	1818,5	-	6270	-	-	-	231	-	-	161	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	СФО	19250	-	5145	-	4796	-	-	-	296	-	-	180	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
РФ	ДФО	6284	-	6169,3	-	2520,8	-	-	-	131	-	-	84	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего:	37623	26,3	13132,8	76,8	13586,8	30,0	1	24,2	658	21,6	3	425	25,8	3	64,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	-	142914	100	17098,2	100	45265,5	100	-	100	2719	100	-	1639	100	-	60,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Сибирский федеральный округ занимает 30 % площади России, в нём проживает 13,5 % всех её жителей, доля ВРП данного региона в ВВП страны составляет 10,6 %. При этом в данном регионе функционируют всего 296 вузов и филиалов (10,9 % от общего количества). Показатель «количество учреждений ВПО на 1 тыс. км²» равняется всего 0,06. Принимая во внимание большую территорию Сибирского федерального округа, а также высокую численность его населения, можно говорить о необходимости усиления территориальной доступности услуг высшего профессионального образования в данном регионе путём увеличения количества учреждений высшего профессионального образования. К тому же г. Новосибирск, столица данного округа, является одним из ведущих научных центров страны.

Дальневосточный федеральный округ – самый большой по площади регион в стране (36,1 % площади), при этом он характеризуется самой низкой численностью населения (6,3 млн чел., всего 4,4 % от общей численности населения России) и самыми низкими показателями ВРП (5,6 % от ВВП страны). Коэффициент размещения учреждений высшего профессионального образования в данном регионе самый низкий по стране (составляет 0,13). Несмотря на высокое значение показателей «количество учреждений ВПО на 100 тыс. жителей», составляющее всего 2,08, в данном регионе с целью повышения территориальной доступности получения высшего профессионального образования для населения, а также для закрепления населения на территории Дальнего Востока (является приоритетной целью государства) целесообразно наращивать количество учреждений высшего профессионального образования.

Таким образом, необходимо увеличивать количество учреждений высшего профессионального образования в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Осуществлять это необходимо за счёт филиалов, т.к. открытие полноценных вузов в небольших территориальных образованиях, входящих в состав данных федеральных округов, не целесообразно в силу низкой численности населения в них.

С недавнего времени правительство России ужесточило политику в отношении филиалов. С 2008 г. филиалы стали проходить процедуру государственной аккредитации образовательной деятельности не в составе головного вуза, а как самостоятельные учреждения высшего профессионального образования. К ним стали предъявляться такие же требования, как и к головным вузам. Однако этого не достаточно. Для того чтобы филиалы, расположенные в небольших территориальных образованиях, смогли обеспечивать действительно качественное образование, необходимо, чтобы в них читали лекции, принимали зачёты и экзамены преподаватели головного вуза.

Таким образом, в Центральном (без г. Москва), Южном, Северо-Кавказском федеральных округах следует уменьшать количество учреждений высшего профессионального образования за счёт филиальной сети, в Уральском, Сибирском, Дальневосточном – напротив, увеличить количество филиалов.

Резюмируя, подчеркнём, что рекомендации по размещению учреждений высшего профессионального образования в отдельных федеральных округах страны, базирующиеся на анализе площади территории, численности населения, уровня экономического развития региона, наличия культурных и научных традиций, а также размещения федеральных государственных органов управления, позволят соотнести необходимость территориальной доступности вузов и филиалов для населения России с социально-экономической целесообразностью их размещения в том или ином регионе страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Региональная экономика / под ред. Г. Поляка. – М. : Юнити-Дана, 2013. – 464 с.
2. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2013 : стат. сб. – М. : Росстат, 2013. – 645 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 : стат. сб. – М. : Росстат, 2012. – 990 с.
4. Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сб. – М. : Росстат, 2012. – 786 с.

Магола А. А., Некрасова М. Г.
A. A. Magola, M. G. Nekrasova

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗАТРАТ НА КАЧЕСТВО

IMPROVING THE EFFICIENCY OF MANAGEMENT SYSTEMS USING QUALITY-RELATED COSTS

Магола Анна Андреевна – аспирант кафедры «Информационные системы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: amagola@mail.ru.

Ms. Anna A. Magola – PhD Candidate, Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: amagola@mail.ru.

Некрасова Марина Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные системы» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: NeMG@yandex.ru.

Ms. Marina G. Nekrasova – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: NeMG@yandex.ru.

Аннотация. Разработана методика управления затратами на качество на основе классификации Джурана-Фейгенбаума, разработана модель выбора оптимальной комбинации мероприятий коррекции и предупреждения.

Summary. The paper proposes a method and procedure of quality cost management (based on Juran-Feigenbaum classification) and a model of selecting the optimal combination of correction/prevention measures.

Ключевые слова: эффективность, затраты на качество, затраты на ошибки, управление, процессы.

Key words: efficiency, quality-related costs, error-related costs, management, processes.

УДК 65.011

Под влиянием факторов внешней среды современным предприятиям необходимо постоянно искать пути повышения эффективности своей деятельности. Каждое предприятие в зависимости от сложившейся в организации обстановки может прибегнуть к разным методам повышения эффективности. В целом все эти методы можно разделить на три направления [1]:

- 1) снижение затрат (Директ-костинг, стандарт-костинг, ABC-анализ, JustInTime и др.);
- 2) модернизация (модернизация оборудования, внедрение CRM и ERP-систем, программы для электронного документооборота и др.);
- 3) изменение системы управления (внедрение систем менеджмента качества, бережливого производства, 6 сигм и др.).

Каждое из этих направлений повышения эффективности имеет свои достоинства и недостатки. К достоинствам первого направления можно отнести точность определения себестоимости продукции, выявление резервов снижения затрат, но зачастую указанные

методики относятся к управлению лишь производственными затратами и не связаны с управляющими и вспомогательными бизнес-процессами.

Направление модернизации достаточно эффективно, если менеджеры предприятия смогли точно определить «узкое место» в деятельности организации, модернизация которого приведет к росту эффективности. Кроме того, данное направление требует значительных инвестиций и имеет достаточно большой срок окупаемости вложений.

Третье направление позволяет значительно повысить эффективность предприятия за счет устранения источников потерь внутри управляющих процессов, ведь, по словам признанного профессионала в области менеджмента качества Ф. Кросби, «96 % проблем зависит от менеджеров и только 4 % – от исполнителей». Но данное направление относится к одним из самых дорогих и к тому же самых сложных во внедрении, так как требует вовлеченности в процесс изменения системы менеджмента всего персонала организации.

В данной статье рассматривается попытка объединения достоинств всех трех направлений в одном инструменте повышения эффективности, который позволил бы снизить затраты предприятия, за счет выявления взаимосвязи между ними. Далее в работе вместо термина «затраты» используется термин «затраты на качество», так как деятельность организации направлена не просто на получение прибыли, но и на обеспечение потребителя качественной продукцией и услугами.

На рис. 1 изображена схема управления затратами на качество.

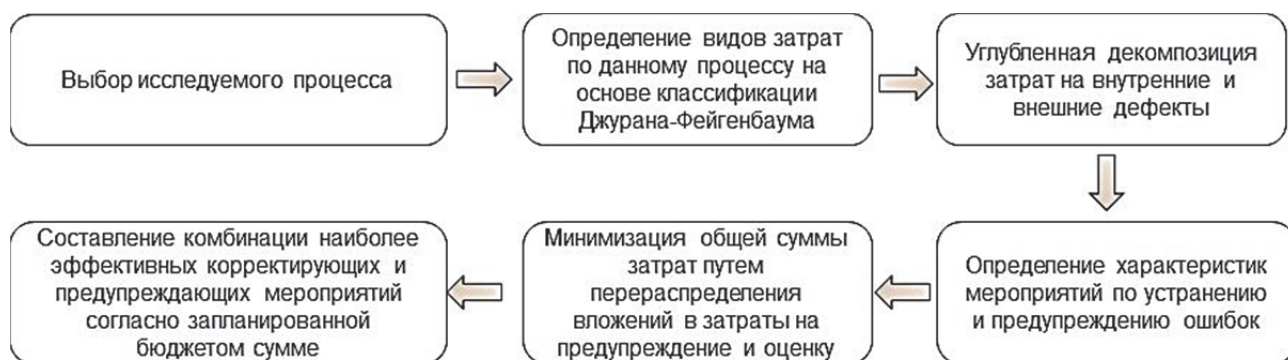

Рис. 1. Этапы управления затратами на качество

На первом этапе предприятию необходимо выбрать тот процесс своей деятельности, затраты на качество которого будут в дальнейшем анализироваться. В данной статье в качестве исследуемого процесса был взят процесс обеспечения жизни и здоровья персонала в процессе трудовой деятельности, так как этот процесс присутствует в деятельности любого предприятия и, кроме того, внешняя среда все чаще предъявляет требование наличия налаженной системы промышленной безопасности, в частности подтвержденной сертификатами ISO и OHSAS.

На втором этапе по выбранному процессу определяются виды затрат согласно классификации Джурана-Фейгенбаума, то есть затраты на предупреждение, затраты на оценку и контроль, затраты на внутренние и внешние дефекты [2]. В исследуемом процессе было определено 14 видов затрат на предупреждение (затраты на анализ законодательной базы, затраты на проведение мероприятий по улучшению условий труда, затраты на разработку программ проведения вводного и повторного инструктажей, затраты на обеспечение организации инвентарем в области охраны труда и др.), 6 категорий затрат на оценку и контроль (затраты на контроль соблюдения санитарных норм, затраты на участие в приемке в эксплуатацию объектов, затраты на контроль применения средств индивидуальной защиты и др.), 8 категорий затрат на внутренние и внешние дефекты (затраты на анализ данных о несчастных случаях и болезнях, затраты на предписания инспекции труда, затраты по временной нетрудоспособности персонала и др.) [4].

После того как организацией определены основные виды затрат по выбранному процессу, необходимо произвести углубленную декомпозицию затрат на ошибки, а именно: определить виды ошибок, их последствия, диапазон ущерба, мероприятия коррекции и предупреждения ошибок, а также степень влияния ошибки.

Влияние ошибки на деятельность предприятия оценивается экспертом в области охраны труда и изменяется в диапазоне от 1 до 10 баллов (с шагом 1). Чем больше степень влияния ошибки на деятельность организации, тем соответственно большая степень влияния ей будет проставлена. В данной статье рассматривается следующее ранжирование степени влияния:

- ошибка влияет только на процесс охраны труда – от 1 до 3 баллов;
- ошибка влияет на деятельность других подразделений (не более трех) – от 4 до 6 баллов;
- ошибка влияет на деятельность более трех подразделений – от 7 до 10 баллов.

Рассмотрим пример углубленной декомпозиции некоторых затрат на внутренние и внешние дефекты применительно к выбранному процессу обеспечения жизни и здоровья персонала в процессе трудовой деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Углубленная декомпозиция затрат на внутренние и внешние дефекты процесса «Персонал предприятия»

Ошибка	Последствия ошибки	Диапазон ущерба, р.	Степень влияния	Мероприятия	
				коррекция	предупреждение
Невыполнение требований охраны труда	Потеря трудодней в результате ущерба здоровью	от 5000 до 11 000	4	– Проведение повторного инструктажа (обучения) и проверка знаний требований охраны труда	– Пересмотр программы (вопросов) проведения вводного и повторного инструктажей; – проверка осуществления контроля руководителями подразделений выполнения требований охраны труда; – централизованное информирование всех работников предприятия о произошедших несчастных случаях
	Нанесение вреда материальным ценностям	от 0 до 10 000 000	5	– Проведение повторного инструктажа (обучения); – проведение обучения (стажировки) по эксплуатации оборудования; – восстановление материальной ценности	– Пересмотр плана проведения вводного и повторного инструктажей; – проверка осуществления контроля руководителями подразделений выполнения правил безопасности; – пересмотр инструкций (русифицирование, более подробное описание действий) по работе с оборудованием

На четвертом этапе необходимо определить стоимость и ранг мероприятий по коррекции и предупреждению ошибок. Ранг мероприятия определяется экспертами в области анализируемого процесса, в данном случае тремя экспертами в области охраны труда (см. табл. 2). Итоговая оценка ранга мероприятия определяется путем суммирования оценок экспертов.

Таблица 2

Определение ранга мероприятий

Название мероприятия	Стоимость, р.	Оценка ранга		
		эксперт 1	эксперт 2	эксперт 3
Пересмотр программы (вопросов) проведения вводного и повторного инструктажей	28 000	9	4	5

Пятый и шестой этапы управления затратами на качество являются одними из самых важных, так как именно на этих этапах и происходит минимизация величины затрат и повышение эффективности воздействия мероприятий по устранению и предупреждению ошибок. В качестве основы для уменьшения общей суммы затрат взят японский опыт в сфере менеджмента качества [3], согласно которому увеличение затрат на предупреждение приведет к снижению затрат на внутренние и внешние дефекты. Для того чтобы эта методика имела больший эффект, необходимо определить силу связи между отдельными категориями затрат, ведь в таком случае вложение одного и того же объема средств в разные направления затрат принесет различный эффект.

Для определения взаимосвязи между отдельными видами затрат были снова привлечены эксперты в сфере охраны труда. Было установлено, что, например, на затраты по временной нетрудоспособности влияет 10 видов затрат на предупреждение и 4 вида затрат на оценку и контроль. Подобным образом установлена зависимость между всеми видами затрат на дефекты и затрат на предупреждение и контроль.

Так как в выбранном процессе обеспечения жизни и здоровья персонала в трудовой деятельности не имелось достаточного объема статистических данных для определения силы связи между видами затрат с использованием классических математических методов обучения «с учителем» (многослойные нейронные сети, регрессионный анализ, вейвлет-анализ и др.), принято решение использовать элементы нечеткой логики. Например, переменную «затраты на проведение мероприятий по улучшению условий труда» можно представить в следующем виде:

$x_6 = \langle \langle \text{Затраты на проведение мероприятий по улучшению условий труда} \rangle \rangle$,

$$\{ \langle \text{малые} \rangle \mu_{\text{малые}}(x_6) = 0,5 + 0,5 \cos\left(\frac{x - 500000}{1256000 - 500000} \pi\right),$$

$$\langle \text{средние} \rangle \mu_{\text{средние}}(x_6) = e^{-\frac{(x-1600000)^2}{2 \cdot 356700^2}},$$

$$\langle \text{большие} \rangle \mu_{\text{большие}}(x_6) = e^{-\frac{(x-2500000)^2}{2 \cdot 356700^2}} \}, [500000, 2500000] \rangle.$$

Эта лингвистическая переменная состоит из трех нечетких переменных: «малые затраты» (описаны Z-образной функцией принадлежности), «средние затраты» (описаны экспоненциальной функцией), «большие затраты» (описаны S-образной функцией принадлежности). Кроме того, по каждой из переменных определяется диапазон изменения ее значений.

Выявленные ранее зависимости между видами затрат были преобразованы в базу знаний, состоящую из 64 продукционных правил.

Целевой функцией в данном случае является минимизация общей величины затрат путем перераспределения вложений между затратами на предупреждение:

$$F(x, y) = \sum_{i=1}^n x_i + \sum_{j=1}^m y_j \rightarrow \min,$$

где $x = [x_1, x_2, \dots, x_n]$ – затраты на предупреждение и контроль; n – количество статей затрат на предупреждение; $y = [y_1, y_2, \dots, y_m]$ – затраты на внутренние и внешние дефекты; m – количество статей затрат на внутренние и внешние дефекты.

При этом на систему наложен ряд ограничений:

$$\begin{cases} \sum_{j=1}^m y_j \rightarrow 0 \\ \forall x_i \geq 0, i = \overline{1, n} \end{cases}.$$

Шестой, заключительный этап методики можно описать с помощью следующей математической модели:

$$F(z) = \sum_{k=1}^l z_k \rightarrow \max,$$

где $z = [z_1, z_2, \dots, z_l]$ – ранг мероприятия; l – количество проводимых мероприятий.

При этом необходимо соблюсти следующее ограничение:

$$\sum_{k=1}^l b_k \leq S,$$

где $b = [b_1, b_2, \dots, b_l]$ – стоимость мероприятия; S – заданный бюджет на процесс.

Указанные математические модели реализованы в среде Visual Studio C#. Созданное программное обеспечение позволяет автоматизировать управление затратами на качество в процессе «Обеспечение жизни и здоровья персонала», спрогнозировать величину затрат на внутренние и внешние дефекты на основе введенных данных о затратах на предупреждение и контроль, а также предложить схему вложения в затраты на предупреждение, которая позволит максимально снизить общую величину затрат. Кроме того, разработанное программное обеспечение позволяет составить комбинацию наиболее эффективных мероприятий по коррекции и предупреждению ошибок (с учетом их влияния на процессы организации) на основе данных об их возникновении за отчетный период.

Описанный в данной статье инструмент в дальнейшем можно использовать для выявления взаимосвязи между видами затрат, относящихся к разным процессам, что позволит создать единую систему связи между затратами организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко, С. Три с половиной способа повышения эффективности предприятия / С. Гончаренко. – Режим доступа: [http://www.rb-edu.ru/library/articles/articles_9312.html].
2. ГОСТ Р 52380.2-2005. Руководство по экономике качества. Модель предупреждения, оценки и отказов. – Введ. 2005-09-30. – М.: Стандартинформ, 2005. – 15 с.
3. Кравченко, К. С. Совершенствование системы учета затрат на качество / К. С. Кравченко // Проблемы современной экономики и институциональная теория: материалы науч.-практ. и студенческой конференции. – Донецк: ДонНТУ, 2006.
4. Некрасова, М. Г. Нечеткое моделирование и оптимизация затрат на качество в процессе охраны труда на основе государственного стандарта «Руководство по экономике качества. Модель предупреждения, оценки и отказов» / М. Г. Некрасова, А. А. Магола, Д. С. Магола // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. Науки о природе и технике. – 2012. – № III-1(11). – С. 37-46.

Кудрякова Н. В.
N. V. Kudryakova

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СХЕМЕ «СТУДЕНТ – ВУЗ – ПРЕДПРИЯТИЕ»

STUDENT – UNIVERSITY – FACTORY: IS OUR HIGHER SPECIALIST TRAINING EFFECTIVE?

Кудрякова Надежда Валерьевна – доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681017, Комсомольск-на-Амуре, ул. Гагарина, д. 19, кв. 45; 8(4217)55-41-97. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Ms. Nadezhda V. Kudryakova – Associate Professor, Department of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 19-45, Gagarin Str., Komsomolsk-on-Amur, 681017; +7 (4217) 554197. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Аннотация. В статье приведены результаты исследования на предмет соответствия компетенций и уровня подготовки специалистов со стороны работодателя компетенциям, формируемым в процессе обучения. Рассматривается проблема оценки подготовленности специалистов. Приведен алгоритм, позволяющий соотнести ожидаемые и формируемые компетенции, и результаты его применения. Основная часть работы посвящена роли Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета как одного из главных поставщиков высококвалифицированных кадров для предприятий Хабаровского края.

Summary. The paper presents the results of a study on how the competencies and qualifications provided to students at a university correspond to what employers expect their future personnel to have. I consider the problem of the assessment of university graduates' qualifications. Most of the work focuses on the role of Komsomolsk-on-Amur State Technical University as one of the main suppliers of highly qualified personnel to the enterprises of the Khabarovsk Region.

Ключевые слова: подготовка специалистов, современное высокотехнологичное производство, профессиональные компетенции, кадровая наполненность предприятий, потребности рынка труда, производственная эффективность выпускников, эффективность кадровой политики.

Key words: specialist training, modern high-technology production, professional competencies, manning, labour market needs, university graduates' performance at work, personnel policy effectiveness.

УДК 331 (571.6)

Современное конкурентоспособное производство характеризуется быстрой переналадкой производственных мощностей для выпуска новой продукции, сокращенным временем технологической подготовки производства, использованием современного высокотехнологичного оборудования, и, что самое главное, наличием персонала, готового воспринять все вышеперечисленные факторы, видеть перспективы развития и реализовать свой творческий и трудовой потенциал на достижение поставленных целей.

Требования современного высокотехнологичного производства, предъявляемые работнику, заключаются в наличии комплекса знаний, умений и практического опыта, который формируется по итогам обучения в вузе и опыта решения конкретных производственных задач на практике. Работник предприятия должен обладать знанием особенностей не только своего труда, но и труда смежных работников, поскольку он либо создает для них проект, либо поль-

зуются результатами их деятельности. Это позволит ему в значительной степени оптимизировать свою деятельность, избежать многих ошибок и сократить время на доработки, неизбежные в процессе совместной конструкторско-технологической деятельности [4].

В современных условиях для трудоустройства студентов университет очень активно контактирует с производственными центрами. Эта связь очень важна как предприятиям, так и образовательным учреждениям, однако не всегда желаемое количество специалистов на заводе продолжает работать по специальности, полученной в учебном заведении.

ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» является одним из главных поставщиков высококвалифицированных кадров для предприятий Хабаровского края. С первого курса у студентов формируются не только профессиональные навыки и знания, но и востребованные на сегодняшний день профессиональные компетенции. Овладевая этими компетенциями, выпускник получает более высокую конкурентоспособность на рынке труда по сравнению с выпускниками других вузов Хабаровского края.

Содержание основной образовательной программы подготовки специалиста по направлению 160100.65 – «Самолето- и вертолетостроение» в соответствии с ФГОС ВПО предусматривает подготовку по нескольким видам профессиональной деятельности. В проектно-конструкторской деятельности будущие специалисты авиастроения должны быть готовы к решению сложных инженерных задач с использованием базы знаний математических и естественнонаучных дисциплин, уметь разрабатывать проекты изделий летательных аппаратов и их систем на основе системного подхода к проектированию авиационных конструкций, иметь навыки в общении с нормативно-технической документацией и владеть методами контроля.

Производственно-технологическая деятельность специалиста должна содержать: способность разрабатывать документацию по менеджменту качества технологических процессов на производственных участках; способность к организации рабочих мест, их техническому оснащению и размещению на них технологического оборудования; владение методами контроля соблюдения экологической безопасности.

Экспериментально-исследовательская деятельность содержит: готовность к подготовке и проведению экспериментов и анализу их результатов; способность разрабатывать и проектировать экспериментальное оборудование и стенды для проведения исследований.

Организационно-управленческая деятельность содержит: способность организовывать работу малых коллективов; готовность к выполнению работ по стандартизации и подготовке к сертификации технических средств, систем и оборудования.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет в рамках научной темы «Разработка модели и технологии прогнозирования структуры и масштабов потребностей различных отраслей экономики региона в специалистах с разным уровнем профессионального образования» провел исследование на предмет соответствия компетенций и уровня подготовки, ожидаемых работодателем, компетенциям, формируемым в процессе обучения специалиста.

На начальном этапе исследования был проведен опрос сотрудников КнААЗ с целью получения данных о соответствующих требованиях готовности специалистов. Анализ анкетирования показал коэффициент значимости профессиональных компетенций и образовательных дисциплин (табл. 1).

По мнению специалистов завода, гуманитарные, социальные и экономические дисциплины должны быть включены в учебную программу на базовом уровне в виде теоретических знаний, в то время как основной акцент должен быть сделан на математических и естественнонаучных дисциплинах. Инженерно-компьютерным дисциплинам, включающим в себя компьютерную графику, компьютерный инженерный анализ, специальные компьютерные технологии, также должно уделяться больше часов, чтобы специалист умел правильно проектировать виртуальные модели агрегатов самолёта. И наиболее подробно должны пре-

подаваться предметы по профессиональным дисциплинам, обязательно сопровождающиеся производственной практикой. Таким образом, добиться повышения уровня квалификации выпускаемых специалистов возможно только при условии повышения уровня тех компетенций и изучения тех дисциплин, которые реально нужны производству.

Таблица 1

Коэффициенты значимости профессиональных компетенций
и образовательных дисциплин

Компетенции и дисциплины	Коэффициент
Профессиональные компетенции	7,85
Проектно-конструкторская деятельность	9,5
Производственно-технологическая деятельность	9,15
Экспериментально-исследовательская деятельность	7,25
Организационно-управленческая деятельность	6,5
Гуманитарные, социальные и экономические дисциплины	6,45
Математические и естественнонаучные дисциплины	8,45
Инженерно-компьютерные дисциплины	8,8
Профессиональные дисциплины	10,0

На втором этапе исследования был проведен опрос преподавателей выпускающих кафедр самолетостроительного факультета, который позволил определить перечень наиболее важных компетенций, которыми должен владеть будущий специалист. Также определены дисциплины, позволяющие сформировать эти компетенции.

В результате сопоставления полученных данных можно сделать вывод о том, что мнения преподавателей и руководителей практически совпадают: специалист, находясь на производстве, должен проявлять высокий уровень по профессиональным, математическим и естественнонаучным дисциплинам, а также должен быть ознакомлен с проектно-конструкторской деятельностью (см. рис. 1), в то время как все другие дисциплины должны осваиваться только на ознакомительном уровне. Единственное весомое отличие заключается в отношении к производственно-технологической деятельности. Так, преподаватели видят своих студентов на руководящих должностях, в то время как представители завода уверены, что высококвалифицированный специалист – это также и высококвалифицированный рабочий.

Третьим этапом в проведенном исследовании был опрос студентов старших курсов, обучающихся по направлению «Самолето- и вертолетостроение», с целью выявления их заинтересованности работать по своей специальности, что привело к следующим выводам: 70 % опрошенных студентов заинтересованы в работе на предприятии, но хотели бы видеть улучшение условий труда, будь то заработная плата или рабочая атмосфера (в том числе сплоченность коллектива). В качестве ориентира были выбраны западные авиационные компании (Airbus, Boeing), где, по мнению опрошенных, условия для производства гораздо лучше; 25 % студентов не имеет желания устраиваться на Комсомольский-на-Амуре авиационный завод и, наконец, 5 % студентов считают авиационное производство неперспективной отраслью.

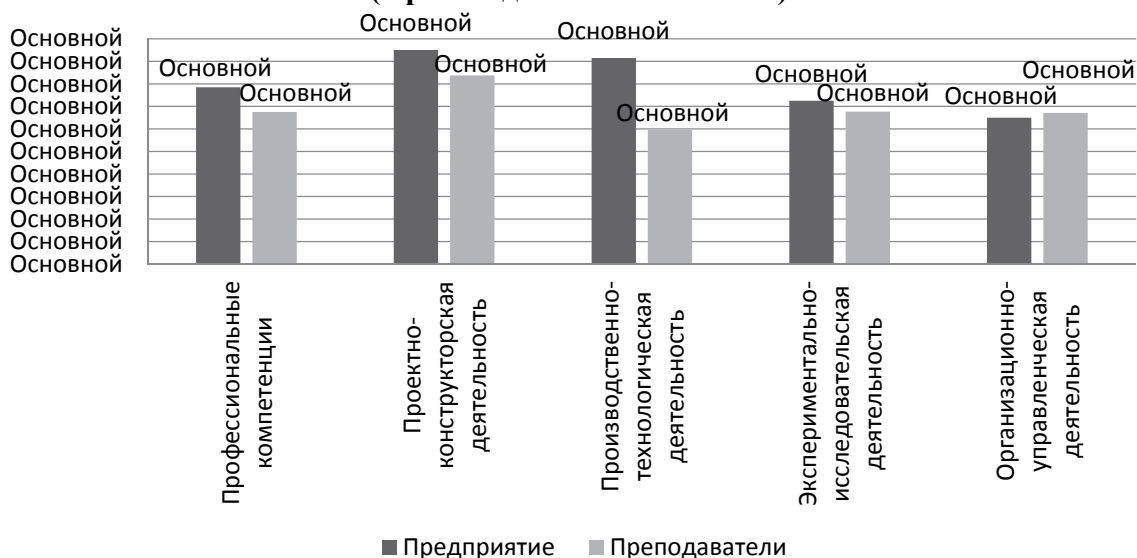
Замечания старшекурсников можно считать обоснованными, так как многие из них уже работают на заводе и принимают непосредственное участие в производственных процессах.

Таким образом, анализ эффективности подготовки специалистов показал, что при разработке образовательной программы, формировании перечня компетенций и оценке результатов образовательного процесса целесообразно опираться на следующий алгоритм [2; 3]:

1. Определение потребностей предприятия в специалистах.

2. Описание академического и профессионального профиля подготовки специалиста (на уровне ФГОС ВПО и стандартов деятельности, разработанных кадровыми службами) и формирование вузом компетентностной модели подготовки специалиста.
3. Идентификация результатов обучения.
4. Выявление общекультурных и профессиональных компетенций.
5. Разработка модулей, организационных форм, оценочного инструментария.
6. Выработка процедур и способов обеспечения качества обучения (наблюдение, оценивание, корректировка).
7. Оценка уровня профессиональной компетентности специалиста.

Ожидаемая квалификация выпускников (Производственные навыки)

Ожидаемая квалификация выпускников (Дисциплины)

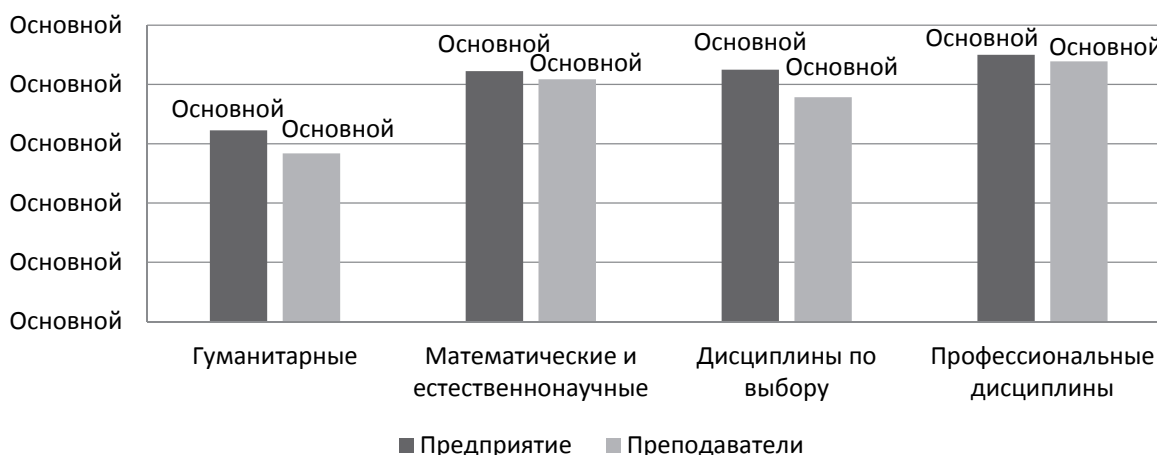

Рис. 1. Ожидаемая квалификация выпускников

Реализация представленного алгоритма, на наш взгляд, способствует:

1. Повышению спроса со стороны предприятия на специалистов данного направления подготовки.
2. Снижению затрат предприятия на профессиональную переподготовку кадров.
3. Повышению востребованности выпускников на рынке труда.

4. Приведению в соответствие фактических результатов обучения выпускников реальным требованиям, предъявляемым на производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 160100 Самолёто- и вертолётостроение. – М.: Минобрнауки России, 2010. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/m2054.html.
2. Кудрякова, Н. В. Оценка экономической эффективности инвестиций в систему профессионального образования / Н. В. Кудрякова, Б. В. Смирнов. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 143 с.
3. Федорова, Ж. В. Компетентностный подход при подготовке отраслевых специалистов / Ж. В. Федорова // Современное образование: актуальные проблемы профессиональной подготовки и партнерства с работодателем: материалы междунар. науч.-методической конф. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2014. – С. 135.
4. Куделько, А. Р. Кластерный подход к системе подготовки кадров для территориального инновационного кластера авиа- и судостроения дальневосточного региона / А. Р. Куделько, А. В. Космынин, Д. Г. Колыхалов // Морские интеллектуальные технологии. – 2014. – № 1 (23). – С. 11-14.

Усанов Г. И., Усанов И. Г.
G. I. Usanov, I. G. Usanov

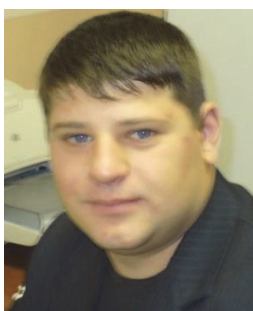
МОНИТОРИНГ РЫНКА ТРУДА ПРОМЫШЛЕННОГО ЦЕНТРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

LABOR MARKET MONITORING: THE FAR EASTERN INDUSTRIAL CENTER

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8-914-773-1993. E-mail: Usanov_G@mail.ru

Mr. Gennady I. Usanov – Dr.habil. of Economics, Professor, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013; + 7 (914) 7731993. E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент и организация промышленного производства» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; 8-914-177-4127. E-mail: Ilya_usanov1@mail.ru

Mr. Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management and Industrial Engineering, Komsomolsk-on-Amur Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013; + 7 (914) 1774127. E-mail: Ilya_usanov1@mail.ru.

Аннотация. В статье изложены результаты мониторинга состояния рынка труда г. Комсомольска-на-Амуре. Приведены показатели, характеризующие динамику изменений численности населения, спроса и предложения. Выявлены негативные тенденции и пути их решения.

Summary. The paper offers the results of a labour market monitoring study in the city of Komsomolsk-on-Amur. We suggest a range of parameters which characterize the dynamics of change in population size, in demand and supply. We also reveal certain negative trends and outline ways of overcoming them.

Ключевые слова: рынок труда, население Дальнего Востока России, занятость, безработица.

Key words: labor market, population of the Far East of Russia, employment, unemployment.

УДК 331.5 (571.6)

В условиях трудodefицитного региона все возрастающее значение для развития предприятий различных форм собственности приобретает человеческий фактор, который сегодня становится важнейшим ресурсом предприятия, основой его функционирования, развития и конкурентоспособности.

В свете решений Правительства РФ об ускоренном развитии Дальнего Востока проблемы кадрового обеспечения региона и его промышленно-индустриального центра в г. Комсомольске-на-Амуре становятся особенно актуальными.

Комсомольск-на-Амуре – один из самых крупных индустриальных центров Дальнего Востока, центр промышленной агломерации, включающий город-спутник Амурск, а также более десяти населённых пунктов городского и сельского типов. Производственный потенциал города сосредоточен в высокотехнологичных отраслях машиностроения, таких как

авиастроение, судостроение, производство подъемно-транспортного и литейного оборудования, чёрной металлургии, нефтеперерабатывающей промышленности, электро- и теплоэнергетики. Отличительной особенностью промышленности является высокий удельный вес обрабатывающих отраслей и оборонных производств.

По численности населения на конец 2013 г. город Комсомольск-на-Амуре с числом жителей 257 891 чел. занимает четвертое место на Дальнем Востоке после Владивостока (600 378 чел.), Хабаровска (593 636 чел.) и Якутска (286 456 чел.). На его долю приходится пятая часть населения Хабаровского края, в том числе треть горожан.

Основной движущей силой роста численности населения, начиная с 1932 г., долгие годы была организованная миграция. Строить новый город ехали тысячи переселенцев, вольнонаемных, заключенных, комсомольцев и военных со всей огромной страны.

Однако с 1993 г. наблюдается устойчивая тенденция к снижению численности населения со среднегодовыми темпами сокращения 2,5 тыс. чел./год. При этом поводов для стабилизации численности пока не наблюдается (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика численности населения г. Комсомольска-на-Амуре

Проведённый анализ показал, что люди из г. Комсомольска-на-Амуре и более мелких городов и поселений края переезжают либо в столицу региона – город Хабаровск (см. рис. 2), либо выезжают за его пределы.

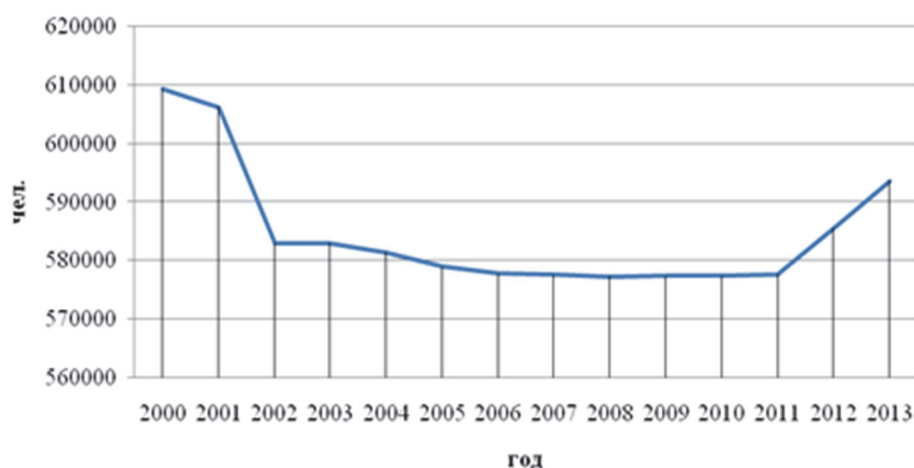

Рис. 2. Динамика численности населения г. Хабаровска

Несмотря на наметившуюся положительную тенденцию в изменении численности населения в г. Хабаровске, для Хабаровского края в целом характерна также отрицательная динамика численности населения (см. рис. 3).

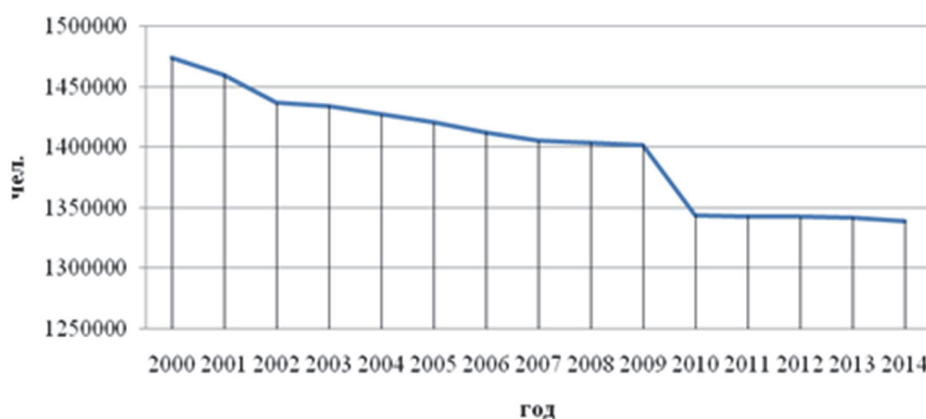

Рис. 3. Численность населения Хабаровского края

В целом, Дальний Восток за истекший постперестроечный период потерял более 1 млн чел., а Комсомольск-на-Амуре – около 50 тыс. чел. в частности.

Общее состояние рынка труда в городе характеризуется показателями спроса и предложения на рабочую силу. Исследование динамики спроса и предложения было проведено с использованием официальных статистических данных Центра занятости населения города Комсомольска-на-Амуре. На рис. 4 приведена динамика спроса на рабочие места на рынке трудовых ресурсов города.

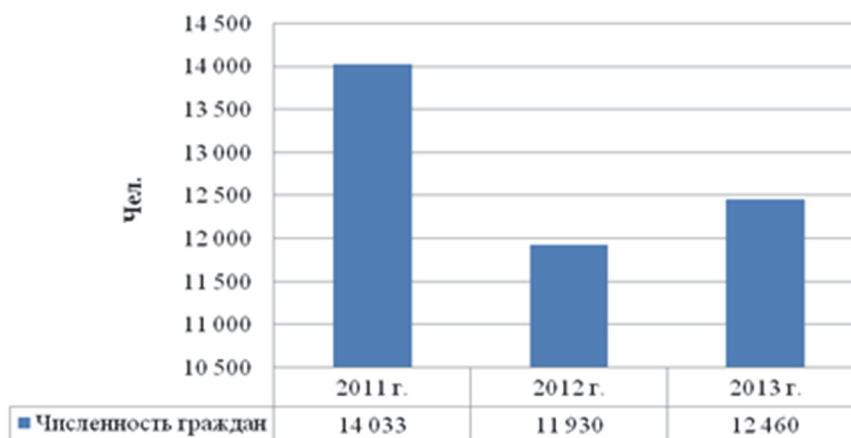

Рис. 4. Динамика спроса на рабочие места в период 2011 – 2013 гг.

Ежегодный средний кадровый резерв города, исчисленный за период 2001 – 2013 гг., составляет около 12,8 тыс. чел./год. Именно столько граждан ежегодно обращались в Центр занятости за содействием в поиске подходящей работы. При этом около 10 % обратившихся (2,5 тыс. чел) имели работу, но желали сменить место работы, и лишь около 10 тыс. чел. относились к категории «безработных».

Структура гендерного спроса на рабочие места на рынке труда такова, что доля мужчин, нуждающихся в рабочих местах, ежегодно преобладает и в 2013 г. составила 6855 чел., а женщин 5 605 чел.

Возрастная структура безработных и желающих сменить место работы, а также её динамика приведены на рис. 5, а динамика структуры предложения рабочей силы по уровню образования – на рис. 6.

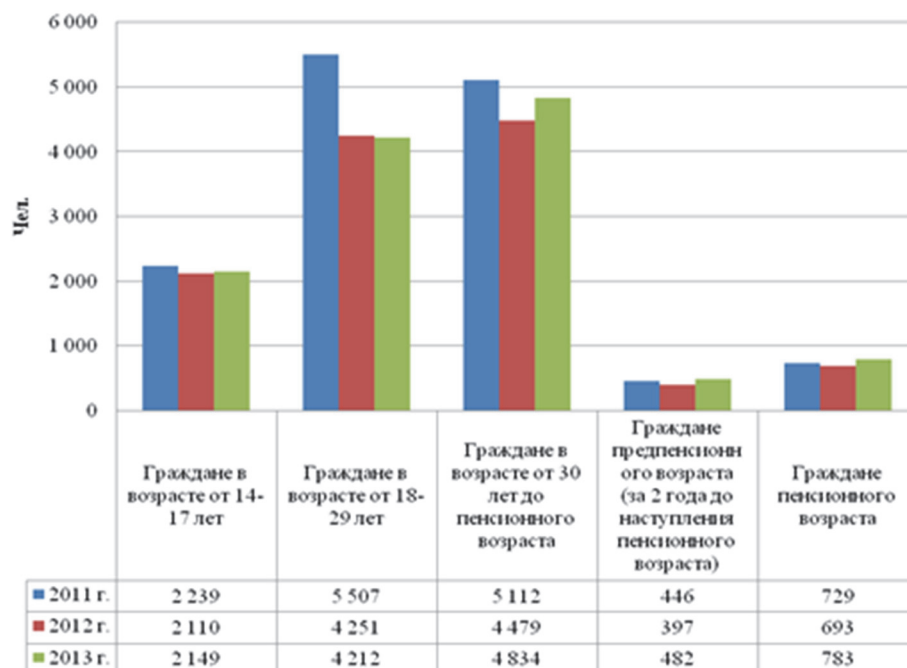

Рис. 5. Динамика возрастной структуры спроса на рабочие места

Около 10 % временно безработных (кадрового резерва) ежегодно нуждаются в различных программах обучения, переподготовки и повышения квалификации. Однако сложившаяся система конкурсного отбора образовательных организаций приводит к тому, что конкурсы, как правило, выигрывают предпринимательские структуры, у которых нет ни соответствующей материальной, методической базы и кадрового обеспечения. В то же время государственно аккредитованные образовательные учреждения, в том числе ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», несмотря на многократное превосходство по ключевым показателям образовательной деятельности, не в состоянии выдержать ценовую конкуренцию.

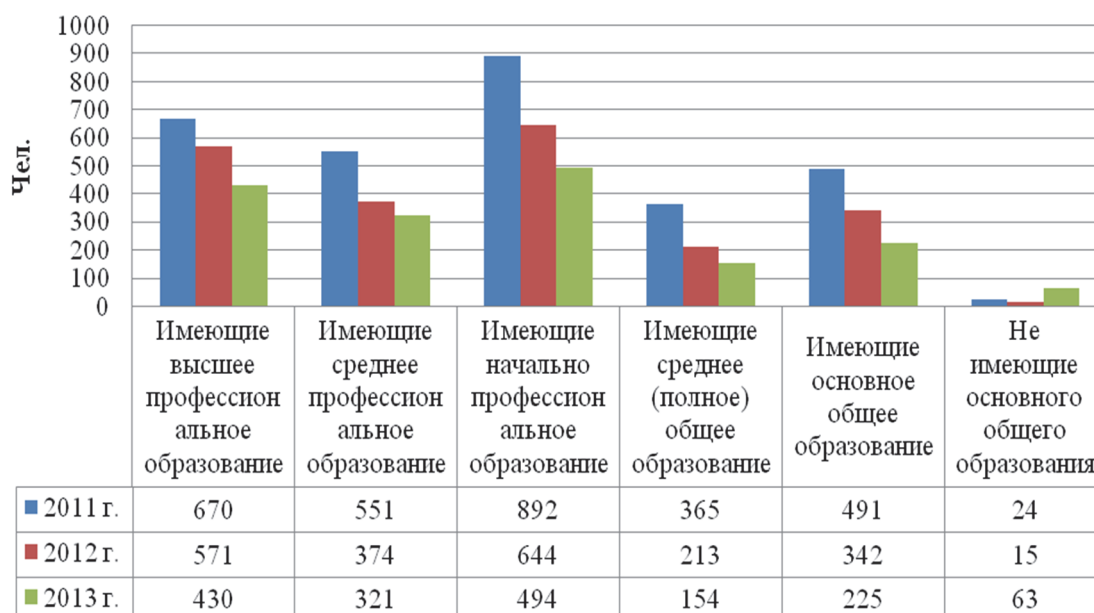

Рис. 6. Динамика предложения рабочей силы по уровню образования

Спрос рынка труда на рабочую силу со стороны работодателей за анализируемый период в 2011 и 2013 гг. составил 26 тыс. чел., а в 2012 г. – 30 тыс. чел. Таким образом, среднегодовой спрос рынка труда на рабочую силу составляет 27,3 тыс. чел./год. Падение спроса в 2013 г. обусловлено в основном снижением численности работодателей, которые прекратили собственную предпринимательскую деятельность.

Максимальную потребность в работниках испытывают обрабатывающие производства: в 2011 г. – 6239 чел., 2012 г. – 9144 чел. и в 2013 г. – 6037 чел. При этом количество работодателей в этой отрасли за анализируемый период сократилось со 108 до 97.

Второе место по формированию предложений рабочих мест занимает строительство. В 2011 г. 133 работодателя этого вида деятельности испытывали потребность в 4219 чел. В 2013 г. численность работодателей в этой отрасли сократилась до 124, а потребность в работниках – до 3997 чел.

В сфере оптовой и розничной торговли, а также услуг по ремонту автотранспортных и бытовых приборов количество работодателей также сократилось с 320 в 2011 г. до 309 в 2013 г. Соответственно сократилась и потребность в персонале с 3276 чел. в 2011 г. до 2603 чел. в 2013 г.

Образование, коммунальное хозяйство, операции с недвижимым имуществом ежегодно испытывают потребность в работниках в количестве около 2000 чел./год по каждому виду деятельности.

Организации транспорта, связи, сельского и лесного хозяйства, а также здравоохранения и социального обслуживания ежегодно испытывают нехватку кадров в размере более 1000 чел./год по каждому виду деятельности.

В сфере рыболовства и рыбоводства потребность в дополнительном персонале в 2011 г. первоначально составляла 169 чел., в 2012 г. она возросла до 647 чел., а в 2013 г. – до 839 чел.

В гостиничном бизнесе и общественном питании потребность в дополнительном персонале в 2011 г. составляла 1082 чел., а в 2013 г. она сократилась до 800 чел. вследствие сокращения числа работодателей с 67 (2011 г.) до 55 (2013 г.).

В сфере государственного управления, социального обеспечения и обеспечения военной безопасности потребность в дополнительном персонале 41 организации этой сферы возросла с 448 чел. в 2011 г. до 785 чел. в 2013 г.

Возросла также потребность в персонале организаций по производству и распределению электроэнергии, газа и воды. В 2011 г. потребность 11 организаций этой сферы составляла 259 чел., в 2013 г. число этих организаций возросло до 13, а их суммарная потребность – до 664 чел.

Минимальные трудности с кадровым обеспечением испытывают организации финансовой сферы. В период с 2011 по 2013 гг. их число на муниципальном рынке увеличилось с 17 до 23, при этом потребность в персонале сократилась со 166 чел. (2011 г.) до 140 чел. (2013 г.).

Таким образом, совокупный спрос на дополнительные трудовые ресурсы со стороны работодателей на конец 2013 г. возрос до 25 949 чел./год, а предложение рынка труда за аналогичный период составило лишь около 10 тыс. чел./год. Дефицит трудовых ресурсов на муниципальном рынке уже сейчас составляет более 50 % потребности предприятий и организаций, а при дальнейшем росте деловой активности хозяйствующих субъектов будет нарастать.

Для преломления этой негативной тенденции органам государственного управления национального, регионального и территориального уровней необходимо разработать меры государственного регулирования, направленные на сокращение миграционных оттоков.

В свою очередь, предприятия, учреждения и организации города должны разработать и реализовать собственную кадровую политику, направленную на эффективное использование трудовых ресурсов и внедрение прогрессивных трудосберегающих технологий.

Егурнова А. А.
A. A. Egurnova

**ПЕТРУНИНА Ж. В., КИРЕЕВ А. А., КУЗЬМИН А. Ю. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ.
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2012. 120 С.**

**PETRUNINA Zh.V., KIREEV A.A., KUZMIN A.Ju. SOVREMENNAJA SISTEMA
MEZH DUNARODNYH OTNOSHENIJ V VOSTOCHNOJ AZII: UChEB. POSOBIE. –
KOMSOMOLSK-NA-AMURE: FGBOU VPO «KNAGTU», 2012. – 120 S.
(ZH.V. PETRUNINA, A.A. KIREEV, A.Y. KUZMIN. THE PRESENT SYSTEM
OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE EASTERN ASIA. A HANDBOOK.
KOMSOMOLSK-ON-AMUR UNIVERSITY PUBLISHING, 2012. 120 P.)**

Учебное пособие «Современная система международных отношений в Восточной Азии» представляет собой научный труд, который явился результатом кропотливой работы над большим фактическим материалом по актуальной региональной тематике – взаимодействию между государствами Восточной Азии (Российской Федерации (Дальний Восток), Китайской Народной Республики, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея).

Рецензируемое учебное пособие было выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. и рекомендовано УМО по образованию в области подготовки педагогических кадров в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 050100.62 – «Педагогическое образование».

Авторы данной книги обращают внимание читателей на широкий круг насущных острых вопросов, а именно: на интеграционные процессы, региональные конфликты, политику Российской Федерации, усиление позиций Китайской Народной Республики, позицию Японии в региональной политике, проблемы Корейского полуострова и перспективы их разрешения.

Пособие состоит из шести разделов, в конце каждого из которых приводится список рекомендуемых документальных источников для более углубленного изучения пройденного материала; предлагаются темы семинарских занятий, темы рефератов с подробными методическими рекомендациями по их написанию и глоссарий наиболее важных терминов. Кроме того, все разделы снабжены приложениями – извлечениями из оригинальных исторических документов: различных деклараций, дополнительных соглашений и договоров о безопасности, взаимовыгодном сотрудничестве на море и суше.

Большое внимание в рецензируемой работе уделяется экономическому взаимодействию стран, оказывающих значительное влияние на развитие современной цивилизации. Подробно описываются внутри- и внерегиональные интеграционные процессы. В частности, подчеркивается немаловажная роль неформальных экономических и политических форумов (экономический и газовый форумы СВА (Северо-Восточной Азии), Байкальский экономический форум, политические форумы «Диалог сотрудничества» и Совет по проблемам безопасности и сотрудничества в Тихоокеанской Азии), крупномасштабных проектов строительства нефте- и газопроводов, прокладки Транскорейской железной дороги. Тем не менее авторы подчеркивают, что внерегиональные процессы выглядят более успешными и уже

имеют реальные результаты (региональный форум АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), форум АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество)).

Вместе с тем содержательно и исчерпывающе раскрывается роль и политика Российской Федерации в системе международных отношений со странами Восточной Азии. В хронологическом порядке описываются отношения с каждой из стран региона, основные цели и задачи Российской Федерации в отношении обеспечения долгосрочных экономических и политических интересов, а также комплексной безопасности нашей страны. Отмечается и главный сдерживающий фактор, препятствующий расширению проникновения российского влияния в регионе, но который, несомненно, будет решен в ближайшем будущем, – слабое развитие Сибири и Дальнего Востока в плане инфраструктуры, а также недостаток человеческих ресурсов.

Импонирует тот факт, что пособие не только написано доступным языком и аргументированно раскрывает ключевые проблемы Восточной Азии, но и объективно, беспристрастно излагает сущность региональных конфликтов (конфликтов на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе, Российско-японский территориальный спор, территориальный спор в Южно-Китайском море), тем самым способствуя формированию у студентов адекватного, толерантного мнения и отношения в целом к наиболее существенным процессам, происходящим в близлежащих странах, и, соответственно, к населению этих стран.

В целом авторы книги проделали огромную работу по сбору фактического материала, выделению основной информации, необходимой для полноценного понимания сложившейся ситуации в Восточной Азии, а также ее организации в тематические разделы, удобные для восприятия и усвоения.

Пособие может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы при изучении курсов «Новейшая история зарубежных стран», «Современные международные отношения», «История Дальнего Востока», а также быть полезным широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития взаимоотношений стран Восточной Азии на современном историческом этапе.

Чибисова О. В.
O.V. Chibisova

ШУНЕЙКО А. А., АВДЕЕНКО И. А. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ КОММУНИКАЦИИ: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ФГБОУ ВПО «КНАГТУ», 2014. – 134 С.

SHUNEJKO A. A., AVDEENKO I. A., VVEDENIE V TEORIJU KOMMUNIKACII : UCHEB. POSOBIE –KOMSOMOLSK-NA-AMURE: FGBOUVPO «KNAGTU», 2014. – 134 S. (SHUNEYKO A.A., AVDEENKO I.A., INTRODUCTION TO COMMUNICATION THEORY. KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2014. – 134 Pp.)

Чибисова Ольга Владимировна – доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Ленина, 27, КнАГТУ, кор. 4, ауд. 322; +7 (4217) 27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, 27/4 Lenin Str., apt. 332, Komsomolsk-on-Amur; +7 (4217) 276200. E-mail: olgachibisova@yandex.ru.

В век бурного развития информационных и коммуникационных технологий, когда общаются все и вся, сама постановка вопроса о том, что необходимы специальные курсы по обучению коммуникации, может многим показаться излишней, тем более, если речь идет о подготовке специалистов-лингвистов. Действительно, обучение студентов лингвистических специальностей различным аспектам коммуникации ведется в рамках таких дисциплин, как фонетика, грамматика, практикум по культуре устной и письменной речи, основы теории межкультурной коммуникации, социолингвистика, психолингвистика, риторика и ряда других. Авторы учебного пособия «Введение в теорию коммуникации» А.А. Шунейко и И.А. Авдеенко, выпущенного редакционно-издательским отделом Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» в 2014 г., уверены в насущной необходимости специального обучения основам эффективной коммуникации. Они постулируют, что в отличие от лингвистических дисциплин, имеющих дело с фонемами, лексикой, предложениями и тестами, то есть языковыми и речевыми единицами, теория коммуникации фокусируется на стратегиях, тактиках, стереотипах, сценариях и приемах, являющихся коммуникативными единицами. Без способности распознавать эти единицы и адекватно реагировать на них, человек беспомощен в процессе коммуникации, по образному выражению авторов пособия, он «похож на щепку в водовороте разнонаправленных потоков речей и сообщений, которую бросает из стороны в сторону и уносит в неизвестном направлении к неведомому финалу». Более того, независимо от уровня и вида коммуникации указанные коммуникативные единицы одновременно реализуют и сами себя, и друг друга в каждом конкретном акте речи, втягивая говорящего в самоорганизующееся информационно-коммуникативное пространство.

С учетом всего вышесказанного появление такого учебного пособия, как «Введение в теорию коммуникации» авторов А.А. Шунейко и И.А. Авдеенко, является своевременным, насущным и востребованным.

Пособие построено на авторской методике формирования целого ряда компетенций, оговоренных в федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки 035700 – «Лингвистика» (квалификация (степень) «бакалавр»). К их числу можно отнести, к примеру, следующие: обладает

навыками коммуникации, обеспечивающими адекватность социальных и профессиональных контактов (ОК-3); имеет представление о типичных сценариях взаимодействия (ПК-2); владеет основными дискурсивными способами реализации коммуникативных целей высказывания применительно к особенностям текущего коммуникативного контекста (ПК-3); обладает готовностью преодолевать влияние стереотипов (ПК-7).

Структура пособия предполагает последовательное освоение материала и предоставляет возможность изучающим его проверить приобретенные знания. Учебный курс разбит на три основных модуля: основные понятия теории коммуникации, коммуникативные стереотипы и сценарии информационно-коммуникативных событий.

Первый модуль дает определение коммуникативной ситуации и характеризует ее обязательные и факультативные компоненты (источник, приёмник, канал коммуникации, средства коммуникации, шум, фон и посредник). Кроме того, он знакомит студентов с множеством других понятий, которые широко применяются в традиционной коммуникативистике для описания процесса коммуникации, таких как фрейм, дискурс, ролевое поведение, виды социальной и ценностной ориентаций, принципы организации и условия успешного общения, невербальные средства коммуникации и целый ряд других. Тем не менее, констатируют А.А. Шунейко и И.А. Авдеенко, эти понятия настолько разноаспектны и противоречивы по своей природе, что они не могут дать целостного представления о сути и характере процессов, протекающих в информационно-коммуникативном пространстве.

Чтобы восполнить этот пробел в теории коммуникации, авторы провели специальное исследование большого количества инвариантных проявлений речевых форм и выявили базовую совокупность коммуникативных стратегий, стереотипов, сценариев, тактик и приёмов, которая их фиксирует. Второй и третий модули пособия посвящены подробному и четкому описанию этой совокупности. Мы намеренно не будем раскрывать их содержание, так как считаем, что читатели должны узнать все из уст самих авторов, которые смогли представить результаты серьезного теоретического исследования в доступной и занимательной форме, имеющей исключительно важное прикладное значение.

Скажем только, что в работе использована масса устойчивых выражений, фиксирующих практику речевого взаимодействия во всем её многообразии, таких как «Кушай варёное, да слушай говорёное!» или «Щи хлебай, да поменьше бай!». Привлекают внимание нетривиальные выводы, например, «любое крупное коммуникативное событие <...> завершается банкетом (что, по сути, является дрессировкой)». Очень поучительны примеры из художественной и эзотерической литературы: «После хорошего обеда можно простить кого угодно, даже своих родственников» (О. Уайльд). И полезны рекомендации по использованию: «Если вы собираетесь серьезно поговорить с человеком, предложите ему что-нибудь съесть или выпить».

Пособие структурировано таким образом, что может быть использовано не только для аудиторной, но и для самостоятельной работы, и, следовательно, оно может быть полезным не только студентам лингвистических специальностей, но и широкому кругу лиц, которые стремятся самостоятельно создавать и изменять информационно-коммуникативное пространство для достижения эффективной коммуникации.

Шунейко А. А.
A. A. Suneyko

**КРАПИВНИК Л.Ф. НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: МОНОГРАФИЯ. – ХАБАРОВСК:
ИЗД-ВО ТИХООКЕАН. ГОС. УН-ТА, 2014. – 136 С.**

**KRAPIVNIK L.F. NEJAZYKOVYE SREDSTVA PREDSTAVLENIIJA LINGVISTICH-
ESKOGO ZNANIJA: MONO-GRAFIJA. – HABAROVSK: IZD-VO TIHOOKEAN. GOS.
UN-TA, 2014. – 136 S. (KRAPIVNIK L.F. NON-VERBAL MEANS OF LINGUISTIC
KNOWLEDGE PRESENTATION: A MONOGRAPH. – Khabarovsk, The Pacific
University Publishing, 2014, 136 pp.)**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr.habil. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Визуализация – одна из важнейших ментальных процедур, определяющих характер, эффективность, структурные особенности мыслительной деятельности и её результатов, демонстрирующих специфику её протекания. Она последовательно представлена во всех сферах человеческого познания. В обыденном познании к ней прибегают, когда объясняют дорогу или пытаются что-то вспомнить. В художественном познании есть целые области, которые последовательно реализуют исключительно её: живопись, скульптура. В религиозном познании она часто является неотъемлемым атрибутом культа: иконы. В научном познании она повсеместно воплощается в виде схем и моделей. Визуализация присутствует на всех этапах когнитивной и творческой деятельности. Доказательством этого могут в равной мере служить и каляки-маляки ребёнка, постигающего мир, и рисунки в рукописях А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского, и модели атомов и ДНК. Функции визуализации многообразны. Наиболее значительные из них участвуют в обеспечении трёх процессов. Когнитивные процессы – с помощью визуального образа человек познаёт мир, делает его понятнее для себя, осмысливает его многообразие, открывает в нём новое. Процессы запоминания – рисунок используется для усвоения и закрепления в сознании важной информации. Процессы организации текста – визуальный образ служит структурным компонентом создания целостности того или иного текста. Во всех случаях визуализация – отражение особого способа работы с информацией, такого взаимодействия в формате коммуникативного пространства, когда человек пытается актуализировать максимум находящегося в его наличии семиотических средств.

При таком широком распространении (использовании) и сущностной важности собственно научного осмысления визуализации пока еще не достаточно. Отчасти это связано с тем, что исследование визуализации как знакового образования оказалось рассредоточенным между несколькими науками: искусствоведением, семиотикой, психологией и лингвистикой. У каждой из этих областей свой инструментарий и соответственно получаемые результаты оказывается сложно соотнести между собой. Единый феномен представляется раздробленным, выступая то как забава гения, то как результат предельного творческого напряжения, то как усилия популяризатора, то как нечто иное.

В этой ситуации тем более ценно осмысление визуализации в плане её взаимодействия с текстом. То есть такое осмысление феномена, при котором он воспринимается не в качестве отдельного и самостоятельного, а в качестве взаимодействующего с иными сред-

ствами в плане достижения единой коммуникативной задачи, реализации того или иного исследовательского замысла.

В монографии Л.Ф. Крапивник в качестве средств визуализации рассматриваются условные знаки и обозначения: таблицы, схемы, «формулы», «графики», «уравнения» и абстрактные рисунки, используемые в научных лингвистических текстах.

Очевидно, что в формировании смыслового поля текстов, имеющих различную стилевую принадлежность, наряду с языковыми единицами участвуют единицы иных семиотических регистров. Однако их функциональная нагрузка по отношению к процессам мыслепорождения и текстообразования, смысловыразительные возможности и характер взаимодействия с понятийными и языковыми структурами в различных процессах сейчас еще недостаточно выяснены. Книга содержательно охватывает именно эти вопросы, что характеризует её новизну.

Автор обоснованно сконцентрировал своё внимание на описании коммуникативно-прагматического и информативно-целевого потенциалов визуальных средств, которые самостоятельно или во взаимодействии с языковыми средствами участвуют в процессе научного речетворчества. Подробный детальный анализ особенностей функционирования этих единиц в научном тексте, позволивший получить всестороннее, комплексное и убедительное описание механизмов актуализации личностных смыслов и коммуникативных устремлений ученого – создателя конкретного текста, является несомненным достоинством монографии.

В теоретическом отношении особый интерес представляют по-новому увиденные неязыковые семиотические средства, участвующие в формировании смыслового поля научного текста, в том числе пространственного – графические формы, которые заимствуются лингвистикой из точных наук (формулы, графики, уравнения), а также авторские графические знаки («графические метафоры»), участвующие в пространственно-смысловой аранжировке научного текста. Неязыковые фрагменты текста, в интерпретации автора, иллюстрируют факты нелинейного восприятия и понимания информации письменного текста как динамически системной семиотической единицы.

Научный лингвистический текст в монографии представлен как поле взаимодействия различных метаязыков на основании того, что он аккумулирует в себе используемые в иных областях знания средства. Объединение этих неязыковых средств в одну квалификационную группу Л.Ф. Крапивник мотивирует наличием общих для них характеристик. Важнейшая из них – феноменальная способность заключать абстрактное содержание в своей внешней (пространственно-графической) форме, что и является основанием для предложенного автором монографии их определения в качестве средств символики.

В монографии выявлены «разрешающие возможности» средств символики по отношению к задачам описания и указаны их важнейшие инструментальные функции: замещающая, репрезентативная, систематизирующая и структурирующая. Убедительно доказано, что в соответствии со своими «разрешающими возможностями» и инструментальными функциями средства символики находятся в отношении взаимной дополнительности с элементами иных метаязыков и в совокупности составляют неоднородное семиотическое образование, именуемое научным языком лингвистики.

Находится ли что-либо кроме предметного мира за гранями видимого образа, как видимый образ связан с осязаемым текстом, какие семантические законы и синтагматические закономерности продуцируют соположение тех или иных единиц, что вызывает необходимость фиксации визуального образа именно на данном отрезке текста? Эти вопросы, подчас не ставясь прямо, рассматриваются в книге, что, с моей точки зрения, составляет её основную научную ценность. А прикладное значение очевидно: книга может быть полезна для всех создающих и воспринимающих научные тексты, если они заинтересованы в их оптимальном порождении и адекватном осмыслении.

Книга, несомненно, является одним из серьезных шагов к целостному восприятию визуализации.

Ахметова А. В.
A. V. Akhmetova

ПЯТЫЕ АРХИВНЫЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ИМЕНИ В. И. ЧЕРНЫШЕВОЙ (18.11.2014 г.)

5TH V. CHERNYSHEVA CONFERENCE ON ARCHIVAL SCIENCE (18.11.2014)

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент, начальник научного центра социально-экономических и гуманитарных проектов Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36 – 55; 89622960095. E-mail: wyrds@rambler.ru.

Ms. Anna V. Akhmetova – PhD in History, Associate Professor, Head of the Research Centre for Social Economic and Humanitarian Projects, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 36 – 55, Oktyabrsky Ave., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Region, 681021; +7 (962) 2960095. E-mail: wyrds@rambler.ru.

18 ноября 2014 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Культурное наследие Дальнего Востока: сохранение, использование, популяризация», посвященная году культуры в России и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. По традиции мероприятие было посвящено памяти известного хабаровского архивиста и краеведа Веры Ивановны Чернышевой, внесшей неоценимый вклад в воссоздание и популяризацию истории города Хабаровска и всего Дальневосточного региона.

С 2001 г. по инициативе Государственного архива Хабаровского края проводятся научные архивные чтения, носящие имя Веры Ивановны. На конференции собираются архивисты, представители общественности, краеведы, ученые различных гуманитарных направлений, студенты и аспиранты не только России, но и других стран. Их объединяет интерес к нашему прошлому и потребность обсудить будущие перспективы.

Программа Пятых архивных чтений включала обсуждение и изучение историко-культурного наследия Дальнего Востока с позиций исторического, культурологического и искусствоведческого подходов по следующим направлениям:

- Победа в Великой Отечественной войне – непреходящая духовная ценность в создании будущей России;
- Российское культурное наследие: единство или многообразие?;
- Стратегии сохранения культурного наследия: от собирания и архивирования к интерпретации;
- Культурное наследие и проблема национального, религиозного и этнического самоопределения;
- Мемориальная культура России: национальные традиции и стратегии их исследования;
- Практические аспекты в актуализации культурного наследия;
- Актуальные вопросы обеспечения сохранности, использования и популяризации объектов культурного наследия;
- Роль общественных организаций в сохранении культурного наследия;
- Актуализация историко-археологического наследия: региональный аспект;
- Проблемы российского образования в области культуры и искусства;
- Культурное наследие и информационные технологии;
- Музеи, архивы, библиотеки: возможности интеграции национальных культурных ресурсов прошлого и настоящего.

Открыли конференцию с приветственным словом А. Л. Дорохов (и.о. начальника управления по делам архивов Правительства Хабаровского края) и А. Н. Мкртычев (заместитель Председателя Правительства Хабаровского края).

Были представлены пять пленарных докладов, посвященных общим проблемам конференции. А. А. Торопов, директор Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, выступил с докладом об истории и современном состоянии сохранения документов Архивного фонда в дальневосточном регионе. А. В. Алепко, заведующий кафедрой теории и истории культуры ХГИИиК, представил доклад о проблемах охраны объектов культурного наследия Хабаровского края. В. Н. Тимошенко, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ДВГГУ, выступил с докладом на тему «Уроки Великой отечественной войны и значение для будущего России». Малявина Л. С., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин ДВГГУ, выступила с актуальной темой об организации региональных научных исследований на Дальнем Востоке России.

Наиболее интересным было выступление А. А. Захаровой, руководителя департамента по архивному делу республики Саха (Якутия), на тему «Публикаторская деятельность национального архива республики Саха (Якутия) о вкладе народа Якутии в дело Победы». Как оказалось, в Якутии издается много археографических публикаций по истории войны. Вот некоторые из них: «Воины-якутяне – участники освобождения народов Европы от фашизма (1944 – 1945 гг.)», «Золотые звезды земли Олонхо», «Якутяне-снайперы на защите Отечества (1941 – 1945 гг.)», «Танковая колонна «Советская Якутия» (1941 – 1945 гг.)», «Трудный путь к победе».

Все направления конференции были объединены в несколько секций. Первая секция «Изучение историко-культурного наследия: от собирания и архивирования к интерпретации» проводилась в зале заседания Правительства Хабаровского края. Она была посвящена самым разнообразным вопросам истории социокультурного развития Дальнего Востока в XIX – XX вв. Здесь были представлены доклады по истории образования, социальной политики, харбинской эмиграции и т.д.

Вторая секция была наиболее многочисленной и вызвала больше всего обсуждений. Называлась она «Музеи, архивы, библиотеки: изучение национальных и культурных ресурсов» и проводилась в Мраморном зале Правительства Хабаровского края. На заседании обсуждались вопросы роли религиозных организаций в становлении культуры Дальнего Востока, исследования истории и культуры коренных малочисленных народов, а также история библиотечного и музейного дела на Дальнем Востоке. Особо стоит отметить выступление иностранной аспирантки Лю Лицю (Китай), выступавшей с докладом «Документы по изучению китайского языка на Дальнем Востоке России: конец XIX – начало XX вв.», посвященным вопросам истории лингвистического образования в нашем регионе.

Третья секция «Победа в Великой Отечественной войне – непреходящая духовная ценность в созидании будущего России» проводилась в комнате Президиума Правительства Хабаровского края и рассматривала наиболее интересные страницы истории нашей победы на материалах архивов Дальнего Востока и ее влияние на социокультурное развитие общества, а также проблемы послевоенного периода.

Все секции работали плодотворно, и по итогам конференции было принято общее решение. Минутой молчания почтили память об Александре Ивановиче Костанове, руководителе Архивного агентства Сахалинской области и директоре Российского государственного исторического архива.

Во время работы конференции проводились две выставки документов Государственного архива Хабаровского края: первая была посвящена культурному наследию Хабаровского края, вторая – музыкальной культуре края.

По итогам Пятых архивных чтений в 2015 г. будет издан сборник материалов конференции.

Шунейко А. А., Матюшко А. В.
A. A. Shuneyko, A. V. Matyushko

ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ЧАСТЬ I – ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ

**SCIENTIFIC KNOWLEDGE, ITS IDENTIFICATION AND CHARACTERISATION.
PART ONE – POINTS OF REFERENCE**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr.habil. of Philology, Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Матюшко Андрей Владимирович – соискатель кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Ленина, 27.

Mr. Andrey V. Matyushko – PhD applicant, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013.

Аннотация. Работа является вводной частью цикла материалов, в которых рассматриваются характеристические черты научного знания в соотношении с иными сферами познания и предпринимается попытка вычлнить признаки для идентификации научного знания.

Summary. The paper is intended to be a preamble to a series of further studies focused on what scientific knowledge is in comparison with other types and realms of knowledge; we make an attempt to identify the most characteristic features of scientific knowledge per se.

Ключевые слова: сферы познания, обыденное познание, религиозное познание, художественное познание, научное познание.

Keywords: fields of knowledge, commonplace knowledge, religious knowledge, artistic knowledge, scientific knowledge.

С нашей точки зрения, нет необходимости вписывать предложенные далее идеи в существующую совокупность оценок и интерпретаций объекта анализа. В работе реализована попытка фиксации непредвзятого взгляда на объект. В полной мере осуществить это невозможно. Но к этому можно приблизиться за счет следующих процедур: отказ от использования источников, генерирующих стереотипы и отражающих существующие модели; восприятие предшествующих достижений не в формально-понятийном, а в концептуальном плане; экспликация тезисов на едином максимально высоком уровне абстрактности, что не отменяет использования в иллюстративно-аргументационной базе конкретных примеров. Мы не вписываем свой взгляд в сложившуюся эпистемологическую иерархию, а пытаемся осмыслить систему (описать характер научного познания) вне продуцируемой этой системой рефлексии. При таком подходе феномен научного познания воспринимается как самоданный.

Познание – процесс или состояние получения или приобретения (принятия) человеком или коллективом новой или старой истинной или ложной информации о мире или его сегменте – осуществляется различными способами. Следуя традиции, всё многообразие этих способов на самом высоком уровне абстрактности можно подразделить на четыре самостоятельные сферы: обыденное, художественное, религиозное и научное познание. Принципиальные различия между этими сферами определяются тем, что в каждой из них существуют специфические цели, продукты, критерии и области использования (см. табл. 1).

Таблица 1

Цель	Продукт	Характер информации	Взаимоотношение с предыдущей информацией
Обыденное познание			
Прагматическая адаптация организма к среде непосредственного обитания	Проскрипции, проявляющие себя в различных общепринятых правилах, поговорках, стереотипах	Принимается и может быть верифицирована, хотя это не выступает в качестве самостоятельной установки (осуществляется произвольно)	Интегративный процесс, способствующий увеличению общего количества проскрипций: новое знание не отменяет прежнего, не отрицает его, а просто увеличивает его объем
Художественное познание			
Создание уникальных эмоционально достоверных и эстетически насыщенных образов	Эстетически значимые объекты	Самодостаточна	Интегративный процесс, следствием которого является увеличение общего количества эстетических объектов: новое знание не отменяет прежнего, не отрицает его, а просто увеличивает его объем
Религиозное познание			
Ответы на все вопросы, вне зависимости от области их возникновения (быт, нравственность, космогенезис)	Религиозные концепции, фиксирующие системы целостного мировосприятия	Постулируется и репродуцируется в качестве веры и не может быть верифицирована	Происходит процесс исключения, следствием которого является замена одного догмата на другой: новое знание отменяет предшествующее даже в том случае, если формально включает его в себя
Научное познание			
Нахождение закономерностей	Прирост информации, снижающей уровень неопределенности	Находится в условиях постоянной целенаправленной верификации, состоянии перманентного поиска и процессе доказательства и опровержения	Одновременно происходят процессы интеграции, исключения и корректировки, следствием которых является уточнение сведений о мире: новое знание в различных случаях может и добавляться к предшествующему и отрицать его и детализировать

В содержательном смысле информация, которую дают различные сферы познания, преимущественно связана с различными сторонами человеческого существования. В несколько огрубленном представлении эта взаимосвязь выглядит так. Обыденное познание в основном фиксирует проскрипции, связанные с физическим существованием человека (пища, еда); в этом смысле обыденное познание ориентировано на тело. Художественное познание ориентировано на эмоциональную природу человека – душу. Религиозное познание сконцентрировано на духовных вопросах; научное познание – на интеллектуальной стороне – разуме.

Каждая из сфер познания постоянно осуществляет экспансии в тематические зоны иных сфер или имеет перманентную интенцию к интерпретации тех содержательных областей, которые описывают эти сферы. При этом устойчиво присутствует неизменная агрессия. Можно предположить, что она вызвана тем, что процессы продуктивной самоорганизации могут осуществляться только в многополярном конфликтном пространстве. Таким образом, функциональность каждой из сфер определяется целостностью их взаимодействия. Как показывает история, локальное доминирование любой сферы ведёт к нежелательным трагическим деформациям.

Разграничение познания на обыденное, художественное, религиозное и научное является базовым и исчерпывающим. Но в то же время предполагает наличие нескольких пограничных зон, произвольно суммирующих в себе характеристики исходных сфер. Именно так

следует воспринимать мифологическое, философское, иррациональное познание, познание через телесные практики и иные типы познания, наличие которых постулируется некоторыми исследователями. Все они сводимы к четырем базовым сферам. Так, философское (теософское, антропософское) познание, по сути своей, является контаминацией художественной сферы, потому что фиксирует мировоззрение одного человека, и религиозной сферы, потому что предполагает наличие недоказуемых исходных принципов (первопричина – материя, идея). Философия в качестве своей аргументационной базы может использовать научные данные, но не продуцирует их. Познание через телесные практики (йога, айкидо) – контаминация художественной и бытовой сферы и т. д.

Каждая из сфер включает в себя элементы множества, которые относятся как видовые сущности к родовым. Так, художественное познание включает в себя классицистическое, романтическое, реалистическое и т. п.; религиозное познание включает в себя буддизм, зороастризм, иудаизм, манихейство и т. д.

Во всех этих сферах присутствует единый набор методов познания. Так, наблюдение, являясь главенствующим методом для обыденного познания, присутствует во всех остальных сферах. Эстетический отбор по своеобразию художественного воплощения, являясь главенствующим для художественного, присутствует во всех остальных сферах. Интуитивное, являясь главенствующим для религиозного познания, присутствует во всех остальных сферах. Эксперимент, понимаемый в широком смысле, является одним из главенствующих методов научного познания, но в то же время присутствует во всех остальных сферах.

Все базовые и промежуточные сферы в своей целостности находятся вне оценок, ни одна из них не может быть признана предпочтительной, дающей лучшие результаты, позволяющей лучше понять мир, последовательнее описать его, вернее приблизиться к организующим его законам. Существует множество оценок: правильное – неправильное, истинное – ложное, объективное – субъективное, общее – частное, абсолютное – относительное. Даже если признавать действительный статус таких оценок, то они не могут быть приложены к сферам в целом. Это происходит по двум причинам. Во-первых, каждая из сфер содержит сегменты, которые могут быть оценены по-разному: бытовая может содержать истинные сведения, научная – ложные. Во-вторых, все сферы фиксируют факты и фикции единого мира, только по-разному интерпретируют их. В этом смысле они не столько противопоставляются друг другу, сколько взаимно дополняют друг друга.

Нельзя ответить на вопрос, какая из сфер возникла первой. Вероятно, их изначальный синкретизм в процессе самоорганизации породил постепенную дифференциацию, потребность в которой продуцировалась поисками оптимальных для тех или иных объектов способов познания и стремлением представить информацию об их многополярности наиболее полно и всесторонне.

Наличие противопоставления с другими сферами познания говорит о том, что наука является самостоятельной сферой познания. Эта сфера, как и все остальные сферы, содержит две относительно самостоятельные области: область поиска и область связанных с этим поиском социальных институтов, которые могут ему помогать или препятствовать. Необходимо строго разграничивать науку как процесс познания и науку как социальный институт. Две эти области находятся в постоянном сложном взаимодействии. Далее речь пойдет исключительно о науке как процессе поиска и обретения знания.

Приведенные выше характеристики при всей их показательности не объясняют сущностной специфики науки и не дают ответа на вопрос о том, что можно относить к науке, что называть ею не стоит. Для того чтобы приблизиться к ответу на эти вопросы, мы предлагаем последовательный набор характеристик, который, с нашей точки зрения, позволяет однозначно идентифицировать научное познание и обоснованно противопоставить его всем остальным. Эти характеристики относятся к науке как совокупности текстов, фиксирующих определенные положения, то есть к науке как совокупности информационных комплексов.